

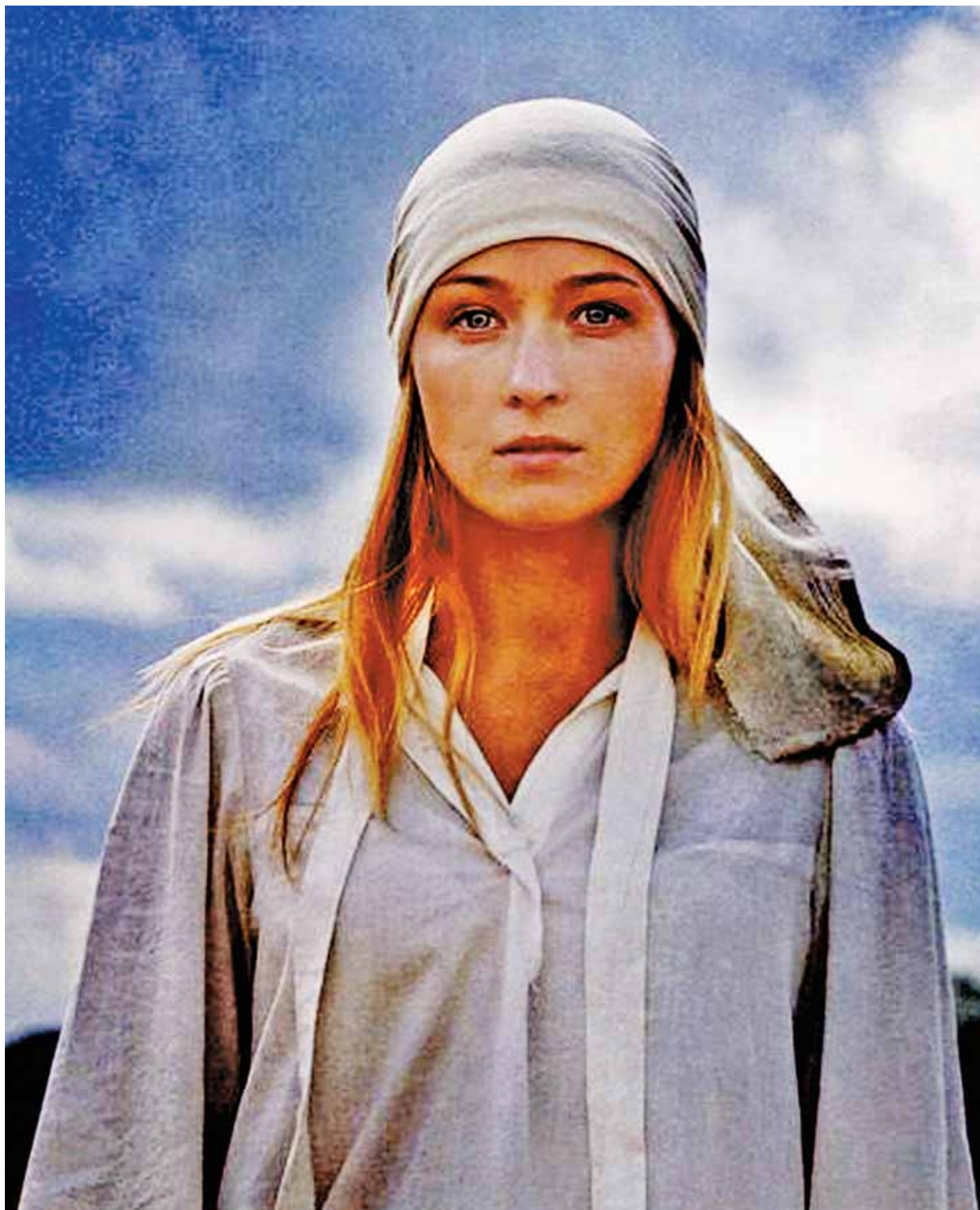
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

6+

ПЯТНАДЦАТЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ РОССИИ

22-27 апреля 2016 года

Тюменская область

Замечательные современники

<i>Евгения Гордиенко</i>	Анатолий Лысенко: «Главное — чтобы зритель стал умнее» 4
<i>Елена Воробьева</i>	Анастасия Панина: «Я — человек целеустремленный и, как правило, добиваюсь своего» 78

Литературные страницы МСПС

<i>Александр Амосин</i>	Стихи 13
-------------------------	-----------------------

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Основатель рода 18
----------------------	---------------------------------

Рассказ

<i>Владимир Бочаров</i>	Орнитолог 28
<i>Ольга Степнова</i>	Уши 86

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Русская железная маска 48
--------------------------------	--

Судьба художника

<i>Валерия Быкова</i>	И.И. Левитан. Мелодии пейзажа 64
-----------------------	---

Это интересно

<i>Юрий Осипов</i>	Испытатель судьбы 98
--------------------	-----------------------------------

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Бабочки на воде 128
--------------------------------	----------------------------------

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Анастасия Панина

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8000

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 14.03.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Николай Иванович Пирогов — русский хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог, создатель первого атласа топографической анатомии, основоположник военно-полевой хирургии, основатель анестезии. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Количество людей, спасенных им от неминуемой смерти, не поддается исчислению. Не зря благодарные пациенты (да и многие коллеги) называли Пирогова «Первым после Бога» — настолько невероятным было то, чего он смог достичь в медицине.*

Светлана **Бестужева-Лада** «Первый после Бога»

«*Одни называли его полугением, другие — полужверем. Он вызывал восхищение у одних и ужас у других. Мало кто из правителей России оставил столь глубокий след в народном сознании, как Иван IV, еще при жизни названный Грозным. Более четырех столетий не умолкает спор об этом человеке, поражающем сочетанием, казалось бы, не совместимого...*

Алла **Зубкова** «Частная жизнь Ивана Грозного»

«*О гвардии сержанте Марии Октябрьской написано немало. В ее честь названы улицы, установлены памятники, сняты фильмы о ней. Казалось бы, что еще можно сказать? А сказать есть что. И мы попробовали среди нагромождения выдумок и мифов, небылиц и нелепиц, ошибок очевидцев восстановить историю этой женщины, настоящей героини советской земли.*

Владимир **Куницын** «Просто Мария»

«*Олега Меньшикова всегда отличали самодостаточность и четкое выстраивание взаимоотношений с окружающим миром. К себе он относится очень серьезно. Перешагнув порог 55-летия, он по-прежнему отличается азартом, энергией и внутренним горением. По-прежнему уверен в себе, заметив недавно, что «вопросы возраста его не мучают», и ему импонирует фраза Гете: «Молодость — недостаток, который со временем проходит».*

Юрий **Осипов** «Войти в свою дверь»

«*Мы начинаем публикацию романа Ивана Переверзина «Постижение любви». Известный литературный критик Лев Аннинский так отозвался о нем: «Этот роман, я думаю, достоин войти в долгую память русской прозы. Независимо от того, останется ли он завершенным или получит продолжение, то есть станет частью многотомной эпопеи...»*

«*Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Бабочки на воде»*

Евгения Гордиенко

Анатолий Лысенко:

«Главное — чтобы зритель стал умнее»

Практически невозможно быть одновременно хорошим журналистом и телевизионным начальником. Слишком разные человеческие качества требуются для того, чтобы профессионально делать либо одно, либо другое. Однако герою сегодняшней истории, Анатолию Лысенко, блистательно удалось и то, и другое. Он — один из немногих, кто сумел не только сделать себе журналистское имя, но и создать «с нуля» несколько успешных телевизионных каналов.

А начиналось все совсем далеко от телевидения — в те времена оно не считалось чем-то серьезным. Отец, например, считал, что сын должен следовать по его стопам и получить «настоящую профессию» — сам он служил в железнодорожном ведомстве.

Мать Анатолия Григорьевича в молодости работала в библиотеке, именно от нее перешла к нему нежная и трепетная любовь к книгам, сохранившаяся на всю жизнь. Друзья знали: у Лысенко всегда с собой

книга, а то и не одна, и к нему можно обратиться с почти любым вопросом — он человек поистине энциклопедических знаний.

Когда началась война, семью эвакуировали под Куйбышев, а отец остался в Москве. Порой к матери приезжали люди, которые говорили, что видели отца то убитым, то расстрелянным. Но она держалась стойко, и вскоре выяснилось, что это неправда.

Но проводить время с семьей и после войны отцу было некогда — по всей стране нужно было восстанавливать железные дороги. Тогда-то он и решил, что сын должен пойти по его стопам.

Однако после девятого класса Анатолий вылетел из школы — за ссору с учительницей — и только после этого, по его собственным словам, начал серьезно относиться к учебе. Ходил в Ленинскую библиотеку, читал запоем книги по всем предметам и с блеском сдал экзамены, освоив годичную программу за месяц.

Отнюдь не мечтая быть железнодорожником, сын уступил воле отца — поступил в МЭМИИТ (Московский электромеханический институт инженеров транспорта), где учились многие дети работников Министерства путей сообщения.

В институте учеба не слишком его интересовала, а вот самодеятельность затянула не на шутку. Причем настолько, что на втором курсе Лысенко отчислили за неуспеваемость,

а декан, заметивший в нем актерские задатки, посоветовал идти в театральное училище. Туда он учиться, однако, не пошел, а перевелся в Московский транспортно-экономический институт. Смешно, но, когда он оканчивал четвертый курс, этот институт объединили с покинутым им МЭМИИТом. Самодеятельность Анатолий Григорьевич не оставил и тут — выступления следовали одно за другим. Помимо учебы и самодеятельности присутствовали в его жизни все приметы того времени — целина, студенческие отряды, агитбригады, где ковались характеры и завязывались романы...

Впоследствии Лысенко вспоминал: *«Наш отряд построил неказистый вроде бы склад. Но лет через двадцать пять, году в 80-м, я был в том районе и решил поехать посмотреть. Стоит!»*

Институт, так или иначе, удалось окончить, после чего последовало распределение на завод. Чугунолитейный цех, затем механосборочный. Рабочий день начинался в восемь часов, и Лысенко приходилось выходить из дома в шесть утра, чтобы преодолеть неблизкий путь до завода. Глаза, по его собственным словам, он открывал только в трамвае. На самодеятельность уже не было ни времени, ни сил. Так бы она и ушла в небытие, но Анатолий Григорьевич решил продолжить учебу и, уйдя с завода, поступил в аспирантуру.

Уже будучи преподавателем, Лысенко познакомился со своей будущей женой Валентиной. И он, который никогда не встречался с девушкой, живущей более чем в пятнадцати минутах ходьбы, стал ездить на свидания с Краснопрудной в Реутов! Такая влюбленность не могла не закончиться свадьбой, и семейная жизнь супругов Лысенко длится уже более пятидесяти лет. А секрет всего лишь в том, что они приняли друг друга таковыми, какие они есть, не предъявляя друг другу особых претензий. К тому же каждый был настолько увлечен своей работой, что на ссоры не оставалось времени.

В 1970 году родилась дочь, и это событие, конечно, стало таким же важным и ярким, как и телевизионный успех, который со временем пришел к Анатолию Григорьевичу.

А телевидение началось для него еще в сентябре 1956 года, когда Лысенко в качестве участника попал на какую-то передачу, названия которой и сам уже вспомнить не в силах. Кто-то его заметил, кто-то стал приглашать выступить — все это происходило параллельно с учебой в МИИТе и институтской самостоятельностью. Студенты показывали то какие-то номера, то свои какие-то особые приколы, которыми можно было «забить эфир», если номера не пропускали. Во время учебы в аспирантуре у Лысенко выходило уже по 3–4 материала в месяц.

Преподавание не радовало, и все чаще возникала мысль связать свою

жизнь с телевидением в качестве внештатного автора. Правда, это означало отсутствие всякой стабильности, да и денег приносило немного. К тому же стали предлагать работу по железнодорожному ведомству — надежную, с зарплатой и перспективами.

Надежд на штатную работу не было никаких. На телевидение «инвалидов 5-го пункта» — так изящно формулировали лиц еврейской национальности — не брали.

И тут вмешался «его величество случай» — секретарь ЦК ВЛКСМ Юрий Торсуев (кстати, отец «Электроников»), участвовавший в конкурсах, которые вел Лысенко, — возмущился и позвонил председателю Гостелерадио СССР Николаю Николаевичу Месяцеву — бывшему тоже тогда секретарем ЦК ВЛКСМ — и поручился за Лысенко. Так в 1968 году Лысенко стал телевизионщиком «в штате» — старшим редактором Молодежной редакции, где проработал 22 года.

Отец, узнав об этом, произнес только: *«Ты умрешь под забором Киевской киностудии»*. Хуже ничего, по его мнению, и быть не могло.

Молодежная редакция была легендой ТВ. Именно здесь были придуманы «КВН», «А ну-ка, девушки!», «Адреса молодых», «Это вы можете», «Аукцион», «От всей души», «12-й этаж», «Что? Где? Когда?», «Поле чудес» и еще множество прекрасных телепрограмм. Вместе с Лысенко работали Валерий Иванов, Влади-

мир Ворошилов, Маргарита Эскина, Александр Масляков, Владимир Соловьев, Кира Прошутинская, Владислав Листьев — всех не перечислить. Большинство сегодняшних мэтров телевидения прошли через «Молодежку».

Молодежная редакция, соответствуя своему названию, была очень живой: постоянно придумывались новые передачи — тогда еще не существовало такого понятия, как «закупка формата», когда закупается все — от сценария программы до дизайна декораций и описания образа ведущего. Корреспонденты «Молодежки» ездили на молодежные стройки страны, на Всемирные фестивали молодежи и студентов в соцстраны и готовили интересные живые репортажи. Именно в этих репортажах, «в муках творчества» истоки дружбы Анатолия Лысенко с Владимиром Ворошиловым. О дружбе с основателем программы «Что?

Где? Когда?» можно вообще написать отдельную книгу — так много значили друг для друга эти два талантливейших человека.

Особую роль в «свободной атмосфере Молодежки» играла партийная организация. Лысенко вступил в партию в 1962 году — еще трудясь на заводе.

Сам он вспоминает так: *«Я очень хотел вступить, потому что отец был членом партии с 1924 года, мать вступила в 1941-м... Когда мы вступали в партию, в обществе было поветрие: считалось, чем больше хороших людей в нее вступает, тем скорее можно будет переломить обстоятельства, тем лучше станет партия».*

Постепенно, разумеется, отношение менялось. И если события в Венгрии в 1956 году воспринимались справедливыми, то к моменту событий в Чехословакии в 1967-м все уже виделось иначе — все понимали, что происходит «что-то не то».

Лысенко возглавлял парторганизацию с 1969 по 1987 год и старался, чтобы влияние партии на редакцию было минимальным — где нужно, «прикрывал» своих сотрудников, где нужно — шел «на ковер» сам.

Он уже и не помнит, как подбирались кадры в «Молодежку». Зато хорошо помнит, что чаще всего решающим был ответ на вопрос: «*Он не сволочь?*» И если нет, то человека принимали, а уже в процессе раскрывался его творческий потенциал.

Из этой считавшейся «несерьезной» редакции вышло пять депутатов Верховного Совета и Госдумы, председатель комитета по информационной политике Госдумы и министр печати России.

С 1982 по 1985-й Анатолий Григорьевич по несколько месяцев проводил как корреспондент в Афганистане. Итогом этого пребывания стал цикл репортажей «Афганский дневник».

Вообще за годы работы в молодежной редакции Анатолий Лысенко стал автором десятков документальных фильмов, а в 1978 году получил Государственную премию СССР за цикл документальных фильмов «Наша биография».

В 1987 году на телевидении появилась новая программа «Взгляд». Анатолий Лысенко стал ее руководителем, и Влад Листьев впервые назвал его «Папой». С тех пор его так называют большинство руководителей российского телевидения, поскольку он оттуда, из «Взгляда».

Как ни странно, толчком к появлению этой программы послужил заказ ЦК КПСС. Поскольку прекратили «глушить» западные радиостанции, требовалось что-то такое, что могло отвлечь молодежь от их прослушивания — нужно было что-то свое.

Концепция «Взгляда» несколько раз менялась — то это была информационная передача, то политическая, то ведущих было трое, то четверо, им придумывались разные образы...

С момента появления «Взгляда» Лысенко, по его собственным словам, «перестал быть журналистом в кадре». Он все больше двигался в сторону руководителя, организатора. И это у него хорошо получалось.

Темы от программы к программе становились все серьезнее — армия, нехватка продуктов, роль партии в обществе, условия труда, взятки. Звонили и писали зрители, и среди волновавших их вопросов все больше появлялось политических. Таким образом «Взгляд» постепенно превращался в политическую программу.

Популярность ее нарастала, к тому же новым форматом становились встречи со зрителями. Билеты распродавались в мгновение ока, иногда собирались целые стадионы. Ведущие «Взгляда» поначалу пребывали в растерянности, больше похожей на ужас, — эти толпы людей приходили, чтобы их слушать, спорить с ними!

Трое ведущих «Взгляда» вошли в историю журналистики — Листьев, Любимов и Захаров. Осветителем на программе начинал Иван Демидов, для «Взгляда» работали Константин Эрнст, Артем Боровик, Леонид Млечин, Елена Ханга. Через программу прошло столько людей, столько талантов она вырастила, что всех и не вспомнить.

28 июня 1990 года после своего ставшего последним эфира Анатолий Григорьевич ушел из «Взгляда». Тогда же Ельцин подписал указ о создании ВГТРК, и Лысенко стал генеральным директором Всероссийской государственной телерадиовещательной компании и заместителем министра печати России.

Должность-то появилась, вот только самой компании еще не было. Бюджет и штатное расписание создавались, что называется, «на коленке». При утверждении бюджета в Министерстве финансов Лысенко в первый и последний раз в жизни услышал вопрос: «А вам не мало будет?» От удивления предложил увеличить бюджет на 30 процентов и, как потом оказалось, правильно сделал. Уложились точь-в-точь.

Первый год, конечно, был самым трудным. Из знаменитого здания на 5-й улице Ямского Поля выселяли министерство, сотрудники которого пытались утащить все, что не приколочено. Нужно было нанимать людей, делать ремонт, заказывать технику. Всеми этими организационными вопросами приходилось

заниматься Анатолию Григорьевичу. Попутно создавалось и «Радио России».

Выйти, как было оговорено, 13 мая 1991 года, просто не было технической возможности. Из всех сил этому препятствовало руководство Гостелерадио СССР.

Тогда Лысенко на совещании предложил: «Давайте сделаем так. Устанавливаем камеры во дворе, натягиваем брезент, ставим канцелярский стол, стул. За столом сидит Света Сорокина и произносит: «Полевая студия Российского телевидения начинает свою работу».

После этого техника и помещения неожиданным образом появились.

Началась позиционная борьба с тогдашним Первым каналом. Он поддерживал Горбачева, а Второй — Ельцина. Чтобы новости выходили первыми, придумали поставить вечерний выпуск на 20.00, в то время как программа «Время» выходила в 21.00. Эта традиция, кстати, сохранилась и по сей день.

В августовские дни 1991 года Анатолий Григорьевич, как и все телевизионщики, дневал и ночевал на работе. После «победы революции» стало ясно, что у канала увеличится объем вещания, и этот эфир надо чем-то заполнять. Постепенно складывалась программная сетка.

На ВГТРК пришли Олег Добродеев, Николай Сванидзе, Александр Гурнов, Вячеслав Флярковский, Сергей Доренко, Юрий Стоя-

нов, Илья Олейников, Борис Берман, Ильдар Жандарев и многие другие.

Тогда же появилась на ТВ и реклама. И именно на ВГТРК стали продавать ее централизованно, то есть получал прибыль с этого канал, а не каждая передача, которая раньше могла использовать эфирное время по своему усмотрению. Это было поистине новое слово в эфирном вещании в России.

ВГТРК был единственным каналом, который работал в ночь с 3 на 4 октября 1993 года, после штурма Останкино. И после окончания мятежа Лысенко вызвали в правительство, однако не позвали Олега Попцова, который также был одним из руководителей канала. Анатолий Григорьевич тогда отказался «принять» компанию в свои руки, чем немало удивил Попцова. Последнего освободили от должности председателя в феврале 1996 года, а на его место был назначен Эдуард Сагалаев. Он решил, что упразднит должность генерального директора, которую занимал Лысенко. Однако Анатолий Григорьевич быть первым замом отказался и вскоре покинул канал. Перед уходом, правда, на праздновании пятилетия ВГТРК Лысенко получил орден из рук Ельцина. До его шестидесятилетия оставалось меньше полугода...

Ему предложили заниматься московским телевидением, и поначалу он к этой идее отнесся скепти-

чески — после ВГТРК создавать новый канал казалось глупостью...

Начинать, по словам Анатолия Григорьевича, нужно было «не с нуля, а с минуса». Качество телевидения в Москве не выдерживало никакой критики — шли безразмерные передачи, каждый делал свой маленький участок и получал деньги. Улучшать никто ничего не собирался.

Но поскольку Лысенко стал председателем Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы, а, по сути, московским министром печати, у него появился прямой выход на мэра. Это помогало — меньше приходилось ходить по кабинетам и выпрашивать деньги.

Телеканал ТВЦ вышел в эфир в июне 1997 года. Вскоре после этого Анатолию Григорьевичу предложили вернуться руководителем на ВГТРК. И Лужков был не против, понимая, что это должность более солидная, однако Лысенко отказался, считая, что дважды в одну реку не войти. Однако и с мэром отношения со временем разладились. Тот стал мнительным, ему казалось, что вокруг собираются одни враги. Лужкову постоянно намекали, что на ТВЦ его мало показывают и пора бы сменить руководство канала. Лысенко решил уйти сам, не дожидаясь увольнения. С ним ушла и часть команды. 1 апреля 2000 года Анатолий Григорьевич покинул мэрию, говоря при этом, что его мечта — сидеть дома и читать книги.

Однако через пару месяцев Олег Добродеев пригласил его поработать своим советником. Возвращение на ВГТРК все же состоялось, пусть и в такой форме. Помимо этого Анатолий Григорьевич стал ведущим телепрограммы на Первом канале, преподавал в Высшей школе экономики, возглавил Академию телевидения и радио. Ведущие газеты и журналы считали за честь,

если на их полосах появлялись материалы Лысенко, не говоря уже о радиостанциях. И, что очень и очень важно, он написал книгу «ТВ живьем и в записи», которая в 2011 году лишь «мелькнула» в книжных магазинах, поскольку была раскуплена за несколько дней. Коллеги и друзья стали уговаривать автора написать «Историю телевидения СССР и России», но...

18 июля 2012 года появился указ Президента Российской Федерации о назначении А.Г. Лысенко генеральным директором АНО «Общественное телевидение России», которое начало работу 19 мая 2013 года. Причем в этот раз в Министерстве финансов, в отличие от 1990 года, у него не спрашивали: «А вам не мало будет?» Бюджет был, что называется, «спущен», и его хватало немногим более чем на половину расходов.

Но если сложности с финансированием были предполагаемыми, то неожиданная реакция критиков удивила. Почти все телевизионные критикессы и критики буквально набросились на канал. А ведь многие из них, по большому счету, состоялись в профессии благодаря Анатолию Григорьевичу. Чего только не писали, как только не издевались... Однако прошло несколько месяцев, на стене кабинета Лысенко появился большой коллаж «Телекритик не дремлет», а злорадства в публикациях поубавилось. Потому как буквально с каждым выходом в эфир становилось понятно, что на канале работают талантливые люди, умеющие делать интересные, востребованные программы и передачи и нашедшие свою изюминку — от логотипа и цветовых решений до теледебатов, в которых не только обходятся без «ора» и взаимных оскорблений его участников, но, к тому же, в студии появились не «прописные политологи», бегающие с канала на канал, а люди, «обремененные» ин-

теллектом и глубокими знаниями. Появились ранее никому не известные молодые ведущие, умеющие неожиданно и интересно преподнести тему для зрителя. И, конечно же, на экране появилась реальная жизнь очень «Большой страны». Это не осталось незамеченным, хотя бы потому, что наиболее продвинутые «конкуренты» потихоньку начали кое-что перенимать у самого малобюджетного коллеги.

А подтверждением успехов ОТР и его руководителя стало присвоение А.Г. Лысенко Премии Правительства Российской Федерации 2014 года в области средств массовой информации — за персональный вклад в развитие средств массовой информации.

А если к этому добавить стремление руководства канала «сеять разумное, доброе, вечное», что нынче особенно востребовано, то становится понятно, что у ОТР очень серьезный потенциал.

Большой потенциал и потому, что основатель и руководитель у него такой.

Руководитель, который умеет найти талантливых и очень талантливых людей и пригласить их вместе работать.

Можно перечислять его заслуги и звания, а можно просто сказать — Анатолий Лысенко!

Который уже много лет хочет сидеть дома и читать книги.

И дай Бог, чтобы его мечта осуществилась не так скоро. □

Александр Амусин

ВЕНЧАЛЬНАЯ

Под ракетами да под топодем,
Иной — шепотом, другой — гоголем,
Что века назад — про любовь гудят,
Да глаза в глаза — как в сердца глядят.

А по рекам ширь — глубока вода,
А по небу плыть — да на облаках.
А над полем песнь — в стынь заслушаться,
Да над лесом клин — с криком кружится...

А над церковью — вновь набат густой,
То один ведет, то несет другой,
Что века назад — под фатой слеза,
Но венец к венцу — да к рукам сердца!

А по селам пляс — по дорогам гуд...
Молодых везут — старикам на суд.
Песнь венчальная, обручальная,
Да слова любви все печальные.

Под калиною иль под яблоней
Столы сдвинуты — яства ядрены!
Как века назад — до утра гульба,
Со слезой листва...
Песни, пляс — гурьба!

Шепот донника, песни лилий,
Пчелы выюжат над васильками...

Мы вчера там с любимой были,
Мы вчера этот мир открыли...
Приглашаем влюбленных с нами!..

Я ТЕБЯ РИСУЮ БЕЛОЙ КИСТЬЮ

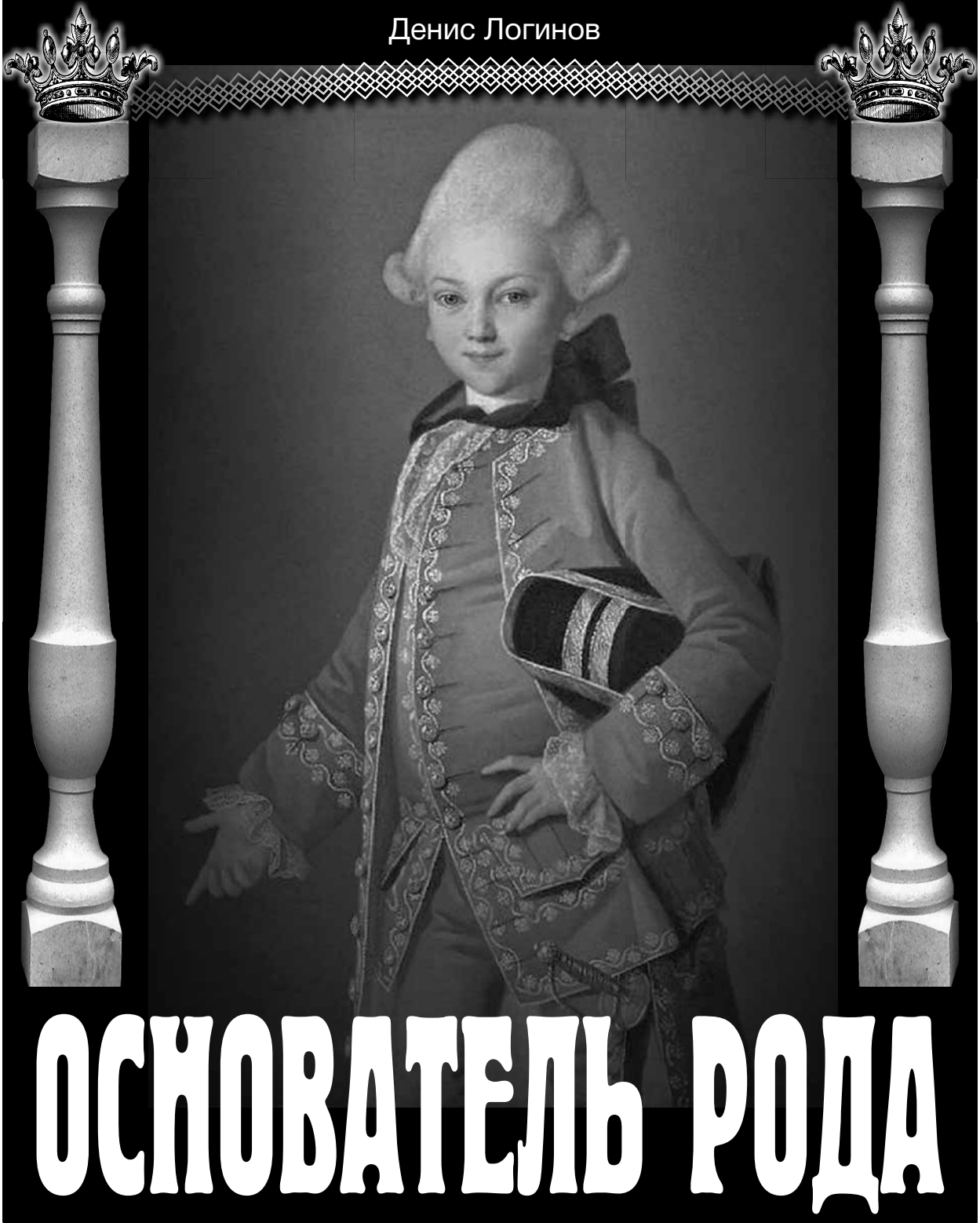
Я тебя рисую белой кистью,
Красками вселенской глубины
На холсте из первых клейких листьев,
Сотканых мгновеньем тишины!
Лик лазурной прорисую кистью,
Нотами заветного ручья
На холсте тысячелетних истин,
Светом между искорок огня.
Изумрудной кистью от галактик,
Звездным светом Млечного пути
На холсте из ситцевого платья,
Вышитом волною от ладьи.
А глаза признаньем дорисую,
Милый носик солнечной пылью,
Губы первым робким поцелуем
И весенней нежностью — лицо!
Пусть замрет Вселенная на вздохе!
Пусть планета остановит бег!
Пусть узнают небо, звезды крохи
Той любви, что создал человек!

СКРИПКА

От своей зимы не вскрикну,
Ваши весны — вам удача!

Я возьму родную скрипку,
Заиграю, как заплачу!

Денис Логинов

ОСНОВАТЕЛЬ РОДА

Весной 1762 года императрица Екатерина II должна была родить своего третьего ребенка. Уже скончалась императрица Елизавета, кото-

рой было безразлично, от кого рождает невестка, лишь бы род Романовых не пресекся. Теперь государством правил ее племянник Петр.

К навязанной ему тетушкой супруге он относился, мягко говоря, прохладно, а с годами эта прохлада перешла в неприкрытую ненависть. Он был чрезвычайно увлечен фрейлиной своей супруги Елизаветой Романовной Воронцовой, племянницей канцлера Воронцова и сестрой княгини Дашковой. Выбор наследника (а в скором времени — императора) вызывал оторопь и недоумение у всех без исключения придворных.

Даже дипломаты были единодушны в оценке новой пассии императора:

«Ума в ней ни грана. Трудно представить женщину безобразнее ее, похожа она на трактирную служанку».

Еще резче высказывался другой дипломат:

«Бранится она как солдат, косо глаза, а при разговоре изо рта ее летит слюна и исходит зловонье».

Ходили слухи, что она регулярно напивается с Петром до бесчувствия, а порой дело доходило даже до рукоприкладства с обеих сторон. Французский посланник Брейтель сообщал в Версаль, что Елизавета Воронцова объявлена первой фавориткой, и *«многие полагают, что, если у любовницы родится мальчик, император провозгласит ее женой, а мальчика сделает наследником».*

В краткое царствование Петра III его супруга Екатерина в глазах народа выглядела настоящей страдальницей. Положение ее при дворе действительно было отчаянным. Все больше ходили упорные слухи о на-

мерении государя развестись с женой. В Шлиссельбургской крепости готовили тюремные покои для ее заточения. При этом император обращался с женой демонстративно грубо.

«Императрица находится в тяжелом положении. Ее третируют с подчеркнутым презрением, — писал французский посол. — Она с трудом сносит обхождение императора и высокомерие госпожи Воронцовой. Зная, что императрица — человек мужественный и сильный, я полагаю, что рано или поздно она примет смелое решение. Мне известно, что друзья стараются ее утешить, многие из них готовы рисковать головой ради нее, если она потребует».

Воронцова всегда была рядом с Петром, и, как доносили в свои столицы иностранные дипломаты, император заставил супругу награждать «его Лизавету» женским орденом Святой Екатерины, на что имели право только женщины царского семейства. Для Екатерины же оказаться в тюрьме или монастыре было смерти подобно, и она была готова принять помощь своих сторонников и друзей, но... забеременела от своего любовника, гвардейца Григория Орлова, славившегося своей красотой и храбростью. Она ни на секунду не сомневалась: проведая законный супруг об ее «интересном положении», мгновенно сослал бы в монастырь и добился развода, поэтому долго носила траурные платья — широкие и бесформенные, они пре-

красно скрывали изменения в фигуре императрицы. Ей, во что бы то ни стало, нужно было обеспечить тайну родов.

К счастью, супруги переехали в только что построенный Зимний дворец, и Петр, желая как можно реже видеться со своей ненавистной женой, отселил ее от себя в другое крыло огромного здания. Но роды есть роды, и утаить их непросто. А как поступить с новорожденным — один Бог знает! Положиться в этом деле можно было только на двух-трех человек из прислуги. Первым из них был камердинер Василий Шкурин — преданнейший человек, верный раб.

Роды должны были начаться в любую минуту, и тут, как на грех, к Ека-

обожавший пожары, сорвался с места и помчался к своему любимому зрелищу. А Екатерина со стоном облегчения повалилась на кровать — как раз вовремя.

Позже выяснилось, что безмерно преданный своей госпоже камердинер Василий Шкурин поджег собственный дом (и еще парочку по соседству), чтобы выманить императора из дворца. План удался: когда пожар потушили, Екатерина уже родила сына, названного Алексеем.

11 апреля 1762 года новорожденный был отдан на попечение Шкурина, и оставался в его семействе до 1775 года.

Позже Екатерина писала сыну: «Мать ваша, быв угнетаема разны-

Е

катерине, во что бы то ни стало, нужно было обеспечить тайну родов. К счастью, супруги переехали в только что отстроенный Зимний дворец, и Петр, желая пореже видеться со своей ненавистной женой, отселил ее от себя в другое крыло здания. Но роды есть роды, и утаить их непросто. А как поступить с новорожденным — один Бог знает!

терине пожаловал законный супруг, которого она обычно месяцами не видела. Зачем пожаловал — и сам не знал, но уселся в кресло и стал долго и нудно рассказывать об изменениях в русской армейской форме.

Екатерина уже кусала губы от нетерпения и боли — схватки начались! — когда на улице поднялся страшный шум: пожар! Император,

ми неприязми по тогдашним обстоятельствам, спасая себя и старшего своего сына Павла, принуждена нашла скрывать ваше рождение, воследовавшее 11-го числа апреля 1762 года».

У Екатерины, женщины честолобивой и властолюбивой, погруженной в политику с головой, никогда не было сильно развитого материн-

*Алексей
в младенчестве*

ского чувства. Она была всегда в делах, и семья казалась ей мало-важной частью ее существования. Кроме того, она не успела привязаться к сыну, полюбить его. Так же случилось, когда в 1754 году она родила старшего сына, Павла, и тогдашняя императрица Елизавета Петровна сразу же унесла новорожденного к себе, решив сама вос-

питать ребенка. Мать же снова увидела Павла только полтора месяца спустя.

Хотя и при других обстоятельствах, но и младшего сына сразу же отобрали у Екатерины. Затем надвинулись судьбоносные события: заговор, тайная переписка, мятеж, победа — словом, Екатерине было не до малыша.

Верного Шкурина она, однако, вознаградила воистину по-царски. В течение 1762 года он был пожалован в обер-камердинеры, а 1 июля того же года (через 2 дня после переворота), произведен в бригадиры и сделан гардеробмейстером императрицы. Шкуруину с женой было пожаловано 1000 душ — «для незабвенной памяти нашего к нему благоволения». Также ему было пожаловано имение Дылицы.

Одним из малоизвестных указов взошедшей на трон Екатерины был следующий:

«Указ Нашей Вотчинной Коллегии

Село Бобриково с приписными так, как оно куплено Нами от Лейб-гвардии конного полка офицера Ладыженского и в ведомстве князя Сергею Гагарину по Нашему указу в смотрении порученное, со всеми из сих деревень от 1763 и 1764 годов собранными доходами, а если доходы отданы в рост, то и с процентами до дня распечатанья сего указа, отдать (ныне, в 1765 году еще малолетнему) князю Алексею Григорьевичу сыну Сицкому, который от Нас

поручен для воспитания Нашему камергеру Василию Григорьевичу сыну Шкуруину, который и укажет, где оный его воспитанник обретается, о чем известна и жена его Анна Григорьевна Шкуруина; а для большей вероятности (и во избежание дальнейшего и всякого трудного исследования, особливо если исследование кому во вред обратилось, — что сим указом накрепчайше запрещаем, понеже Наша воля есть милостивая, и желаем наградить оногo князя Алексея Сицкого из любви и благодарности к отцу его, бывшему капитану, который за нас потерпел), при сем прилагаем половину переломленной печати, и кто принесет другую половину, тому отдать все то, что в сем указе означено; а кто помешает исполнению сего Нашего указа или кто дерзнет, у того князя Алексея Григорьевича сына Сицкого все или часть отнимать, тот да будет проклят, он и потомки его, и на нем страшный суд Божий взыщет».

Так что первоначально Екатерина намеревалась дать своему побочному сыну титул князя Сицкого (вымерший род), но позже, по-видимому, передумала, и мальчик стал графом Алексеем Бобринским.

Тайный сын императрицы вовсе не был тайной для общества — разговоры о нем были совершенно обычным делом, поскольку вызывали у всех неизменный интерес. Да и сама императрица не скрывала наличия у нее еще одного сына. Когда Алексею исполнилось четыре года,

она отправилась с ним в поездку по Волге.

Именно в это время наследник Павел тяжело заболел, и Екатерина, по-видимому, планировала в случае его смерти написать новое завещание в пользу Алексея или обеспечить ему в будущем трон каким-то иным образом. Но Павел выздоровел, и Алексей отправился обратно к Шкуруиным.

Мальчик жил в семье камердинера вместе с родными сыновьями Шкуруина тринадцать лет. Только в 1775 году императрица попросила Бецкого, близкого ей человека, заняться мальчиком. Он уже подросток, и его следовало куда-то определить.

В январе 1775 года Бецкой, познакомившись поближе с жизнью Алеши у Шкуруина, писал Екатерине:

«Я полагаю, Ваше величество, что молодому человеку... не хорошо там, где он находится. Вследствие этого, он в скором времени переселится ко мне... Он слабого сложения... заставляю его посещать театры и собрания, что он очень застенчив и боязлив, я его сожалею...»

Еще через две недели Бецкой сообщил:

«Нахожу, что известный нам молодой человек по своему характеру кроток, а по своей послушности — достоин любви. Но по какому-то предопределению ему не довелось попасть в хорошие руки. Его робость, невежество, его простой образ мыслей возбуждают жалость,

все его познания ограничены... он не обнаруживает ни к чему привязанности, ничто его не трогает, рассеян, почти ничего не говорящий, без малейшей живости, охотник спать».

Все это умная и тонкая Екатерина должна была бы принять на свой счет — мальчик остался без должного воспитания. Характеристика, данная Алеше Бецким, говорила о нем как о натуре неразвитой, педагогически запущенной. Впрочем, в семье лакея иное воспитание Алеше получить было затруднительно.

В возрасте тринадцати лет его вместе с двумя сыновьями Шкурина отправили учиться в военную школу в Лейпциг. Екатерина II переводила деньги на счет Воспитательного дома, которым руководил Бецкой, а тот переправлял их в Германию для оплаты обучения.

После Лейпцига Алексея определили служить в Сухопутном Шляхетском корпусе, который возглавлял все тот же верный помощник Екатерины Бецкой. В этот период своей жизни граф Бобринский время от времени встречался с императрицей, которая уверяла его, что помогает ему исключительно в знак памяти его родителей, но кто они были — не говорила.

Накануне путешествия за границу, которое Екатерина устроила своему сыну в ознаменование окончания учебы, мать и сын встретились. Запись в дневнике Бобринского:

«Я имел счастье поцеловать у нее руку и приветствовать ее. Она играла в бильярд с Ланским... Ея величество села и стала говорить со мною о предстоящем мне путешествии... Она милостиво сказала мне, что надеется, что я доволен распоряжениями, сделанными относительно меня. У меня выступили слезы, и я едва сдержался, чтобы не расплакаться. Через несколько времени она встала и ушла».

Кажется, что теплее государыня принимала Суворова или Румянцева.

В апреле 1775 года императрица повелела называть мальчика Алексеем Григорьевичем Бобринским. До этого его именовали Шкуриным, потом Сицким... Так у него появились и отчество — по настоящему отцу, и фамилия — по названию купленного для него села Бобрики в Тульской губернии.

Тогда же она пожаловала ему герб, на котором изображены двуглавый орел, зверек бобер и графская корона, которую пока он не имел. На гербе надпись: *«Богу — слава, жизнь — тебе».*

Бобринский отправился в Вену в компании еще двух молодых людей и наставника. Тут во всей красе проявились отцовские гены, причудливо сплетавшиеся с материнскими — спесь, пренебрежение к окружающим и одновременно замеченный еще Бецким «сон души».

Как писал сопровождающий Бобринского воспитатель, *«из главных*

слабостей есть в нем еще беспечность и нерадение видеть или узнать что ни есть полезное. Его ничто не трогает, ничто не заманивает».

Но когда после Вены Бобринский отправился в Париж, то практически сразу «проснулся». Мать послала ему солидные суммы денег, которые он проматывал с удивительной скоростью. Вскоре «русский граф» прославился в Париже своими кутежами, вел, как пишет современник, «жизнь развратную,

Через шесть лет Бобринского, обремененного огромными долгами, с большим трудом удалось заманить в Россию. Не прослужив ни одного дня и выйдя в отставку в чине бригадира, он, по желанию государыни, поселился в Ревеле (Эстония). Фактически — это была ссылка за «непозволительное» поведение в Европе.

Но в то же самое время, выплатив, наконец, через доверенных лиц огромные долги сына, Екатери-

Императрица повелела называть мальчика **Алексеем Григорьевичем Бобринским. До этого его именовали Шкуриным, потом Сицким... Так у мальчика появились и отчество — по настоящему отцу, и фамилия — по названию купленного для него села Бобрики в Тульской губернии. Сын великой императрицы оказался велик только своими долгами**

проигрывал целые ночи в карты и наделал множество долгов».

Узнав об этом, Екатерина потребовала немедленного возвращения Алексея в Россию. Не тут-то было. Но в Париже досаждали кредиторы, и сообразительный юноша, не дожидаясь крупного скандала, переехал в Лондон.

Но и там ничего не изменилось. Те же карты до рассвета, сомнительные друзья, женщины легкого поведения, выбрасывание на ветер колоссальных сумм и... долги, долги, долги.

на в 1792 году пожаловала ему утвержденный ею герб Бобринских: орел — символ Орловых, часть Ангальтского герба родителей Екатерины, и медведь — символ Берлина. Известно, что один из предков Екатерины, Альбрехт Медведь, основал Берлин.

Девиз на гербе придумала Екатерина: «*Богу — слава, жизнь — тебе*».

А вообще-то императрица была резко настроена против сына — ведь он не оправдал ее надежд. Хотя Алексей живо интересовался многими

науками: зоологией, ботаникой, химией. Его занимало и военное дело в Европе. Каждый вечер он читал стихи французских поэтов. Но силы воли, желанья заняться чем-то полезным не было.

Только раз Алексей сумел проявить характер и настоять на своем. В Ревеле он познакомился с дочерью коменданта Ревельской крепости барона Унгерна-Штернберга Анной и без памяти влюбился в нее. Он знал, что Екатерина хотела видеть его мужем немецкой принцессы Фредерики Баденской, но невесте только-только исполнилось одиннадцать лет. А Бобринскому уже тридцать... но он все еще не жи-

ницы и благодетельницы Алексея Бобринского, Екатерины II. Ее сын Павел, ставший императором, признал Бобринского братом, познакомил его с членами Сената, утвердил титул графа, повысил до звания генерал-майора, передал ему дворец на Галерной улице, определил на службу. Но близкими людьми они так и не смогли стать.

Бобринский «спал» душой по-прежнему. Петербург его не прельщал, карьера не интересовала, он ушел в отставку и до самой смерти в 1813 году жил помещиком в Бобринках. Занимался сельскохозяйственными опытами, известно, что он собрал за годы жизни во дворце

В

прочем, и отец его, Григорий Орлов, до знакомства с Екатериной был известен лишь лихими попойками, карточными играми до рассвета и немалыми долгами. Разве что рубака был отчаянный, а сын военной службы чурался

вет самостоятельной жизнью, не имеет семьи. И хотя государыня была против брака Алексея, он настаивал на нем до тех пор, пока Екатерина не сдалась. Свадьба была скромной, подарок императрицы выражался в некоторой сумме денег «на обзаведение».

В 1796 году в семье Бобринских родился сын, его назвали Алексеем. А через месяц не стало покровитель-

прекрасную библиотеку. У Алексея Григорьевича и его жены Анны Владимировны было четверо детей. Дочь Мария и три сына — Алексей, Павел и Василий.

Не стало Алексея Григорьевича в 1813 году, он скончался в 51 год. Его жена Анна Владимировна прожила еще 33 года. Могилы, где похоронены Бобринские, были в 20-х годах разрушены большевиками.

Спустя годы Николай Николаевич Бобринский, близкий родственник по линии старшего сына Алексея Григорьевича, Алексея, став председателем комиссии Российского дворянства, сумел восстановить родовые захоронения своих предков.

Сын великой императрицы оказался велик только своими долгами. Впрочем, и отец его, Григорий Орлов, до знакомства с будущей императрицей был известен лишь лихими попойками, карточными играми до рассвета и немалыми долгами. Разве что рубака был отчаянный, а сын военной службы чурался.

Но потомки Алексея Бобринского сумели прославить его фамилию и оставить ее в истории государства Российского.

Этот немногочисленный, но известный дворянский род дал России ученых и министров. В роду Алексея Бобринского были члены Государственного Совета, Думы, немало общественных деятелей. Большую память о себе оставил сын Алексея Григорьевича, Алексей. Он занимался коммерческой деятельностью, в селах установил самоуправление среди крестьянства, являлся инициатором создания железных дорог в России. Его сын Владимир работал в Министерстве путей сообщения.

Правнук Алексея Григорьевича Бобринского, Владимир Алексеевич, был последним хозяином усадьбы в Бобрिकाх. Он долгие годы возглавлял земство Богородицкой волости. Потомки Алексея Григорьевича

*Алексей
Григорьевич
Бобринский
в маскарадном
костюме*

Бобринского породнились с известными дворянскими семьями. Среди них Раевские, Шереметевы, Хомяковы, Львовы, Долгорукие, Горчаковы, Трубецкие. В 1917 году многие близкие и дальние родственники Алексея Григорьевича Бобринского покинули Россию. В наши дни каждые пять лет они собираются в знаменитом дворце графа Бобринского... □

ОРНИТОЛОГ

Зима 1924 года выдалась в Москве суровой, столбик термометра не поднимался выше минус тридцати. Паровоз, окутанный в белую пелену пара, устало тащил вагоны к перрону, лязгая буферами. Белорусско-Балтийский вокзал встречал пассажиров неприветливо. Выйдя из вагона, Володя Крайнов поправил на плече лямки брезентового мешка. Он не был дома два дня — ездил в лес под Можайском, где у него были заветные места для наблюдения и кольцевания птиц. Быстро пройдя через зал третьего класса, Володя вышел на привокзальную площадь и направился к трамвайной остановке. Холодный ветер обжигал щеки и нос, снежные сугробы опоясывали всю площадь. Трамвая долго не было, и Володя так промерз, что решил подойти к извозчикам, которые зазывали одиноких прохожих.

— Служивые, может, кто-нибудь из вас отвезет меня, здесь недалеко, — обратился он к ним.

— Может, и отвезем, если заплатишь. Тебе куда? — бойко произнес молодой парень, подмигнув пожилому напарнику.

— Да здесь рядом, на Лесную улицу.

— Садись, довезу с ветерком, — улыбнулся извозчик.

Они быстро добрались до Лесной и остановились у двухэтажного деревянного дома. Володя расплатился с извозчиком и, подойдя к двери, громко постучал.

— Кого там нелегкая несет в такой ранний час? — услышался испуганный мужской голос.

— Серафим Петрович, открывай, это я, Крайнов, из четырнадцатой квартиры.

Лязнул засов, дверь со скрипом отворилась, и Володя вошел в подъезд.

— Что нового, сосед? — поинтересовался он, закрывая за собой дверь.

— Беда, ой, беда! Два дня назад пришли ночью солдаты и забрали управдома, — тяжело вздыхая, пожаловался Серафим.

— А кто ж теперь вместо него?

— Мария Егоровна Чечеткина. Жуть, какая строгая, из этих — из товарищей. Вот такие, брат, новости. Интересовалась тобой, уплотняет всех, — махнул рукой Серафим и удалился в свою комнату.

Крайнов взбежал на второй этаж, открыл ключом входную дверь и вошел в общую кухню. В квартире, помимо него, проживали еще две соседки — Лидочка Орлова, ответственный работник культпросвета, и Галя Евтюхова, уборщица из земельного товарищества.

— С приездом, Володенька, — поздоровалась Лидочка, выходя из своей комнаты.

— Доброе утро, Лида. Что здесь происходит? Серафим сказал, что у нас новый управдом.

— Новый управдом? Хамка, деревенская баба, уплотняет всех, составляет списки, командует и вынюхивает, активистка! Ты, Володя, поостерегись ее, — предупредила соседа Лида.

— Жалко управляющего, душевный был человек и собеседник хороший, — покачал головой Крайнов.

— Еще приходили двое из ЧК, арестовали Бокова их третьей квартиры, говорят, за спекуляцию, — продолжала делиться новостями Лида.

— Невесело, — буркнул Крайнов и, открыв ключом свою дверь, прошел в комнату.

Старая мебель и книжные шкафы занимали большую ее часть. Остывшая буржуйка стояла не по центру, а ближе к окну, и от нее к форточке шла закопченная черная труба, выходящая на улицу. Только чучела птиц сглаживали унылую картину холостяцкого жилья.

Володя снял с плеча мешок и, не раздеваясь, присел на диван — очень устал с дороги, и ему хотелось спать.

Вдруг за дверью послышался незнакомый женский голос, который громко спросил:

— Ваш сосед дома?

— Откуда мне знать, дома он или нет, — резко бросила в ответ Лида.

Володя сразу понял, что речь идет о нем, и, скорее всего, это новый управдом.

— Ученый он, орнитолог, пишет что-то целыми днями, живет один и интересуется только Луизой Брукс, — испуганно сказала соседка.

— Иностранкой интересуется, значит, что ж, разберемся, — задумчиво проговорил голос, и тут же в дверь Володи постучали: — Есть кто живой?

— Не заперто, входите, — крикнул он.

В комнату вошла девушка, одетая в деревенский тулупчик, перетянутый офицерским ремнем, в валенках и вязаных рукавичках. Голова была покрыта дорогим пуховым платком-паутинкой, из которого выбивалась светлая челка.

— Я — новый управдом, а вы, полагаю, хозяин этой комнаты. Буду вас уплотнять, — строго произнесла она.

— Можете и уплотнять, только скажите, куда съезжать, — устало пробормотал Володя, закрывая ладонью глаза.

— Офицер? Из бывших, что ли? Предъявите документы! — потребовала управдом.

Крайнов медленно поднялся с дивана, достал из кармана шинели удостоверение и протянул его девушке. Она подошла к окну и стала внимательно изучать его.

— Что же вы, товарищ, не сказали, что работаете плотником в зоосаде, а я вас за контру приняла. — Помолчала немного и с улыбкой добавила: — Уплотнение пока отменяется.

— Меня зовут Володя, я работаю консультантом по птицам и по совместительству плотником. А вас как величать? — вежливо спросил он.

— Мария Егоровна — на работе, а так — Маруся, — смущенно ответила девушка и сразу перевела разговор на другую тему: — Холодно у вас тут что-то.

— Я только что приехал, за два дня комната выстудилась, да и дрова нынче в дефиците. Но я привычный, не замерзну.

— А зачем вам дрова, вон, сколько книг, топите себе до весны, — заметила Маруся.

— Книги — это не дрова, — с грустью посмотрел на нее Володя.

Не попрощавшись, управдом вышла, а он повесил шинель на крюк, прибитый к стене, неторопливо, словно во сне, вытащил из шкафа старое верблюжье одеяло, снял валенки, лег на диван, прикрыв себя одеялом сверху, и сразу заснул.

На следующий день, когда он вернулся с работы и, сразу сев за письменный стол, начал разводить чернильный порошок с водой в металлической баночке, дверь вдруг без стука открылась, и в комнату вошла Мария Егоровна, держа в руках несколько березовых поленьев. Она бросила их перед печкой и стала отряхивать рукавичкой испачканный полушубок. Володя с недоумением смотрел на нее.

— Не замерзли еще? Пишите, пишите, я вот вам дрова принесла, сейчас разожгу, — открывая дверцу печки, сказала Маруся.

Вскоре поленья, объятые огнем, начали тихонько попискивать и трещать. В комнате сразу стало теплее и как-то уютнее.

— Спасибо вам за дрова, теперь до утра можно писать, — искренне поблагодарил девушку Володя.

— А чем вы занимаетесь в своем зоосаде? — вдруг спросила Маруся.

— Работы много: клетки чиню, за животными ухаживаю, если нужно, ветеринару помогаю, а в основном изучаю птиц, иногда пишу о них статьи в журнал.

— Может быть, попьем чайку? — неожиданно предложила она.

— Вы знаете, мне как-то неловко об этом говорить, но у меня нет кипятка, а тем более сахара или варенья, а пользоваться вашей добротой как-то не по-мужски, — покачал головой Крайнов.

— Хорошо, подождите, — сказала Маруся и вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

На кухне Лида жарила картошку на чугунной сковородке. Маруся решительно подошла к ней и, наступив валенком на ее ногу, зло процедила:

— Если узнаю, что ты трешься возле этой двери, мигом уплотню!

Вскоре она вернулась в комнату, держа за ручку, обмотанную тряпкой, горячий чайник, и позвала Володю:

— Вот кипяток, присаживайтесь поближе, пока не остыл.

Они устроились за столом, Маруся расстегнула тулупчик, спустила платок на плечи и, бросив взгляд на книжные шкафы, произнесла:

— Как интересно, столько книг! Разве у вас не реквизируют библиотеку постановлением СНК о передаче их в просветительные учреждения? А это что за утка? — удивленно разглядывая чучело, спросила она.

— С книгами мне повезло, никто не донес, а это — «большая поганка», или Чомга, — пояснил Володя.

— А это что за птицы? Я таких никогда не видела.

— Это красноногий ибис и зеленая кваква, а за ними на полке — бурая оляпка и крапивник.

— Хорошо у тебя, как в музее! Можно, я буду иногда заходить к тебе, и ты мне расскажешь об этих диковинных птицах, — незаметно переходя на «ты», попросила Маруся.

— Заходи, я всегда буду рад рассказать что-нибудь интересное, — кивнул Володя.

Следующий день прошел в заботах — Володя чинил сломанные клетки, а потом почти полдня провозился с ветеринаром, помогая ему накладывать шину из деревянных дощечек большому рыжему псу на перебитую лапу. А вечером, вернувшись домой и войдя в квартиру, он увидел сторожившую его в коридоре Лиду.

— Добрый вечер, Володя. Убедился, что это за штука? Тяжело нам придется, — вздохнула она.

— Нелегко, — бросил он на ходу и прошел в свою комнату.

Было холодно. Два полена, оставшиеся со вчерашнего дня, пришлось кстати. Растопив ими печку, Володя прошел к книжному шкафу и, отодвинув перегородку, вытащил из тайника деревянную коробку, в которой лежали пистолет «Дризе», несколько писем и связка колец. Сняв одно колечко, он начал выбивать на нем цифры небольшим керном.

Неожиданно раздался стук в дверь, и Володя быстро убрал пистолет в тайник, прикрыв его книгами.

— Войдите! — крикнул он, продолжая рассматривать кольца.

Это была Маруся. Она снова принесла несколько поленьев и аккуратно сложила их возле печки.

— Давно пришел? — поинтересовалась она, подходя к столу.

— Нет, только что. А ты совсем избаловала меня дровами, — смущенно заметил Володя.

— Что это? — показала пальцем Маруся на колечки.

— Это колечки для птиц. По весне пернатые, попавшие в ловушку, кольцуются, затем их взвешивают и отпускают, а показания записывают в журнал. Таким образом можно проследить миграцию птиц, — пояснил он.

— А это что за значок?

— Это значок «Майского союза». Он вручался всем любителям птиц, которые бескорыстно мастерили скворечники и кормушки, подкармливали птиц в лютые морозы. Почетным членом союза становился тот, кто сделал своими руками пятьдесят или более скворечников...

— Интересно изучать птиц? — перебила его Маруся.

— Очень интересно, — ответил Володя и неожиданно спросил: — А у тебя случайно нет семечек?

— Есть, вот, возьми, — протянула она небольшой бумажный пакетик.

— Холодно сейчас в лесу, корма мало, от этого птицы гибнут, вот я и стараюсь их подкармливать, когда выезжаю за город, правда, это крохи, но, может быть, хоть какой-то птахе спасу жизнь.

— А Луиза Брукс тоже ездит с тобой в лес? — вдруг с ехидством поинтересовалась Маруся.

— Нет, я всегда езжу один, — улыбнулся в ответ Володя.

— Тогда возьми как-нибудь меня с собой, я тоже хочу понаблюдать за птицами, — попросила она.

— Хорошо, в воскресенье поедem в лес, только теплее оденься, — пообещал Крайнов.

В тот вечер они проговорили допоздна, а потом Маруся попрощалась с Володей и ушла. Он не видел, как она спустилась на первый этаж и постучалась во вторую квартиру.

— Кто там? — слышался за дверью чей-то тихий голос.

— Управдом, — громко ответила Маруся.

Дверь распахнулась, на пороге появился испуганный Серафим Петрович в полосатой пижаме.

— Проходите, проходите, не стойте в дверях, не выгоняйте тепло, — залебезил он. — Что случилось? Чем обязан?

— Ты в кооперации работаешь, я знаю, соседи жалуются на тебя, что по ночам колбасу жарить, запах стоит по всему дому, никто заснуть не может. Так вот, к завтрашнему дню, где хочешь, а найди пуда два зерна или семечек, иначе уплотню. Подселю к тебе беспризорников, будешь кормить их до конца своих дней, — пригрозила Маруся.

— Напрасно на меня наговаривают, Мария Егоровна, видит Бог, ни в чем я не виноват, — оправдывался Серафим Петрович.

— Хватит плакать, и чтобы зерно обязательно принес! — предупредила его управдом и громко захлопнула дверь.

— Понял, мне не надо повторять два раза, — вслед ей прошептал кооператор.

Уже на следующий день девушка принесла Крайнову полмешка овса.

— Вот, с оказией достала, для твоих птиц, — с гордостью проговорила она, прислоняя мешок к шкафу.

— Что это? — в недоумении переспросил Володя.

— Зерно, готовлюсь к воскресенью. Я еще достану, — невозмутимо ответила Маруся и, развязывая платок, заметила: — Сегодня у тебя теплее, чем вчера.

— Присаживайся, будем пить особый чай из даров леса, — предложил он, заваривая в металлической кружке сушеную рябину с какими-то травами. — За зерно тебе огромное спасибо, только птицам я оставлю горсточку, думаю, они не обидятся на нас, а остальное давай отдадим Кулешовой, у нее четверо детей, а муж погиб в Первую мировую, тяжело ей одной.

— Делай как считаешь нужным, — отмахнулась Маруся.

— Слушай, нет ли у тебя знакомого, который разбирался бы в радио? — неожиданно спросил Володя.

Девушка на миг задумалась, что-то соображая, и ответила:

— Есть один киномеханик, ухажер моей подружки Наташи, а зачем тебе радиолобитель?

— Приемник надо починить, — объяснил он.

— Хочешь, я вас завтра вечером познакомлю, заодно и кино посмотрим, — сказала Маруся и добавила, поднимаясь: — Спасибо, давно не пила такого вкусного чая.

— До завтра, — попрощался Володя.

— До завтра, — сухо бросила она и ушла.

Утром перед работой Володя отнес зерно Кулешовой. Растроганная женщина, не выдержав, расплакалась, и он поспешил уйти, чтобы не выслушивать слова благодарности. Весь день они с дворником Федюковым сколачивали клетки, чистили вольеры. Высыпав орешки белочке, которую, в честь американской актрисы немого кино, Володя назвал Луизой Брукс, он с любопытством наблюдал, как маленький зверек поедает угощение, поглядывая на него, а затем направился к клеткам с птицами и насыпал им Марусино о овса, торопясь закончить все дела, чтобы пораньше вернуться домой.

А Маруся тем временем, выговорив дворнику за неубранный во дворе снег, поспешила к своей закадычной подруге Наташе Степановой. Они обе были из Тамбова, крепко держались друг за друга, а после гражданской войны обе осели в Москве. Была в их компании еще и Ольга Крылова, невеста Марусино брата, к которой Маруся очень тепло относилась.

— Что-то ты, подруга, заработалась, изводишь себя непосильным трудом, совсем не заходишь, — с некоторой издевкой произнесла Наташа, впуская девушку в квартиру.

— А тебя еще не уплотнили? — не осталась в долгу Маруся.

— Я им уплотню, они у меня здесь по стеночке ходят, — усмехнулась Наташа.

— Ну, и правильно, знай наших! — снимая пальто, рассмеялась Маруся.

— Давай чай пить, с вареньем, из деревни прислали, да и хлебушек есть, слава Богу, — предложила Наташа и добавила: — Ну, как ты живешь? Что нового?

— Комнату дали, уплотнили буржуев, брат Сережа помог, спасибо ему, да и твоему покровителю Петру Григорьевичу кланяйся от меня. Слушай, у нас в доме жилец один есть, толком еще не разобралась, кто он, но, чувствую, наш. Я в него с первого взгляда втюрилась, а он будто и не замечает, что по нему честная девушка сохнет, — с досадой в голосе проговорила Маруся. — Он бывший офицер. Университет окончил и болтался где-то, то ли на Дону, то ли в Сибири, только не с красными. У него пассия есть, какая-то Луиза Брукс, попросила брата, чтобы выяснил.

— С иностранкой трудно будет разобраться, они бабы хваткие, интеллектом сушат. Но ты не отчаивайся, у нас, русских баб, тоже есть тайное оружие, — подбодрила подругу Наташа.

— А я к тебе по делу. Понимаешь, понадобился жильцу человек, который в радио разбирается, вот я и вспомнила, что твой дружок Николай служил на «Орле» радистом. Да и повод появился сходить всем вместе в кино, заодно увидите моего Володю.

— Не на «Орле», а на «Императрице Марии», только ты поменьше об этом труби, — предупредила Наташа.

Подруги допили чай, и Маруся собралась уходить, они договорились встретиться вечером в кинотеатре. Было решено пригласить и Марусино-го брата Сергея вместе с его девушкой и их подругой Ольгой.

Вернувшись домой, Маруся сразу забежала к Крайнову.

— Собирайся, в кино пойдём, тебе повезло, Колька служил радистом то ли на «Орле», то ли на «Императрице Марии», — с порога выпалила она.

— Вот это удача, спасибо, Машенька! — обрадовался Володя и сдернул с гвоздя шинель.

К кинотеатру они подошли за полчаса до начала сеанса. В фойе было уже сильно накурено, народ толкался вдоль стен в ожидании, когда откроется дверь в зал. Наташа, Ольга и Сергей были уже там, и Маруся представила им Володю, после чего все поспешили в зал. Мимо компании прошла какая-то пара, и дама, одетая в дорогое меховое манто, бросила взгляд на Володю и неожиданно подошла к нему:

— Орнитолог?! Какая встреча! Ты же был на юге у белых, и как вдруг в Москве?

— Ася? Сомова? Это ты? — растерялся Володя.

— Ты с кем сейчас? Раскаялся или так, нелегально? — спросила дама, причем так нарочито громко, что на них стали обращать внимание.

— Ты что-то путаешь, — холодно ответил Крайнов, делая вид, что ему не интересен дальнейший разговор.

Дама отошла к своему спутнику и начала что-то шептать ему на ухо.

— Кто это? — с любопытством поинтересовалась Маруся.

— Старая знакомая, теперь уже бывшая знакомая, — неохотно проговорил Володя, и все прошли на свои места.

После окончания фильма дружная компания поднялась по черной лестнице на второй этаж, в будку киномеханика. Дверь открыл Николай и первым протянул руку Володе.

— Раздевайтесь и рассаживайтесь, — пригласил он всех к столу, запирая дверь на два засова.

— Молодец, сразу видно, что ничего не забыл, — похвалила его Наташа, целуя в небритую щеку.

На столе стояла бутылка самогонки, миска с солеными огурцами, аккуратно нарезанные ломтики сала на небольшом блюде, соленые рыжики, квашеная капуста, а по тарелкам были разложены отварной судак и картошка в мундире.

— Не волнуйтесь, сюда никто не придет, я директору кинотеатра подарочек сделал, деревенского сальца передал, так что он свой человек, не беспокоит, — заверил друзей Николай.

Когда выпили и плотно закусили, он повернулся к Володе:

— Мне Наташенька сказала, что тебе нужен специалист по радио. Что там конкретно?

— Понимаешь, приемник у меня сломался, и теперь я не могу узнавать сообщения о миграции птиц, — пояснил Крайнов.

— Не волнуйся, если сам не отремонтирую, поможет мой старый приятель, он дока в этом деле, — пообещал киномеханик и тут же предложил: — Давайте выпьем за Марусю и Володю.

— Возражений нет, — ухмыльнулся Сергей, поднимая стакан.

Маруся, покраснев, обвела всех взглядом и крепко прижалась к Володе.

За разговором выяснилось, что Николай служил у Дутова, а Сергей вместе с Дроздовским отступал из Румынии. Володя не стал кривить душой, рассказал про Дон и Новороссийск, а перед уходом пригласил всех на свои именины.

На следующий день, поднявшись ни свет ни заря, Маруся уложила пакетики с семечками и зерном в небольшой мешочек и поспешила на вокзал. Володя уже ждал ее у касс. За плечами у него был мешок с деревянной клеткой.

— Что у тебя там? — поинтересовалась Маруся.

— Пара снегирей, на рынке купил у ребят, надо их в лесу выпустить, — ответил Крайнов.

Выйдя на станции, они направились пешком к лесу и через час подошли к большой поляне, на которой стояла кормушка для птиц. Выпустив снегирей на волю, Володя насыпал зерно в кормушки, развешанные на деревьях. В лесу было тихо, белые шапки снега покрывали мохнатые лапы елок и макушки сосен. Так бы и стоять среди этой заснеженной лесной красоты, дышать свежим морозным воздухом.

Но, как бы хорошо ни было за городом, но домой все равно надо возвращаться, и, увязая в сугробах, они, уставшие, но счастливые, направились в сторону станции...

На следующий день, освободившись от дел, Маруся, в очередной раз крепко поругавшись с дворником из-за уборки двора и решив вопросы с очередными уплотнениями, побежала к подруге, чтобы обсудить, как отметить Володины именины. Там она застала и Ольгу.

— Раздевайся, — деловито проговорила Наташа, — будем думать по поводу именин, все равно нам придется этим заниматься, не мужикам же.

— А чего тут думать, пойдем в ресторан, надо отметить это дело с размахом, деньги найдутся, да и Коля с Сергеем подсуетятся с подарком, — сказала Ольга.

— Ну, подружки, и как вам Володя? — с замиранием сердца спросила Маруся.

— Хорош, одобряю, то, что надо. Самое главное, порода видна. Симпатичный, образованный, такие нашей сестре и нравятся, — вздохнула Ольга.

— Ладненький, интеллигент, сразу видно, офицерик, словом, наш, по себе сук рубишь, умница, — подхватила Наташа и вдруг предложила: — Вот что, подруги, собирайтесь, и поехали на Сретенку к Наталье Петровне. Золотая тетка, все может достать, со всеми общается — с посольствами, спекулянтами, валютчиками и чекистами. Муж у нее высоко сидит, отсюда и связи большие.

— А зачем она нам? — удивленно спросила Маруся.

— Дуреха, придется ведь надо, в люди идем, в ресторан. Ты что, ползешь к Володьке в вязаных чулках? — ехидно улыбнулась Наташа.

Девушки быстро оделись, вышли на улицу и, поймав извозчика, отправились на Сретенку.

Дверь им открыла сама хозяйка. Одетая в шелковый цветной халат, Наталья Петровна походила на светскую львицу из немого кино. Квартира была огромная и богато обставленная, такое ощущение, словно и нет вокруг никакой разрухи и голода. Стены гостиной были оклеены шелковыми обоями, в углу у окна стояла китайская напольная ваза, а роскошный плюшевый диван и венские стулья дополняли интерьер комнаты.

— Какая у вас красота! — не выдержав, воскликнула Наташа.

— Раздевайтесь, мои дорогие, будьте как дома, — гостеприимно произнесла хозяйка.

Пока девушки устраивались, она разлила чай по небольшим фарфоровым чашкам и при этом щебетала, не умолкая.

— Наталья Петровна, — перебила ее Наташа. — У нас к вам небольшое дельце. В ресторан идем, на именины приглашены, нам бы придется.

— Ну что ж, допьете чай, и будем вас одевать. С кого начнем?

— Начните с Маруси, она у нас главная героиня, — бойко проговорила Наташа.

— Хорошо, а пока мы с ней будем выбирать наряды для ее птицелова, вы, девоньки, присмотрите для себя что-нибудь в модных журналах, — сказала Наталья Петровна, увлекая за собой Марусю.

Оставшись одни, девушки с любопытством стали листать лежащие на журнальном столике модные журналы.

А Наталья Петровна тем временем суежилась вокруг Маруси.

— Ну что, голуба моя, ты рассказывай, а я буду думать, во что тебя одеть.

— А что рассказывать? Влюбилась как последняя дура, а у него в голове какая-то Луиза Брукс, иностранка. Лезут и лезут к нам в Россию, своих мужиков им, что ли, не хватает?

— Дурочка ты, Машенька, плох тот мужик, вокруг которого бабы не выются. Что же касается иностранки, выкинь эту дурь из головы. Запомни, в нашей стране все под контролем, и потом, она не лично его пассия, а миллионов поклонников, Луиза Брукс — звезда кинематографа, пора бы знать об этом, не маленькая. И вообще, не делай из этого трагедии, будь выше, — поучала девушку Наталья Петровна, вынимая из гардероба свертки и коробки, которые, словно по волшебству, превращались в модные платья и кофточки.

Они тщательно отбирали вещи, стараясь ничего не пропустить, у Натальи Петровны были неиссякаемые «закрома родины», как она любила говорить. От такого изобилия красивых вещей у Маруси даже голова закружилась.

— Спасибо вам, Наталья Петровна, теперь мой возлюбленный точно не пройдет мимо меня, — с восторгом проговорила она.

— Подожди, рано благодарить. Понравиться — это еще не все, вот удержать любимого — это настоящее искусство. Да, вот еще что, чуть не забыла, а как насчет подарка к именинам?

— Не знаю. Мы с подругами решили купить приемник, чтобы он мог получать информацию о миграции птиц из других стран, — робко произнесла Маруся.

— Дуреха! Мы решили, мы купили... Забудь, что вы решили. Это ваше общее, а ты не к соседу идешь на именины, а к любимому. Поэтому обязательно сделай подарок от себя лично.

— А что дарить-то, я в этих вопросах совсем несведущая, помогите, Наталья Петровна, — попросила Маруся.

— Подари своему Володьке серебряный портсигар. Есть прекрасные изделия работы Назарова, Николаева, Мишукова, а хочешь, возьми табакерку Калтыкова и, в придачу, спичечницу Густава Клингерта, могу еще предложить «Совнаркомовский» портфель черного цвета с двумя замками.

— Беру все! — растерянно произнесла Маруся, боясь выглядеть полной дурой в глазах хозяйки.

Вскоре она, обвешанная свертками и коробками, вернулась к подругам в гостиную.

— По-моему, ты все скупилась без остатка, — с завистью посмотрела на нее Ольга.

— Милые мои голубки, сейчас и за вас возьмемся, — успокоила ее Наталья Петровна, и девушки скрылись с ней в заветной комнате.

Через час, счастливые и довольные, они вышли на улицу, и Наташа сказала вдруг на прощание:

— Чуть не забыла, Коля нашел у спекулянта импортный приемник для твоего орнитолога, вот и будет хороший подарок.

За буднями и суетой незаметно пролетела неделя, и наступил день, которого все так ждали. Володя проснулся рано, но Лида встала еще раньше и уже ждала на кухне, когда он выйдет из своей комнаты. Она еще с вечера напекла целое блюдо пирожков, а еще купила ему в подарок модный галстук в Пассаже. Вдруг во входную дверь кто-то громко постучал. Лида поставила блюдо с пирожками на стол и вышла в коридор, чтобы открыть ее. На пороге стояла Маруся. Оттолкнув девушку, она прошла в кухню, внимательно озираясь по сторонам. Лида в растерянности закрыла за ней дверь.

— Ты что же, контра, жируешь! Людям есть нечего, а ты пирожками лакомишься! — со злобой воскликнула управдом.

— Какое вы имеете право так со мной разговаривать?! За что вы меня ненавидите?! Я в войну была сестрой милосердия и не заслужила, чтобы со мной так разговаривали! — дрожащим голосом проговорила Лида, прижимая купленный в подарок галстук к груди.

— Я тебя предупреждала, чтобы ты не терлась возле этой двери, а тебе все нипочем. Так вот, на тебя и твоего начальника заведено дело, брат говорил, что тебе не долго осталось тереться буржуйскими боками о соседскую дверь, — пригрозила Маруся и бесцеремонно шагнула в комнату Крайнова.

Володя не ожидал увидеть ее так рано и буквально замер в растерянности. Она подошла к нему, нежно коснулась его руки:

— Поздравляю тебя, моя золотинка, с именинами. Желаю удачи, здоровья и большой любви. — И, лукаво заглянув ему в глаза, добавила: — Но только со мной, до гробовой доски. — Затем протянула Крайнову небольшой серебряный портсигар с выгравированной парящей птицей и дарственной надписью.

— Спасибо, Машенька, — принимая подарок и целуя ей руку, растроганно проговорил Володя.

— Вечером в семь жду тебя на углу возле ворот, — предупредила Маруся, выходя из комнаты.

На работе никто и не вспомнил об его именинах и не поздравил Володю, но он и не обиделся. Почистив клетки и накормив птиц, поспешил домой и начал собираться в ресторан. Открыв гардероб, снял с вешалки шерстяной костюм темно-серого цвета, в котором еще до революции ездил в Германию на выставку птиц. Белая рубашка в полоску и бабочка, бордовое кашне и драповое пальто с приподнятым воротником придавали

ему таинственную импозантность. Он подошел к зеркалу и, надевая на голову бобровую шапку, случайно бросил взгляд на чучело вилохвостой качурки — птица была кем-то общипана, лишь несколько мелких перышек лежали возле муляжа, который когда-то был чучелом. Кто же это мог сделать и зачем? — думал Володя, закрывая на ключ дверь в комнату. Но, подойдя к воротам и увидев одинокую фигуру девушки, поджидающей его, тут же забыл обо всем.

Приблизившись, он с удивлением отметил, что на голове Маруси, одетой в элегантную каракулеву шубку, красовалась шляпка с перышками его качурки. Он ничего не успел спросить, так как Маруся требовательно потянула его за рукав:

— Идем быстрее, опаздываем! Вон извозчик, останови!

Володя помог девушке удобнее устроиться в санях, сам примостился рядом. Когда они подъехали к ресторану, Коля и Сергей уже ждали их у входа, а девушки, видимо, были уже в зале. Они тоже прошли в фойе, разделись и направились к столику, за которым сидели Наташа и Ольга. Коля и Сергей торжественно вручили Володе общий подарок — новенький ламповый приемник, и тут к ним подскочил официант.

— Чего изволите заказать? — заискивающе спросил он.

— Позвольте, друзья, я сделаю заказ, сегодня вы — мои гости, — сказал Володя.

Вскоре на столе появились тарелки с закусками, графины с вином и водкой, и застолье началось.

Гуляли и веселились допоздна, а почти утром, уставшие, но довольные, все разъехались по домам. Маруся не пошла к себе, а поднялась на второй этаж к Володе. Он разжег дрова в буржуйке, и тепло медленно начало растекаться по комнате. Пригласив Марусю к столу, Володя зажег свечу, разлил по бокалам вино, предусмотрительно прихваченное в ресторане, и, улыбаясь, спросил:

— Ты зачем общипала качурку?

— Хотела тебе понравиться, — тихо ответила Маруся.

— Ты мне и без перышек нравишься, с самого первого раза понравилась, когда зашла ко мне.

— А как же соседка из тринадцатой квартиры? — с ноткой ревности в голосе спросила она.

Володя ничего не ответил, молча налил еще вина в бокал и предложил:

— Давай выпьем за нас.

Когда выпили, неотрывно глядя друг другу в глаза, Маруся вдруг произнесла:

— Надо поспать хоть немного, сегодня столько дел, а мы полночи куролесили. Где у тебя постельное белье?

— Там, в шкафу, — удивленно произнес Крайнов.

Маруся достала из шкафа льняную простыню и наволочки, застелила диван и, поглаживая рукой простыню, спросила:

— Откуда такая роскошь?

— От старых времен осталась, — с легкой грустинкой ответил Володя.

Она подошла к нему, спустила бретельку воздушного платья, которое, скользя, упало на пол, и, оставшись в легкой шелковой рубашке, нырнула к Володе под одеяло...

Утром Володя проснулся с трудом, так не хотелось прерывать сказочный сон. Повернув голову, он посмотрел на Марусю — девушка крепко спала, положив руку ему на грудь. Пришлось все же будить ее.

— Пора подниматься, — прошептал ей на ухо Володя. — Я хочу сегодня с тобой расписаться.

Маруся тут же широко распахнула глаза и счастливо улыбнулась:

— Сначала расскажем Сергею, он ведь мой брат, а потом уже всем остальным. Ты иди на работу, я сама всех обегу, а вечером встретимся.

Она поднялась с дивана, оделась и направилась к двери, зачем-то прихватив с собой чучело большой поганки.

— А это тебе зачем? — удивленно спросил Володя.

— У меня проснулась любовь к орнитологии, — бросила Маруся, выходя из комнаты.

Целый день Володя старался занять себя работой, но все мысли его были заняты Марусей. Он еле дождался конца рабочего дня и, примчавшись домой, сразу прошел в комнату Маруси. Она стояла у зеркала, разглядывая свое новое темно-зеленое платье, купленное у Натальи Петровны. Ярко-красная помада подчеркивала красивые контуры губ, зеленые тени были под тон платью. Девушка выглядела настоящей красавицей, и Володя, не удержавшись, опустился перед ней на колени и поцеловал краешек платья.

— Машенька, родная! — только и смог произнести он.

Она взяла Володю за руки, подняла его, крепко поцеловала и, ласково глядя ему в глаза, проговорила:

— Иди к себе и быстро собирайся. Нас будут ждать возле церкви, Сергей уже договорился со священником. А потом — «Ампир».

Володя молча кивнул и побежал к себе наверх переодеваться. Скоро они вышли из подъезда, держась под руку, поймали извозчика и поехали в церковь. Гости и священник уже ждали их там. Когда обряд венчания закончился, счастливые молодожены с гостями отправились в ресторан.

В разгар веселья Маруся вдруг обратила внимание, что Сергей постоянно хмурится.

— Сережа, ты что сегодня такой хмурый, случилось что, или не рад нашему счастью? — обратилась она к брату.

— Рад, — все с тем же хмурым видом сказал Сергей, — только на Володю пришел донос от Аси Сомовой, что он — белый офицер и враг пролетариата, мне сегодня Петр Григорьевич об этом сообщил.

За столом воцарилась гробовая тишина, которую нарушил тихий голос Наташи:

— И что теперь делать?

— Пока не знаю, — ответил Сергей, — донос Петр Григорьевич положил под сукно, еще хорошо, что в кабинете никого не было. Но если будет повторный донос, и не в его смену, тогда беда, неизвестно, чем все закончится.

— Может, им уехать в деревню к родителям или в Орел к моей сестре? — предложила Ольга.

— Это не выход, через месяц или даже через год все равно найдут. Остается одна дорога — за кордон, — с грустью произнес Сергей.

— И что из того, что бывший офицер, уж и не человек, что ли? — заступилась за Крайнова Наташа.

— Нам с Наташей тоже придется бежать, начнут разрабатывать связи, и до нас доберутся, не отсидеться мне в моей кинобудке, если не сейчас, все равно придут, — с досадой произнес Николай.

— Прежде чем уезжать, надо сломать ловушки в лесу, оставленные моим другом, а то по весне полетит птица и будет гибнуть в сетях, — неожиданно сказал Володя.

— Да брось ты со своими птицами, здесь надо думать, как себя спасти, а ты все про ловушки, — упрекнула его Ольга.

— А что, птицы разве виноваты, что некому снять сетки? Это были закрома друга, а он погиб. Пока не сниму сетки, никуда не поеду! — решительно отрезал Крайнов.

— И я с тобой, Володенька, — прижалась к мужу Маруся.

— Решаем так, — заговорил Сергей. — Еще по одной, и по домам, а завтра поедем ломать ловушки. Проездные документы потом я вам сделаю, а где достать паспорта и валюту, вот вопрос.

— Паспорта я выправлю через Наталью Петровну, только надо приготовить деньги, задешево она связываться не будет, — выпалила Наташа.

— Тогда, Наташа, ты — к тетеньке, договаривайся насчет паспортов, а ты, Оля, — с ними, — распорядился Сергей.

— Хорошо, с ними, так с ними, только нам с тобой сидеть здесь и дожидаться гибели тоже не резон, пусть и на нас паспорта сделают, — жалобно посмотрела на Сергея Ольга.

— Правильно, на всех, так на всех, деньги достанем, — поддержал ее Николай.

На следующее утро Крайнов ушел на работу, а Маруся подошла ко второй квартире и начала ногой бить в дверь.

— Кто там? А ну, перестань стучать! — возмущенно выкрикнули из-за двери.

— Открывай, это управдом, — громко сказала Маруся.

— Что ж так стучаться, уважаемая Мария Егоровна, — робко проговорил Серафим Петрович, впуская ее в комнату.

— Если стучусь, значит, надо, — резко бросила Маруся, закрывая за собой дверь.

— Может, чайку? — нерешительно предложил хозяин.

— Некогда мне с тобой чаи гонять, мне нужна валюта — доллары, фунты, ну, что там еще есть. Не думай, за все заплачу, в накладе не останешься, — чуть ли не шепотом проговорила она.

— Откуда же у меня валюта, вы что, Мария Егоровна, под расстрел меня подвести хотите?! — взмолился Серафим Петрович.

— Смерти твоей я не хочу, но если через два дня не будет валюты, я тебя лично пристрелю! — пригрозила девушка, бросая на стол толстую пачку денег.

— Смеетесь, что ли, Мария Егоровна, да что на эти бумажки можно купить! Разбавьте хоть немножко золотишком, — уже спокойнее попросил он.

— И как только тебя земля носит, кровосос! — воскликнула Маруся, но все же высыпала из варежки золотые червонцы.

А тем временем Наташа отправилась к Наталье Петровне и по дороге обдумывала, как подходчивей объяснить возникшие у них проблемы. Внимательно выслушав девушку, Наталья Петровна многозначительно подняла пальчик и произнесла:

— Наташенька, не волнуйся, это не проблема, есть у меня человек по фамилии Хохлов, уж очень любит царские золотые червонцы.

— Хорошо, — кивнула Наташа, — вот метрики и фотографии. А это — валюта, — протянула она конверт, перевязанный ленточкой.

— Валютой жена его занимается, Асенька — замечательная женщина, так что, можно сказать, все твои вопросы мы решили, а теперь попьем кофейку, удовлетворенно произнесла Наталья Петровна.

Вечером все собрались в будке кинемеханика. Отметили свадьбу скромным ужином, еще раз поздравили молодую чету и вручили им подарки: от Сергея с Ольгой — серебряную сахарницу и небольшую пачку иностранных банкнот, от Наташи с Николаем — столовые ложки и вилки

работы Хлебникова. Долго засиживаться не стали, договорились встретиться вечером прямо на вокзале.

Володя заскочил к себе буквально на минутку, чтобы собрать чемодан и саквояж, в который положил самое дорогое, что у него было — материалы по экспедиции на Дальний Восток и на Алтай, семейное серебро, чудом уцелевшее в тайнике, с десяток царских червонцев, револьвер и патроны. Окинув взором свое жилище, он присел на старый диван и закурил. Ему не верилось, что из-за какой-то глупой нелепости надо куда-то бежать, прятаться. Не пошел бы он в кинотеатр и не встретил бы там Асю, ничего этого не было бы. Он никак не мог понять, зачем нужна такая жертва — покидать свое Отечество?! Докурив папиросу, Володя вышел в коридор, провернул два раза ключ в замке, услышал, как щелкнула собачка, и со всей силы досадливо ударил по нему. Ключ сломался и упал на пол, а язычок его остался внутри замка.

— Ты что так долго? — недовольно спросила Маруся, закрывавшая дверь в свою комнату.

Взявшись под руку, они вышли из подъезда и отправились на вокзал.

Ольга и Николай уже были на перроне и ждали их. Подошел поезд, они заняли свои места в холодном вагоне и стали молча смотреть в окно на проплывающие мимо серые строения...

Добравшись до Вереи, друзья вышли из вагона и направились к лесной опушке. Перед ними расстилалось огромное поле с непонятными деревянными постройками в виде ворот, обтянутых сеткой, через которую были видны погибшие от мороза птицы.

— Не успели мы с Петей убрать сети, сколько птиц погубили! — с грустью покачал головой Володя.

— Да ладно, сильно не убивайся, не так уж много и погибло, — утешал его Николай.

Хотели сломать ворота, но они были сделаны так добротно, что ничего не получилось, и тогда решили оборвать сетку. Володе было жаль ее — они с Петей с таким трудом доставали сетку, да еще заплатили за нее огромные деньги, но делать нечего, иначе птиц не спасешь.

Недалеко от ловушек стоял какой-то сарай.

— А это что за домик? — указала на него рукой Ольга.

— Это летнее помещение для кольцевания птиц, — пояснил Крайнов.

Все дружно стали срывать сети, а большие не тронутые куски решили собрать и спрятать в сарае. Там они и разложили на грубо сколоченном столе привезенные с собой продукты и молча принялись за еду, думая каждый о своем. Отдохнув с полчаса, собрались возвращаться к станции, тем более что погода заметно ухудшилась, подул холодный ветер, и по-

шел сильный снег. Поднявшись на перрон, они увидели, что на путях стоит товарняк с лесом, а до вечера не предполагалось никакого поезда. Уговорив машиниста за бутылку самогона и пачку папирос довести их до Москвы, все залезли на паровоз и устроились между дров. Мужчины, подняв воротники, молча курили, девушки спустили пуховые платки на самые глаза, и хлопали руками в варежках, пытаясь хоть немного согреться.

Вернувшись в Москву, решили переночевать у Маруси. Попив горячего чаю с дороги и погасив свечу, Володя и Николай легли на пол, девушки устроились на кровати, и все мгновенно провалились в глубокий сон.

Разбудил их настойчивый стук в дверь. Володя и Николай вскочили и схватились за оружие.

— Кто там? — неуверенно спросила Маруся.

— Открывай быстрее! — раздался за дверью голос Наташи, и она вместе с Сергеем ворвалась в комнату.

— Аська написала второй донос, живо собирайтесь, надо уходить. Оля, веди всех к нам, а вечером встретимся на вокзале, — поторопил Сергей.

— А как же мы? — растерянно обратилась к Николаю Наташа.

— Мы успеем, сначала они, — ответил тот.

— Володя, ты иди с Ольгой, а я вас догоню, только возьми мой чемодан и эту птицу — Чомгу, — попросила Маруся.

— Может, не стоит брать чучело? — робко спросил Крайнов.

— Стоит. А кому его оставлять? Птица поедет со мной, ты же все-таки орнитолог, — твердо проговорила она, аккуратно убирая чучело в коробку.

Все вышли из дома, извозчик, на котором приехали Наташа с Сергеем, не уехал, а ждал их во дворе.

— Усаживайтесь, и до вечера, — попрощался Сергей.

А Маруся тем временем оделась, спрятав на груди золотые сережки с камешками, которые ей на именины когда-то подарили родители, и, закрыв комнату, постучалась к соседу.

— Вот, все, что смог, — услужливо произнес Серафим Петрович, протягивая ей небольшую пачку с валютой.

— Спасибо, — поблагодарила Маруся, — сразу видно, настоящий человек.

— Может, будут еще какие указания?

— Нет, до весны, пожалуй, никаких указаний, а там посмотрим, — загадочно произнесла она и вышла.

Вечером все собрались на Белорусско-Балтийском вокзале. Носильщик вез на разбитой тележке три чемодана, за ним шли Маруся и Володя, в руках у девушки неуклюже покачивалась коробка с большой поганкой.

— Получай, Володя, ваши паспорта. Прохоров выправил их, а его жена, та самая Аська, достала для вас валюту, — хмыкнула Наташа, передавая им паспорта и деньги.

— Не может быть! — удивился Володя. — Тогда зачем она доносы писала?

— Это ваш сосед из второй квартиры купил для вас валюту у Аськи, он у нас давно на крючке, — сказал Сергей и со злостью добавил: — Я тут с ними со всеми разберусь, дорого им обойдется их свобода!

Поезд медленно отходил от перрона. Девушки долго махали платками ему вслед, плакали и сожалели, что не могут быть сейчас вместе с Марусей и Володей. Удастся ли им когда-нибудь еще свидеться?..

Прошло три года. Володя, одетый по последней европейской моде, торопился вместе с Марусей на открытие Всемирной выставки птиц. Он преподавал в пражском университете, а также читал лекции по естественным наукам в Германии и Бельгии. Наташа и Николай жили неподалеку от них и держали на паях небольшое кафе, а Ольга с Сергеем только собирались выехать за границу.

Неожиданно в фойе университета Володю окликнул женский голос:

— Орнитолог, ты ли это?!

Володя оглянулся и, увидев рядом с собой Асю и ее мужа, невозмутимо произнес:

— Да, это я.

— Каким образом ты здесь оказался? — удивленно спросила она.

— Все очень просто, твой супруг выправил нам паспорта, а ты продала валюту, предназначенную нам, — улыбнулся он и, оставив в недоумении растерянную пару, увлек Марусю по мраморной лестнице вверх. Его выступление было намечено третьим. □

Светлана
Бестужева-Лада

РУССКАЯ

ИМПЕРАТОРСКАЯ

ИСТОРИЯ

Об этом российском императоре написано не слишком много. Впрочем, он и императором-то просуществовал всего два месяца и был свергнут с престола гвардейцами Елизаветы Петровны, едва достигнув года и трех месяцев от роду. Новая императрица часок понянчилась с развенчанным младенцем-императором, а потом... потом отправила его в вечное заточение. Так в России появился таинственный узник, существование которого, впрочем, ни для кого не было тайной.

Сохранилась, например, гравюра, на которой изображен император Иван VI Антонович в колыбели, окруженной аллегорическими фигурами Правосудия, Процветания и Науки. Вокруг шейки пухлощеклого малыша обвита тяжелая золотая цепь ордена Андрея Первозванного — едва родившись, император стал кавалером высшего ордена России.

Такова была судьба Ивана Антоновича: всю свою жизнь, от первого дыхания до последнего, он провел в цепях. Сначала в золотых, потом — в железных.

Сын племянницы императрицы Анны Иоанновны принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского Иоанн Антонович родился 12 августа 1740 года. А императором стал в возрасте двух месяцев и пяти дней после смерти своей двоюродной бабушки при регентстве герцога Курляндского Бирона — многолетнего фаворита Анны Иоанновны.

Родился Иоанн Антонович в самом конце царствования Анны Иоанновны, поэтому вопрос о том, кого назначить регентом, долго мучил находившуюся при смерти императрицу. Анна Иоанновна хотела оставить трон за потомками своего отца Ивана V и очень беспокоилась, как бы он не перешел в будущем к потомкам Петра I. Поэтому в завещании она оговорила, что наследником

рвезный кризис — некому было наследовать трон. Анна Иоанновна была бездетной вдовой. При ней жила сестра Екатерина Ивановна, сбегавшая от своего супруга, герцога Мекленбургского, с малолетней дочерью Анной Леопольдовной, которую злые языки считали дочерью Петра Первого.

Правда, жива была цесаревна Елизавета Петровна, которой не было и тридцати лет. В Киле также жил племянник Елизаветы, сын ее покойной старшей сестры Анны Петровны Карл-Петер-Ульрих (будущий император Петр III). Однако Анна Иоанновна не хотела, чтобы «отродье Петра I и лифляндской портомой» вступило на трон Российской империи.

Вот почему в 1731 году был оглашен императорский указ, повергший в изумление всю Россию: согласно

Д

династия Романовых испытывала серьезный кризис — некому было наследовать трон, а императрица Анна Иоанновна была бездетной вдовой. Поэтому еще задолго до брака ее племянницы с немецким принцем и рождения у той сына, был оглашен царский указ, по которому своим наследником Анна Иоанновна объявляла то, «что породит чрево племянницы от будущего брака»

является Иоанн Антонович, а в случае его смерти — другие дети Анны Леопольдовны в порядке старшинства, если они родятся.

Точнее, задолго до брака племянницы императрицы с немецким принцем и рождения у нее сына, династия Романовых испытывала се-

ему, они должны были присягнуть в верности причудливому завещанию Анны Иоанновны, по которому наследником становится «то, что породит чрево племянницы» от будущего брака Анны Леопольдовны с неизвестным еще иностранным принцем.

*Отец — принц
Антон-Ульрих Брауншвейгский*

Удивительно, но именно так и получилось. Правда, с некоторыми поправками.

Регента Бирона дружно ненавидели все — и русские, и немцы. Через месяц с небольшим после воцарения младенца в стране произошел переворот, в результате которого гвардейцы, возглавляемые фельдмаршалом Минихом, арестовали Бирона, отстранили его от власти и отправили в ссылку. Новым регентом была объявлена Анна Леопольдовна, мать императора.

Неспособная управлять страной, живущая в иллюзиях и любовью к своему фавориту, графу Линару, Анна постепенно передала всю свою

*Мать — принцесса
Анна Леопольдовна*

власть фельдмаршалу Миниху, но тот не сумел ее удержать. Фактическая власть в России перешла к канцлеру Остерману, который отправил фельдмаршала в отставку и, соответственно, в ссылку — вслед за Бироном.

Что можно рассказать о самом императоре? Ни многословные указы, им «подписанные», ни военные победы, одержанные «его» армией, сказать о нем ничего не могут. Младенец — он и есть младенец.

25 ноября 1741 года цесаревна Елизавета Петровна совершила очередной государственный переворот. Глубокой ночью она ворвалась с мятежными гвардейцами в Зимний дворец и арестовала мать и отца им-

*Император
Иван Антонович
в колыбели.
Гравюра*

ператора. Солдатам был дан строгий приказ не поднимать шума в императорской опочивальне и взять ребенка-императора только тогда, когда он проснется.

Так около часа они и простояли молча у колыбели, пока мальчик не открыл глаза и не закричал от страха при виде свирепых гренадерских физиономий. Императора Ивана вы-

тащили из колыбели и отнесли к Елизавете.

— Ах, дитя! Ты ни в чем не виноват! — всплакнула склонная к сентиментальности Елизавета и, немного понянчившись с младенцем, передала его охране.

Сначала Елизавета намеревалась выдворить «Брауншвейгскую семью» из России (так было официально

указано в манифесте, обосновывающем ее права на престол), но передумала, испугавшись, что за границей она будет опасна, и приказала посадить в тюрьму бывшую регентшу и ее мужа.

В 1742 году, опять же в глубокой тайне, вся семья была переведена в предместье Риги — Дюнамюнде, затем, в 1744 году, в Ораниенбург, а после — на север страны, в Холмогоры, где маленький Иван, которого теперь, по указанию Елизаветы Петровны, стали называть Григорием, был полностью изолирован от родителей. Он находился в том же архиерейском доме, что и родители, за глухой стеной, о чем никто из них не догадывался.

непрерывно держали в наглухо закрытой комнате без окон — все его детство, всю его юность. У него не было игрушек, он никогда не видел цветов, птиц, животных, деревьев. Он не знал, что такое дневной свет. Раз в неделю под покровом ночной темноты его выводили в баню во дворе архиерейского дома, и он, вероятно, думал, что на дворе всегда стоит ночь.

Долгие северные мытарства (кстати, сблизившие дотоле ненавидевших друг друга супругов) и постоянные роды сильно отразились на здоровье Анны Леопольдовны: в 1746 году она умерла, родив четвертого ребенка — дочь.

Елизавета никогда не отдавала приказа убить Ивана-Григория, но

Комната-камера экс-императора была устроена так, что никто кроме Миллера и его слуги пройти к нему не мог. Содержали Ивана в тюрьме строго. Живого и веселого мальчика непрерывно держали в наглухо закрытой комнате без окон. У него не было игрушек, он никогда не видел цветов, птиц, животных, деревьев и не знал, что такое дневной свет, думая, вероятно, что на дворе всегда стоит ночь

Сначала «Григория» повезли на Соловки, но из-за осенней непогоды добрались только до Холмогор, где Ивана Антоновича поместили в бывшем доме местного архиерея.

Комната-камера экс-императора была устроена так, что никто кроме Миллера и его слуги пройти к нему не мог. Содержали Ивана в тюрьме строго. Живого и веселого мальчика

всегда желала, чтобы он умер. Когда он, восьми лет, заболел оспой и корью, охрана запросила Петербург: можно ли пригласить к тяжело больному доктора?

Последовал указ: доктора к узнику не допускать! Но от болезни, которая сгубила императора Петра II, маленький узник, на свою беду, поправился. Впрочем, может быть, по-

*Император
Иван
Антонович
с матерью*

тому и поправился, что докторов рядом не было...

Императрица запретила учить его грамоте, запретила ему прогулки, запретила даже стражникам разговаривать с мальчиком.

Так прошло восемь лет. В 1756 году шестнадцатилетнего заключенного внезапно перевезли из Холмогор в Шлиссельбург и поселили в

отдельной, строго охраняемой казарме. Охране были даны строжайшие предписания не допускать посторонних к узнику Григорию. Окна помещения, чтобы не пропускали дневной свет, густо замазали краской, в камере постоянно горели свечи, за узником непрерывно наблюдал дежурный офицер. Когда приходили слуги убирать в помещении, Григо-

рия заводили за ширму. Это была полная изоляция от мира...

Не убивать, но и не давать жить...

В 1759 году один из охранников сообщал в своем рапорте:

«Арестанта, кто он, спрашивал, на что тот сказал, что он человек великий, и один подлый офицер то от него отнял и имя переменял».

Ясно, что Иван говорил о капитане Миллере, который отнял четырехлетнего мальчика у родите-

лей в 1744 году. И ребенок запомнил это!

Кстати, личность бывшего государя и его краткое царствование вскоре подверглись процедуре *damnatio memoriae*: 31 декабря 1741 года был объявлен указ императрицы о сдаче населением всех монет с именем Иоанна Антоновича для последующей переплавки.

Через некоторое время монеты перестали принимать по номиналу,

*Императрица
Елизавета
Петровна*

а с 1745 года хранение монет стало противозаконным. Лица, у которых обнаруживали монеты Иоанна Антоновича или которые пытались ими расплатиться, подвергались пытке и ссылке как государственные преступники. Вот почему монеты этого царствования чрезвычайно редки, чтобы не сказать — единичны.

Было отдано распоряжение об уничтожении портретов с изображением Иоанна Антоновича, а также о замене деловых бумаг, паспортов, церковных книг и прочих документов с именем императора («дел с известным титулом») на новые. Часть этих документов сжигалась, а часть хранилась в опечатанном виде в архивах. Изъятию подвергались и пропагандистские материалы, например, опубликованные проповеди с упоминанием имени Иоанна, оды Ломоносова в его честь и прочее.

Этот процесс продолжался все царствование Елизаветы Петровны и был прекращен только после вступления на престол Екатерины II. Даже полтора с лишним века спустя, во время юбилейных мероприятий 1913–1914 годов, младенец-император был пропущен на Романовском обелиске в Александровском саду и на яйце Фаберже «Трехсотлетие дома Романовых».

Так что не стоит упрекать в искажении истории только историков или писателей: самые высокие персоны государства подчас делали все возможное, чтобы полностью стереть из российской истории тот или иной

период вместе с неудобной личностью. И, тем не менее, несмотря на все запреты, «страшную государственную тайну» можно было узнать практически в любом кабаке, особенно ежели оный кабак находился недалеко от места заключения «персоны с известным титулом».

В борьбе со своим юным предшественником на троне императрица Елизавета Петровна прибегла к удивительному, но, впрочем, знакомому нам способу борьбы с памятью о нем. Так в официальной русской истории образовалась огромная «дыра» с 19 октября 1740 года, когда он вступил на трон, и до 25 ноября 1741 года, когда трон захватила Елизавета.

По всем бумагам получалось, что после окончания царствования императрицы Анны Иоанновны сразу же наступило славное царствование Елизаветы Петровны. Лишь столетие с лишним спустя, в 1888 году, были опубликованы два огромных тома бумаг царствования Ивана Антоновича. Так, наконец, тайное стало явным...

Но кто их читал, эти бумаги? А если и читал, то все равно не мог опубликовать ни строчки о событиях полуторавековой давности. И все же, как часто бывало в России, легенда о таинственном узнике перешла в народ в виде сказания о «царевиче Иванушке», которого держали за семью стенами и семью рвами в каменной башне и железных оковах. Все знали, что определили Иванушку в оковы за верность «старой

вере», и страдал он, естественно, за народ.

Народ тут, разумеется, был абсолютно ни при чем. Несчастный узник даже представления не имел о его существовании. Зато те, кто знал о существовании самого узника, всю жизнь несли тяжкий крест этой тайны. Иван-Григорий не давал покоя ни Елизавете Петровне, ни взошедшему на трон в декабре 1761 года Петру III, ни Екатерине II, захватившей власть в июне 1762 года. И все эти самодержцы непременно хотели увидеть таинственного узника собственными глазами.

Так случилось, что в своей жизни Иван Антонович видел только трех женщин: свою мать — правительницу Анну Леопольдовну, и двух императриц! Да и то Елизавета при встрече с ним в 1757 году была одета в мужское платье. В марте 1762 года император Петр III сам отправился в Шлиссельбург, под видом инспектора вошел в камеру узника и даже разговаривал с ним. Из этого разговора стало ясно, что заключенный помнит, что он вовсе не Григорий, а принц или император. Это неприятно поразило Петра III — он-то думал, что узник сумасшедший, беспамятный, больной человек.

Екатерина II получила проблему Ивана в наследство от мужа. И она, тоже движимая любопытством, отправилась в Шлиссельбург в августе 1762 года, чтобы посмотреть на секретного узника и, возможно, поговорить с ним.

Нет сомнения, что Иван Антонович своим диким видом производил на посетителей тяжелое впечатление. Двадцать лет заключения в одиночке искалечили его, ребенок — не котенок, который и в пустой комнате вырастет котом. Иван не знал ласки, доброты, жил как зверь в клетке. Офицеры охраны, люди невежественные и грубые, со зла и от скуки, дразнили Иванушку, били его и сажали «за непослушание» на цепь. Как справедливо писал М. А. Корф, автор книги об Иване Антоновиче, «до самого конца жизнь его представляла одну нескончаемую цепь мучений и страданий всякого рода».

И за что? За то, что в младенческом возрасте был сначала провозглашен императором, а потом свергнут? Жестокость Романовых порой поражает: один император всю жизнь провел в заточении, второй — незаконнейший наследник русского престола — то ли задушен, то ли зарезан сообщниками его жены-узурпаторши. Нужды нет, что Екатерина осталась в веках как Великая: она отобрала трон сначала у своего супруга, потом — у сына, который должен был стать императором, достигнув шестнадцати лет.

Позже «гуманистка» Екатерина II писала, что она приехала в Шлиссельбург, чтобы увидеть принца и, *«узнав его душевные свойства, и жизнь ему по природным его качествам и воспитанию определить спокойную»*. Но ее якобы постигла полная неудача, ибо «с чувствительно-

стью нашею увидели в нем, кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества (Иван страшно заикался и, чтобы говорить внятно, поддерживал подбородок рукой), лишение разума и смысла человеческого».

Поэтому, заключила добросердечная государыня, никакой помощи несчастному оказать невозможно, и для него не будет ничего лучшего, как остаться в каземате. Вывод о безумии Иванушки делался не на основании врачебного обследо-

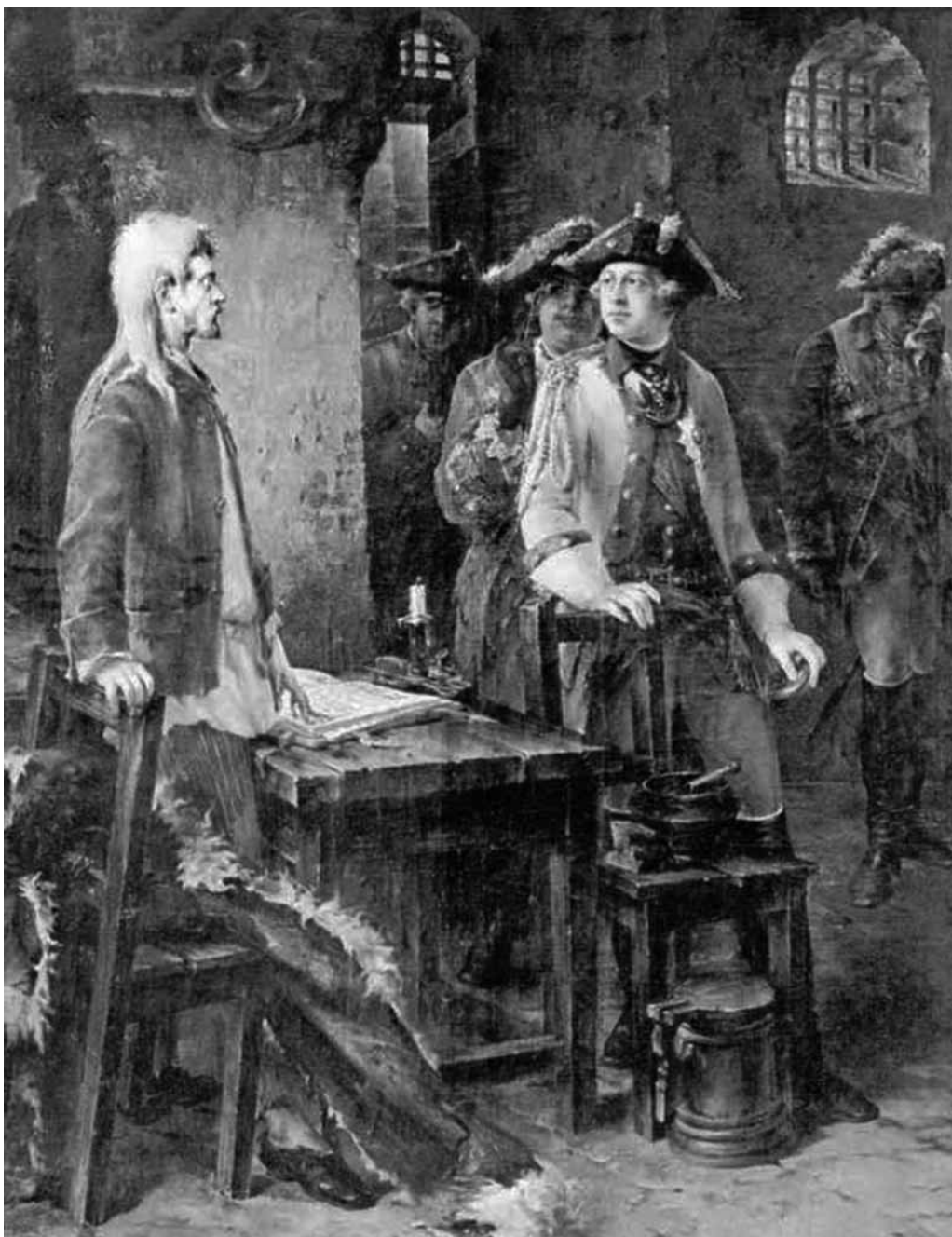
вания, а по донесениям охраны. Какими психиатрами бывают охранники, мы знаем хорошо, профессиональные же врачи к Ивану Антоновичу никогда допущены не были.

Словом, узника так и оставили догнивать в сырой темной казарме. Вскоре после отъезда императрицы из Шлиссельбурга охранники-офицеры Власьев и Чекин получили новую инструкцию. В ней было сказано, что с Григорием нужно вести разговоры такие, «чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину,

то есть к монашеству... толкуя ему, что житие его Богом уже определено к иночеству и что вся его жизнь так происходила, что ему поспешать надобно себе испрашивать пострижение». Вряд ли с сумасшедшим, «лишенным разума и смысла человеческого», можно вести высокие разговоры о Боге и пострижении в монахи.

Крайне важно, что в эту инструкцию, в отличие от предыдущих, был внесен и такой пункт:

«4. Ежели, паче чаяния, случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя бы офицер... и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать... Бude же оная сильна будет рука, что спастись не можно, то арестанта умертвить,

*Император
Петр III
инкогнито
посещает
узника
в Шлиссель-
бургской
крепости*

а живого никому его в руки не отдавать».

Казнить нельзя помиловать.

Екатерину, в принципе, можно понять: пока Иван был в заточении, предпринималось много попыток освободить свергнутого императора и вновь возвести на престол. На всех угодить трудно, в России — тем более. Не зря Елизавета так боя-

попала не вполне законным путем. А в Шлиссельбурге находился законный во всех отношениях император, которого некоторые очень желали бы видеть на российском троне.

Побег из крепости был невыносим: ни одному из заключенных никогда еще не удавалось его совершить. Шлиссельбург стоял на острове

В борьбе со своим предшественником на троне Елизавета Петровна прибегла к удивительному способу борьбы с памятью о нем. По всем официальным бумагам получалось, что после окончания царствования Анны Иоанновны сразу же наступило славное царствование Елизаветы Петровны. И лишь в 1888 году, когда все эти бумаги были, наконец, опубликованы, тайное стало явным...

лась покушений и переворотов, что спать ложилась на рассвете и каждый раз — в другом месте.

Петр III испугаться ничего не успел: во-первых, совершенно не думал о том, что его можно свергнуть или убить, а, во-вторых, был занят тем, что он называл «государственными делами», то есть подготовкой к заточению Екатерины в монастырь и женитьбе на своей любовнице Елизавете Воронцовой. А посещение заключенного в Шлиссельбурге узника довольно быстро изгладилось из его памяти.

А потом — очередной переворот, приведший на трон Екатерину. Эта женщина никогда ничего не забывала и не откладывала «на потом»: всегда помнила, что на престол она

у самого истока холодной и темной Невы из Ладожского озера, был тем первым кусочком неприятельской шведской земли, на который ступила нога Петра I в самом начале Северной войны. Недаром он переименовал крепость Нотебург, отвоеванную в 1702 году у шведов, в Шлиссельбург — «Ключ-город». Этим ключом он потом открыл всю Прибалтику.

И почти сразу же крепость стала политической тюрьмой. Уж очень удобен был для узилища этот уединенный остров. Попастись сюда можно было только через одни ворота, при этом нужно было огибать по воде на глазах охраны почти весь остров. И только раз была предпринята дерзкая попытка освобождения одного из шлиссельбургских

узников — ровно через два года после визита в крепость Екатерины, как будто была угадана авторами пресловутой инструкции. Как по написанному сценарию, явился неизвестный офицер с командой, никаких бумаг охране не предъявил, завязался бой, и, видя, что «оная сильна будет рука», Власьев и Чекин кинулись в камеру.

Они, как сообщал современник, *«напали с обнаженными шпагами на несчастного принца, который к этому времени проснулся от шума и вскочил с постели. Он защищался от их ударов и, хотя был ранен в руку, но сломал одному из них шпагу; тогда, не имея никакого оружия и почти совершенно нагой, он продолжал сильно сопротивляться, пока, наконец, они его не одолели и не изранили во многих местах. Тут он был*

Мирович пытался захватить особую тюрьму, в которой содержали секретнейшего узника. Узнав о его смерти, Мирович сдался на милость властей и был тотчас арестован. Все подбитые им на бунт солдаты также были схвачены. Началось расследование страшного преступления...

Есть все основания подозревать Екатерину II в организации этого «освобождения». В обществе ходили благожелательные слухи об Иване Антоновиче. В 1763 году был вскрыт заговор, участники которого предполагали убить Григория Орлова, фаворита императрицы, и поженить Ивана Антоновича и Екатерину II, чтобы тем самым закрыть долгий династический спор. Такие планы заговорщиков явно не нравились ни Орлову, ни самой государыне. В общем, был человек — и была проблема...

З

ная Екатерину как человека гуманного и либерального, даже допуская, что она не была причастна к драме на острове, трудно поверить, что она не была рада смерти Ивана: нет человека — нет проблемы!

окончательно умерщвлен одним из офицеров, который проколол его насквозь сзади».

Событие произошло в белую ночь с 5 на 6 июля 1764 года. Офицером-освободителем был один из охранников крепости, подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович. С отрядом солдат, которых он подбил на бунт, Ми-

Вот тут-то и появился подпоручик Василий Мирович — бедный, нервный, обиженный, честлюбивый молодой человек. Когда-то его предка, сподвижника Мазепы, сослали в Сибирь, и он хотел восстановить справедливость, вернуть прежние богатства семьи. Когда Мирович обратился за помощью к своему влиятельному земляку, гетману Кириллу

Иван VI

Разумовскому, то получил от него не деньги, а совет: сам прокладывай себе дорогу, старайся схватить фортуна за чуб — и станешь таким же паном, как и другие!

После этого Мирович и задумал освободить Ивана Антоновича, отвезти его в Петербург и поднять мятеж. Однако дело сорвалось, что некоторым историкам кажется вполне

естественным, так как они считают, что Мирович стал жертвой провокации, в результате которой погиб опасный для Екатерины соперник.

Во время суда над Мировичем среди судей неожиданно вспыхнул спор: как могли офицеры охраны поднять руку на царственного узника, пролить царскую кровь? Дело в том, что от судей была утаена ин-

*Мирович
перед
телом
Ивана VI*

струкция от 3 августа 1762 года, данная Власьеву и Чекину и предписывавшая умертвить узника при попытке его освобождения. Однако судьи, не зная об инструкции, были убеждены, что охранники поступили столь жестоко по собственной инициативе, а не выполняя приказ. Но, справедливости ради, мы не можем игнорировать и слова Екатерины, которая писала, что Власьев и Чекин сумели «пресечь пресечением жизни одного, к несчастью рожденного» неизбежные бесчисленные жертвы, которые, несомненно, последовали бы в случае удачи мятежа Мировича.

Действительно, трудно представить, какие реки крови потекли бы по улицам Петербурга, если бы Мирович привез Ивана Антоновича (как он предполагал) в Литейную слободу,

захватил там пушки, поднял на мятеж солдат, мастеровых... И это в центре огромного, густонаселенного города.

Смерть Иванушки не огорчила Екатерину и ее окружение. Никита Панин писал императрице, которая в это время была в Лифляндии:

«Дело было произведено отчаянною ухваткою, которое несказанно похвальною резолюциею капитана Власьева и поручика Чекина пресечено».

Екатерина отвечала:

«Я с великим удивлением читала ваши рапорты и все дивы, происшедшия в Шлиссельбурге: руководство Божие чудное и неиспытанное есть!»

Получается, что государыня была довольна и даже обрадовалась. Зная

Екатерину как человека гуманного и либерального, даже веря, что она не была причастна к драме на острове, объективно смерть Ивана была ей выгодна: нет человека — нет проблемы! Ведь совсем недавно, летом 1762 года, в Петербурге передавали друг другу шутку фельдмаршала Миниха, сказавшего, что он никогда раньше не жил при трех императорах одновременно: один сидит в Шлиссельбурге, другой в Ропше, а третья — в Зимнем.

Теперь, после смерти Петра III «от геморроидальных колик» и гибели Иванушки, уже никто не мог шутить подобным образом.

Расследование по делу Мировича было недолгим, а главное — необыкновенно гуманным, что для дел подобного рода кажется странным. Екатерина запретила пытаться его, не позволила допросить многих его знакомых и даже брата арестанта. Обычно же на следствии в политической полиции родственники становились первыми подозреваемыми в пособничестве преступнику.

Мирович держался невозмутимо и даже весело. Складывалось впечатление, что он получил какие-то заверения относительно своей безопасности. Он был спокоен, когда его вывели на эшафот, возведенный на Обжорке, грязной площади у нынешнего Сытного рынка. Собравшиеся на казнь несметные толпы народа были убеждены, что преступника помилют, ведь уже больше двадцати лет людей в России не казнили. Палач

поднял топор, толпа замерла. Мирович по-прежнему был невозмутим...

Обычно в этот момент секретарь на эшафоте останавливал экзекуцию и оглашал указ о помиловании, жалуя, как говорили в XVII веке, «вместо смерти живот». Но этого не произошло, секретарь молчал, топор обрушился на шею Мировича, и голова его тотчас была поднята палачом за волосы...

Народ же, как писал Г.Р. Державин, бывший очевидцем казни, «ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились».

Люди попадали в Кронверкский крепостной ров. Истинно, концы были схоронены в воду... а также в землю. Ведь еще раньше казни Мировича Екатерина распорядилась закопать тело Иванушки тайно где-нибудь в крепости.

Место захоронения Ивана VI точно неизвестно. Как принято считать, «известный арестант» был похоронен в Шлиссельбургской крепости. Где-то среди развалин Шлиссельбургской крепости, на обширном, пустом и густо заросшем дворе лежат останки настоящего мученика, который весь свой век прожил в клетке и, умирая, так и не понял, во имя чего жил и во имя чего погиб.

При Павле и после него о «русской Железной маске» никто уже и не вспоминал. □

Валерия Быкова

Он достиг такой тонкости и поэтичности в изображении природы, что его работы воспринимаются как запечатленная на полотне задушевная мелодия.

И.И. Левитан

Недаром некоторые картины его были написаны под звуки осенних песен Чайковского. Чехов считал его величайшим пейзажистом XIX века. Горький сравнивал его живописные работы со стихами Бунина. Что ж, И.И. Левитан и впрямь открыл в русском пейзаже красоту, которую до него никто не видел. Он не прожил и сорока лет, но то, что он создал, — бессмертно. Полная испытаний и страданий личная жизнь великого живописца никогда не выплескивалась на его полотно. Напротив, чем грубее и беспощаднее были испытания, которые судьба посылала ему, тем лиричнее, мягче и светлее становились его полотна. И в этом их огромная притягательная сила.

Мелодии пейзажа

Исаак Ильич Левитан появился на свет 18(30) августа 1860 года близ маленькой пограничной станции Вержболово Ковенской губернии в бедной, но интеллигентной еврейской семье. Дед его был раввином. Отец тоже окончил раввинское училище, но идти по религиозной стезе не захотел. Человек непоседливый и беспокой-

служил кассиром на станции Ковно и даже библиотекарем в сельской читальне. Всеми силами он пытался вырваться из тисков бедности, но, несмотря на свою энергию и знания, не мог достойно содержать семью, в которой подрастали четверо детей.

Мать была женщиной непрактичной. Реальную жизнь ей заме-

«Вечерний звон»

ный, он за свою, в общем, недолгую жизнь успел сменить несколько профессий. Самостоятельно выучив французский и немецкий языки, работал переводчиком во французской фирме, строившей мост через Неман,

няла литература. Порой она забывала накормить детей и мужа, вместо этого с восторгом пересказывая им события из прочитанной книги или вдохновенно читая всем вслух.

Но ребяташки выросли. Им уже недостаточно было занятий с отцом, приходившим со службы страшно усталым, мало и ежевечерних чтений матери. Родители понимали — детям нужна школа, атмосфера и культура большого города, и семья переехала в Москву. Отец целыми днями мотался по городу, давая уроки французского языка в богатых домах, но платили ему, увы, сущие гроши. Призрачная мечта об обеспеченной жизни таяла, как утренний туман на Москва-реке. Единственно, что утешало и поддерживало старшего Левитана — это то упорство, с каким его дети старались приобрести знания. Дочери прилежно сидели за учебниками. Старший сын занимался в Училище живописи, ваяния и зодчества, и делал явные успехи в композиции. Младший, Исаак, учил французский и тоже мечтал о карьере художника.

В тринадцать лет мечта его исполнилась — он сдал экзамены в училище и, наконец, стал студентом. С первых же дней учебы Исаак проявлял незаурядные способности. Мать едва скрывала слезы, когда он показывал ей ящик с красками и две дюжины кистей — награду за «первые номера по художественным занятиям». Увы, ей не пришлось дожить до первых настоящих успехов своего любимца. В 1875 году ее унесла внезапная болезнь. Горе юного Левитана не знало границ, но впереди его ждали новые тяжелые испытания. Через два года эпидемия брюшного тифа свалила отца и самого Исаака. Их увезли в разные больницы. Когда исхудавший, осла-

бевший юноша вернулся в тесную квартиру на Солянке, он узнал страшную новость: отец не перенес болезни и умер. Семья осталась без главы, без всяких средств к существованию. Старшая сестра Тереза к этому времени уже вышла замуж, но ее муж коммерсант-неудачник очень бедствовал. Появились дети, а с ними еще бóльшая нужда.

Не желая быть сестре в тягость, Левитан ушел из дома. В свободные от занятий часы он бродил по улицам, а ночевал в училищных классах, в гряде пыльных холстов или грязных лохмотьев реквизитных мастерских. Но оттуда его порой выгонял ночной сторож Земляникин, носивший прозвище «Нечистая сила». Впрочем, иногда у отставного солдата случались добрые минуты, и он оставлял бесприютного юношу ночевать в своей комнатухе и даже поил чаем.

Платить за учебу было нечем, и однажды в классе было объявлено, что Левитан должен покинуть занятия. Едва за ним успели закрыться двери, как товарищи единодушно решили собрать деньги, и еще до вечера необходимая сумма была внесена в канцелярию. На другой день Левитан произносил слова благодарности, они застревали в горле, он буквально захлебывался слезами. Исаака на несколько лет освободили от платы за учение, «ввиду крайней бедности и отличных успехов». Он занимался в пейзажной мастерской, руководимой выдающимся мастером А.К. Саврасовым, который относился к способному юноше с трогательной нежностью.

*«Осенний
день.
Сокольники»*

В училище имя Левитана становилось все приметнее. За один из своих пейзажей он получил Малую серебряную медаль, и его зачислили на стипендию имени князя Долгорукова.

Впрочем, жизнь не переставала преподносить ему не очень приятные сюрпризы. Весной 1879 года после покушения на Александра II

евреям было запрещено жить в Москве. Левитан, сестра и брат обосновались в Салтыковке. В училище приходилось ездить поездом. Денег катастрофически не хватало. Угнетала унижительность и неопределенность положения. Только природа, которую он любил до самозабвения, давала душевное спокойствие, лишь

«Лесная речка»

она не замечала нищеты и позировала ему как смиреннейшая из натурщиц. Особенно полюбилось Левитану работать в Сокольниках. Его картина «Осенний день. Сокольники», выставленная им на очередной ученической выставке в начале 1880 года, была куплена замечательным собирателем русской живописи П.М. Третьяковым, который чутко оценил не только достоинства картины, но и возможности ее автора. Кстати, женская фигура, изображенная на полотне, была написана не самим Левитаном, а его приятелем по училищу Николаем Чеховым. Тот заметил, что аллея парка выглядит как-то пустовато без человеческой фигуры, и предложил свои услуги. (Позднее Левитан вернул товарищу «долг», написав небо на его картине «Мессалина».)

Шло время. Приближался срок окончания училища. Чтобы получить Большую серебряную медаль и сопутствующее ей звание классного художника, нужно было представить совету Училища картину. Полотно молодого живописца изображало пейзаж — поле с копнами сжатого хлеба. Желая выслушать авторитетное мнение о картине, прежде чем выставить ее на суд жюри, Левитан с трудом разыскал своего бывшего наставника Саврасова. К этому времени гениальный, но уже спившийся художник был уволен из училища и скитался где-то по ночлежкам. Посмотрев картину, автор бессмертных «Грачей» на обороте холста размашисто написал мелом: «Большая серебряная медаль». Однако другие профессора оценили дипломную работу Левитана иначе: картина была

отвергнута. То ли полотно в самом деле не отвечало каким-то жестким академическим требованиям, то ли, что, скорее всего, профессоров просто обозлила оценка человека, изгнанного из училища, но продолжавшего навязывать им свое мнение, но Левитану даже не было предложено доработать картину, а предложение написать новую работу молодой художник в запальчивости отверг. Неопределенность тянулась несколько лет, пока в 1886 году Левитан не получил диплом «неклассного художника», с которым и вышел в жизнь.

Впрочем, к этому времени он уже был признанным живописцем, хотя продолжал жить по-студенчески бедно и скитался по меблированным комнатам.

Летом он уезжал на этюды, осенью возвращался в Москву, зимой писал декорации для частной оперы известного мецената Мамонтова. Постепенно Левитан стал одним из постоянных участников выставок Товарищества передвижников.

Николай Чехов познакомил Исаака со своим братом Антоном, и молодые люди очень сблизились. Их влекло друг к другу единство интересов, им нравились одни и те же книги, оба они любили в природе и элегию сумерек, и буйство закатов. Особенно близко они сошлись весной 1885 года. Левитан поселился тогда в деревне Максимовка неподалеку от Нового Иерусалима. Рядом, в имении Киселевых Бабкино, сняла флигель дружная семья Чехо-

вых. Это была очень трудная весна для Левитана. Он потерял веру в свое призвание, не надеялся больше на свой талант, все сделанное казалось ему ничтожным. «С беднягой творится что-то неладное. Психоз какой-то начинается, — писал о нем Чехов их общему знакомому, — хотел вешаться!.. Взял его с собой на дачу и теперь прогуливаю. Словно бы легче стало». Однако черная меланхолия, которой суждено было грызть художника всю жизнь, не отступала. Когда однажды обеспокоенные долгим отсутствием Левитана в Бабкино братья Чеховы отправились к нему в Максимовку, они застали художника совсем расклеившимся. Хозяева избы, которую он снимал, потихоньку сообщили Антону Павловичу, что «Тесак Ильич», как они величали своего постояльца, стрелялся. Под каким-то предлогом Чехов настоял на переселении Левитана в Бабкино.

Обитатели флигеля делали все, чтобы рассеять мрачное настроение художника. Охота, рыбалка, походы за грибами... Всевозможным шуткам и дурачествам не было конца. Атмосфера становилась все более теплой, и лишь новая неожиданная выходка Левитана нарушила спокойствие. Он уже давно ходил на этюды с Машей Чеховой, младшей сестрой Антона Павловича, которая робко пробовала свои силы в живописи. Левитан помнил Машу еще девочкой (она приходила к нему с Николаем) и был поражен тем, что она «стала совсем взрослая барышня». И теперь вся его глубокая, даже неистовая при-

вязанность к семье Чеховых сконцентрировалась на этом юном существе. Однажды во время прогулки Левитан вдруг опустился перед ней на колени, и полились не очень связные бурные слова объяснения в любви. Пунцовая от смущения и волнения Маша убежала в дом. Целый день она провела в своей комнате, а потом состоялся ее разговор с Чеховым: «Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты», — заявил ей брат.

Беспокойство Чехова по поводу судьбы сестры не трудно понять. При всех своих дружеских чувствах к Левитану, он имел серьезные основания сомневаться в том, что брак с художником принесет сестре счастье. Человек тонкой деликатной души, Левитан в то же время страдал явной неуравновешенностью, которую Чехов, как медик, не мог не ощущать. Были и другие причины. Трудная молодость во многом закалила Левитана, но и породила в нем почти болезненное стремление «показать себя», добиться успеха, что делало его уязвимым по жизни. Сомневался Чехов и в долговечности его чувства к Маше. Он понимал, что страстная натура художника будет брать свое, и приступы меланхолии он будет гасить не только неистовой работой, но и наслаждениями, в том числе любовными.

Несколько дней Левитан ходил по Бабкино мрачной тенью, но, в конце концов, друзьям удалось сгладить остроту его переживаний по поводу неудавшегося романа. Вскоре художник и Маша возобновили со-

вместные прогулки, а воспоминания о пылком объяснении в любви подернулись грустной дымкой. Впрочем, для Левитана история неудачного сватовства не прошла бесследно. Никогда больше он уже не искал счастья семейной жизни.

Весной 1886 года Левитан впервые отправился в Ялту, в Алушту за новыми мотивами и впечатлениями. Поездка оказалась на редкость плодотворной, она высветлила его палитру и научила изображать солнце. На открывшейся вскоре выставке работы художника были быстро распроданы, две из них — «Сакля в Алушке» и «Улица в Ялте» — приобрел П.М. Третьяков.

Некоторые друзья опасались, что красоты юга заслонят перед художником неброскую прелесть северных российских пейзажей. Эти опасения оказались напрасными. Левитан еще с ученических лет мечтал попасть на Волгу. Ранней весной 1887 года его желание осуществилось. Правда, первая встреча особой радости художнику не принесла. «Разочаровался я чрезвычайно. Ждал я Волги, как источника сильных художественных впечатлений, а взамен она оказалась мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце, и явилась мысль: не уехать ли обратно?» — писал он Чехову.

В Нижнем Новгороде он сел на пароход и поехал вниз по реке. Останавливался там, где понравится, но не задерживался подолгу на одном месте. Постепенно ему начинала открываться суровая красота Волги. И хотя при первом знаком-

*«Канал
в Венеции»*

стве с нею Левитан еще не увидел всех граней ее красоты, она покорила его и заморозила своей загадочностью. Зимой художник продолжал жить волжскими впечатлениями и нетерпеливо ждал новой встречи с великой русской рекой.

Примерно в это же время произошло довольно важное событие в его личной жизни. Он познакомился с Софьей Петровной Кувшинниковой, хозяйкой московского салона, где

бывали известные актеры, художники и музыканты. Сама Софья Петровна, безусловно, была личностью неординарной. Знакомые художники писали ее портреты, ей посвящали стихи, ее имя упоминается в мемуарах современников. Она слыла весьма оригинальной и эксцентричной женщиной в духе Жорж Санд, но при этом сумела сохранить старомодную благовоспитанность манер. Молодому художнику льстило внимание

«У берега моря»

этой женщины. Софья Петровна, начинающая художница, попросила Левитана направлять ее занятия, и он не смог ей отказать. Довольно скоро их отношения приобрели интимный характер. Левитан начал вести светский образ жизни. Он стал модно одеваться и выглядел чрезвычайно эффектно, имея огромный успех в обществе.

Весной 1888 года Левитан с Кувшинниковой (в компании с еще одним художником) снова отправились на Волгу. Спускаясь вниз по реке, они были поражены прелестью небольшого старинного городка Плес (слово «плес» означает часть реки от одного ее изгиба до другого, и оно нередко служило у бурлаков мерой пройденного пути). Художники надолго остановились здесь. Боль-

шинство шедевров, созданных Левитаном в этот период, либо рождались по плесским этюдам, либо были навеяны мотивами этого городка. «Знаешь, на твоих картинах появилась улыбка», — говорил ему Чехов.

На следующий год Левитан в третий раз посетил Волгу и снова остановился в Плесе, а затем впервые выехал в Европу. В Париже ему удалось посетить Всемирную выставку, и он восхищался представленными там работами Коро. Потом он направился в Италию и некоторое время работал там. Один из своих этюдов «Весна в Италии» он позднее подарил великой актрисе М.Н. Ермоловой в день ее юбилея.

В начале 1892 года в печати появился рассказ Чехова «Попрыгунья». Произведение это наделало

много шуму. Его талантливость была одной из причин быстрой популярности. Почти сразу же начались поиски прототипов главных героев. Загадка была быстро решена. Читатели узнали в хорошенькой героине рассказа Софью Петровну. Сам Чехов с раздражением писал приятельнице: «Можете себе представить, одна моя знакомая, 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней моей «Попрыгунье», и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником». Антон Павлович несколько лукавил: он довольно близко подошел в описании своей героини к характеру Софьи Петровны, хотя и придал ему острую гротескность. Какие-то черты Левитана использованы и в образе художника Рябовского. Он говорил иногда слова, которые любил повторять Левитан, напоминал его манерами. Но это было лишь чисто внешнее сходство.

Поначалу Левитан не нашел ничего оскорбительного в нашумевшем рассказе, но Софья Петровна смотрела на все это иначе, и, поддавшись ее влиянию, он написал Чехову гневное письмо. Попытка писателя объясниться не удалась: друзья серьезно и надолго поссорились.

В том же 1892 году Исаака Левитана ждало новое испытание. По приказу, подписанному Александром III, все евреи должны были оставить Москву к 14 июля. Он был уже признанным художником, гордостью России, но приказ распространялся и на него. Пришлось

уехать в Болдино, а друзья и знакомые принялись хлопотать за него. Под давлением общественности, власти, наконец, разрешили художнику вернуться в Москву. В знак расположения и для прекращения толков, сам великий князь Сергей Александрович и великая княжна Елизавета Федоровна посетили его мастерскую. Левитан поспешил сообщить об этом в газеты и тем легализовать свое положение.

Лето 1893 года Левитан и Софья Петровна проводили в имении своих знакомых Ушаковых на озере Островно Тверской губернии. Страстный охотник Левитан целыми днями блуждал по окрестным лесам. Совершал он и более длительные путешествия. Во время одной поездки верхом он увидел на берегу небольшого озера церковь и заброшенное кладбище. Что-то трогательное, беззащитное и, вместе с тем, гордое было в этом пейзаже. И он сразу приступил к работе над полотном, в котором отражались драматизм и горечь переживаний, переполнявших его душу. Так родилась картина «Над вечным покоем».

Неподалеку от имения Ушаковых в густом сосновом бору раскинулась усадьба Горка помещиков Турчаниновых. Ее хозяйка, Анна Николаевна Турчанинова, прослышав о том, что у ее соседей гостит известный художник, приехала вместе с дочерьми знакомиться. Анна Николаевна отличалась миловидностью, обладала тонким умом и вкусом, слыла интересной собеседницей. Левитан был очарован этой незаурядной женщиной.

Эта встреча ускорила его разрыв с Кувшинниковой. Зимой они встречались не часто, порой Левитан даже избегал свиданий. Начались сцены ревности, слезы, истерики. Софья Петровна, которая когда-то заботливо помогала Левитану в трудные дни, теперь сама то и дело доводила его до приступов. В конце концов, разрыв стал неминуем. Впрочем, она не сразу потеряла надежду, продолжала писать ему, умоляла, укоряла его. Все это было больно и тягостно для обоих.

Постепенно Левитан стал приходить в себя. Семья Турчаниновых прилагала все силы, чтобы художник мог вернуться к работе. Его пригласили в Горку, где он пробыл до глубокой осени. Они с Анной Николаевной стали близки. Уже грянули заморозки, когда Левитан возвратился в Москву, в свою квартиру в Трехсвятительском переулке с холстами, которые поразили друзей новизной и силой темперамента.

А в начале нового 1895 года произошло крайне важное для Левитана событие. Благодаря инициативе общей знакомой Левитана и Чехова юной Татьяны Щепкиной-Куперник, впоследствии известной поэтессы и переводчицы, друзья помирились. Щепкина привезла Левитана в Мелихово. Встреча была необычайно сердечной, ссора забылась как дурной сон. Снова налачился обмен письмами. Нужно сказать, что в переписке друзей всегда царил тон взаимного подтрунивания: «Ах ты, полосатая гиена, крокодил окаянный, леший без спины с одной ноз-

дрей», — писал художник приятелю. Или: «Ну, голубчик, дружески жму Вашу талантливую длань, сумевшую испортить такую уйму бумаги». Они словно стыдились нежности, которую испытывали друг к другу, но изредка она все-таки прорывалась наружу: «Целую тебя в кончик носа и слышу запах дичи. Фу, как глупо, совсем по-твоему». Бывали, однако, и другие письма, тревожные, прямые призывы о помощи. Одно из таких писем Антон Павлович получил от друга в июне 1895 года. Тот писал из Горки: «Ради Бога, если только возможно, приезжай ко мне хоть на несколько дней. Мне ужасно тяжело, как никогда». А вскоре Чехову написала уже А.Н. Турчанинова: «...Обращаюсь к Вам с большой просьбой по настоянию врача, пользующего Исаака Ильича. Левитан страдает сильнейшей меланхолией, доводящей его до ужасного состояния. В минуту отчаяния он желал покончить с жизнью 21 июня. К счастью, его удалось спасти... Зная, как Вы дружны и близки Левитану, я решила написать Вам, прося немедленно приехать к больному. Вы один можете спасти его и вывести из полного равнодушия к жизни, а временами бешеного желания покончить с собой».

События в Горке, в самом деле, носили драматический характер. Старшая дочь Анны Николаевны, Варя, полюбила Левитана. Чем мог ответить на ее чувство художник? Ему было бесконечно жаль девушку, но прочесть ей назидательную проповедь он не решился. Ситуация все более запутывалась. В один из дней

«Волжский пейзаж»

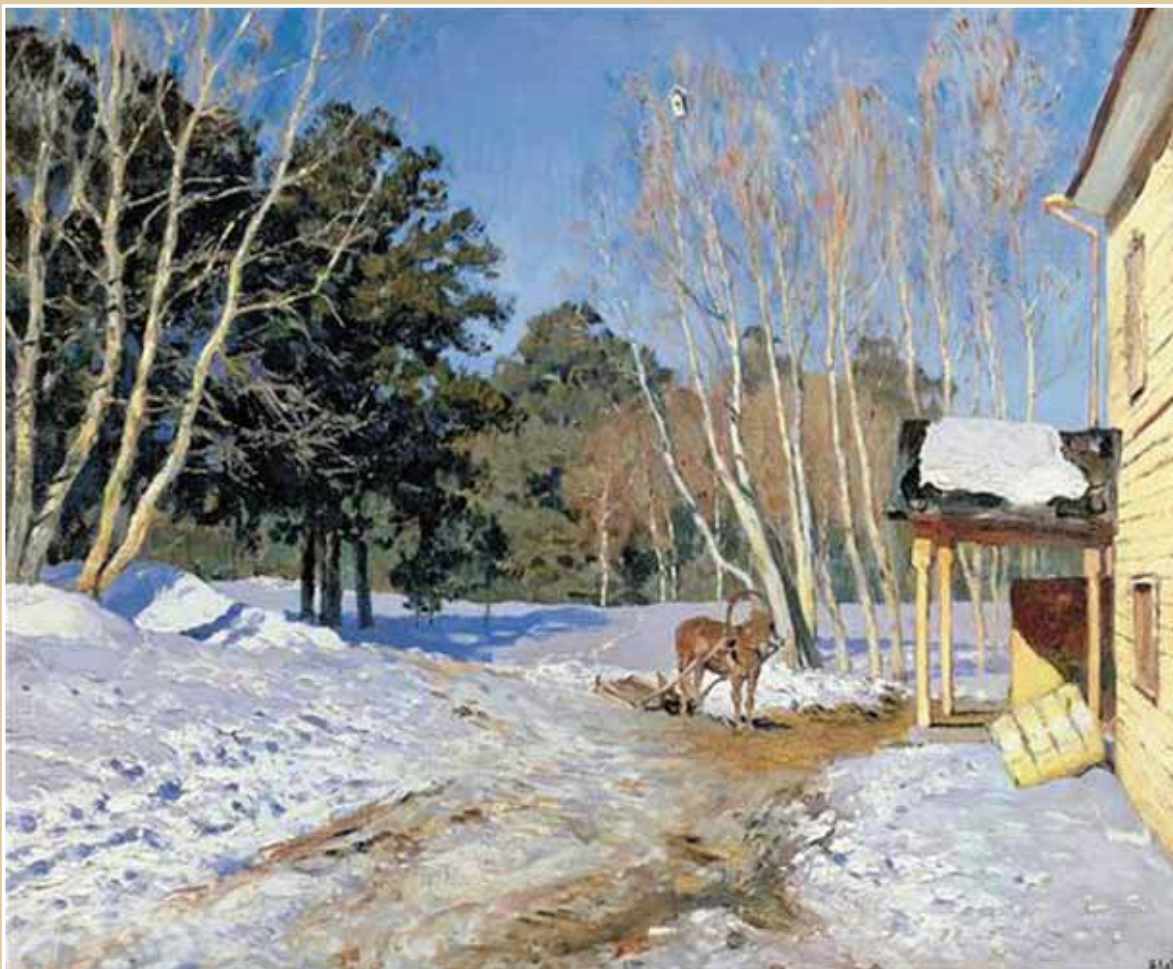
Варенька неожиданно предложила Левитану тайно бежать с ней. Он понял, что этому наваждению не будет конца, и в полном отчаянии, в страшном приступе меланхолии выстрелил себе в голову. По счастью, рана оказалась неопасной.

После письма Турчаниновой Чехов поспешил к другу. Левитан встретил его с огромной радостью, сам вид Чехова действовал на него успокоительно. Обитатели Горки были покорены писателем. Напряженная атмосфера в доме немного разрядилась.

После того тревожного лета в Горку Левитан больше не ездил. С Анной

Николаевной он виделся не часто — во время своих поездок в Питер, и ее — в Москву, но переписывались они регулярно. Анна Николаевна обожала Левитана, восхищалась им, но, будучи женщиной достаточно самоуверенной, считала себя вправе давать ему советы, вторгаясь в область, в общем-то, ей недоступную.

В марте 1897 года Левитану присвоили звание академика. Ему еще не было 37 лет, и, как прежде, на него заглядывались на улице, на выставках, в театре, но, увы, «страшная гостя» уже переминалась на пороге. Болезнь сердца, тяжелая, роковая подкрадывалась незаметно.

«Март»

Чехов понимал, что грозит его другу. Он поговорил с профессором, который осматривал Левитана, и в его дневнике появилась суровая запись: «Вечером был у профессора Остроумова, говорит, что Левитану не миновать смерти».

Консилиум врачей настоятельно советовал художнику ехать лечиться за границу. Австрия, Германия, Италия, Швейцария... Ванны и лечение оказали свое положительное действие, Левитану стало немного легче. И тут же — снова за кисти. Он поселился у подножья Монблана и восхищался величием ледников. Ра-

ботать было все еще трудно. К тому же из России пришла горькая весть: заболел Чехов. Чахотка. Оба теперь знали, что каждый приговорен. Левитан не врач, но он понимал, что болезнь легких никого не щадит, и лечить ее еще не умеют.

И все же сдаваться друзья не собирались. Чувство юмора в них было неистребимо. «Относительно благодарности за знакомство с тобой, о чем ты пишешь, то, если цари купят теперь на Передвижной картину мою, то 10 фунтов икры, считай, за мной», — писал Левитан другу. Увы, Чехов остался без икры.

Император Николай II не очень жаловал «поиски» в живописи. На одной из последних при жизни художника выставок он посетовал в присутствии автора на то, что тот стал выставлять незаконченные картины.

— Ваше величество, я считаю эти картины вполне законченными, — ответил Левитан. Для такого ответа требовалось немалое мужество.

Сил у художника оставалось немного, но он с радостью принял должность профессора пейзажного класса в Училище живописи. К своим студентам Левитан проявлял особую любовь и заботу. Многие из них и учиться могли только потому, что он оказывал им материальную помощь, причем делал это необычайно деликатно и тактично.

Как и все предыдущие годы, он часто бывал в доме Марии Павловны Чеховой, которая продолжала относиться к нему с неизменным участием и нежностью, а в конце 1899 года навел вместе с ней А.П. Чехова, проживавшего в то время в Крыму.

Как-то Мария Павловна уговорила его совершить небольшую прогулку в горы. Он одолевал подъем с ее помощью — она бралась за конец палки и тянула задыхающегося Левитана за собой. Они часто останавливались передохнуть, и во время одной из остановок Левитан не выдержал. «Marie! — с тоской произнес он. — Как не хочется умирать! Как страшно умирать, и как болит сердце...»

Весной 1900 года Левитан иногда приезжал к своим ученикам в Химки,

где они снимали маленькую дачу, и целыми днями работал на природе. Однажды он долго бродил по лесу, продрог и простудился. Болезнь сразу приняла опасный характер, наложившись на сильно изношенное сердце. И когда в начале мая Чехов навел Левитана, его встревожило состояние больного. Он вернулся в Ялту, но покоя не находил, все время думал о своем близком друге.

А тот уже метался в бреду. Врачи делали все возможное. В Москву приехала встревоженная Турчанинова и проводила возле художника бессонные ночи. Когда отступал жар и бред переставал мучить, Левитан мечтал о том, как он будет теперь писать. словно тяжесть страданий открыла ему новый путь в искусстве. Но надеждам не суждено было сбыться. 4 августа 1900 года Исаака Ильича Левитана не стало. В мастерской осталось незаконченным самое большое полотно художника. Оно подписано: «Озеро». Но сам Левитан называл его «Русь». Он работал над ним самозабвенно. Этой ликующей по колориту картиной художник как бы прощался с Родиной. В ней — весь Левитан, итог его короткой, мучительной, яркой жизни.

Его похоронили на небольшом еврейском кладбище рядом с Дорогомиловским. Зная, как он любил флоксы, один из его друзей принес букет махровых бледно-розовых флоксов и положил возле гроба...

В 1941 году прах великого художника был перенесен на Ново-Девичье кладбище. □

Анастасия Панина — молодая талантливая актриса театра и кино, телеведущая. В театре имени Пушкина она недавно блистательно сыграла в премьерном спектакле «Жанна д'Арк». Эта роль стала у актрисы одной из лучших. В ее творческом багаже, помимо театральных ролей, более тридцати фильмов: «Любовь по расписанию», «Двое под дождем», «Невеста на заказ», «Отражение», «Пасечник», «Физрук» и другие.

Анастасия Панина:

«Я — человек целеустремленный»

— Анастасия, что нового в вашей творческой жизни происходит сегодня?

— В театре идут репетиции премьерного спектакля «Дом, который

построил Свифт» по знаменитой пьесе Григория Израилевича Горина в постановке Евгения Александровича Писарева. С Владимиром Жеребцовым снимаемся в четырех-

и, как правило, добиваюсь своего»

серийной детективной картине «Ложь во спасение», приступила к съемкам в новом сезоне сериала «Физрук».

— Вы играете в одном спектакле с Евгением Писаревым

«Магия жизни». Как работаете с художественным руководителем?

— Евгений Александрович — самый молодой художественный ру-

ководитель Москвы, много делает для нашего театра, он одной группы крови с нашими актерами! Мне нравится выходить с ним на одну сцену в постановке «Магия жизни», Писарев — режиссер этого спектакля и является исполнителем главной роли. Он — замечательный артист, и я с удовольствием еще поработала бы с ним в спектакле.

— Анастасия, вы сыграли в премьерном спектакле «Жанна д'Арк», пластической драме по мотивам произведения Бернарда Шоу, в постановке Сергея Землянского. Расскажите, пожалуйста, как вы работали над этой сложной ролью...

— Это моя вторая работа с Сергеем Землянским; первой постанов-

кой была, в 2013 году, пластическая драма — «Дама с камелиями» по роману Александра Дюма-сына. Я благодарна судьбе, что встретила с таким талантливым режиссером — хореографом. Пластическая драма исполняется, если так можно выразиться, языком тела, без единого слова, ты, как артист балета, должен суметь создать образ, передать все нюансы, оттенки внутреннего состояния души персонажа, и, конечно же, показать его внутренний мир в развитии. Я играю сложную роль, национальную героиню Франции. Жанна д'Арк была канонизирована и причислена к лику святых. Это очень ответственно.

— К этому образу кто только не обращался в мировой литературе: Вольтер, Шиллер, Марк Твен, Франс, Бернард Шоу, в ее честь назван астероид, крейсер...

В театре Ла Скала, через сто пятьдесят лет, в декабре 2015 года, возобновили постановку оперы Верди, и она прошла с грандиозным успехом. Партию Жанны д'Арк исполняла примадонна сцены — Анна Нетребко!

Вы же в новой постановке — потрясающая в роли Жанны! Складывается впечатление, что вы раньше занимались хореографией, ведь эта роль очень сложна физически...

— Я занималась художественной гимнастикой с детства, последовав примеру своей старшей сестры, трудилась до тринадцати лет, и сдала норматив кандидата в мастера спорта. Это увлечение мне пригодилось в жизни, очень помогает работе артиста. Вообще, занятия спортом сформировали мой характер. Закалили его. Я — человек целеустремленный. Если поставлю цель перед собой, то, как правило, своего добиваюсь. Спортсмен всегда должен быть в хорошей форме, это всегда очень ответственный человек, дисциплинированный, самоотверженный, волевой.

— Один знаменитый танцовщик сказал как-то, что абсо-

лютно у всех балерин холодный рассудок, иначе не может большая артистка состояться... Балетные артисты сродни спортсменам по невероятной выдержке и выносливости...

— В стрессовых ситуациях я никогда не теряю, что называется, голову, всегда сохраняю холодный разум, и это следствие занятий спортом. Самообладание важно сохранять на сцене, несмотря ни на какие экстремальные ситуации, которые могут произойти. Например, в спектакле «Дама с камелиями» в моих руках пистолет, и случается, что курок предательски заклинивает... Все может случиться и на сцене, и на съемочной площадке, поэ-

тому нужно уметь внутренне собраться...

Роли Маргариты Готье и Жанны д'Арк — очень разные, совершенно противоположны, но я буквально растворяюсь в этих образах... Вообще, о таких героинях актриса может только мечтать. Обе эти роли играла

великая театральная актриса Сара Бернар! Кстати, сама Бернар обожала камелии! Сюжет пьесы перекликался с ее жизнью: мать Сары была дамой полусвета, а Сара, как и ее героиня, была больна чахоткой. Как и ее героиня, она отказалась от любимого мужчины, бельгийского принца!

Кстати, Маргарита Готье родилась 15 января, и в этот день — мой день рождения.

— Вернемся к премьерному спектаклю. В вашем театре в 1924 году, тогда он назывался Камерным, «Святая Иоанна» была поставлена Александром Таировым специально для Алисы Коонен. Сегодня Жанна д'Арк — ваша героиня. Играть эту роль сложно?

— Трудно. Непросто. Жанна является национальной героиней Франции, она была одна из командующих французскими войсками в Столетней войне, самоотверженно служила своей родине... Прикоснуться

к ней — это как побывать на мессе... На литургии... В ней есть особое Таинство...

Я совсем недавно побывала во Франции, в Руане, в музее легендарной Жанны д'Арк, побывала на площади, где бесстрашная дева была сожжена, и каким-то образом, вероятно, благодаря этой поездке, мне, кажется, удалось прикоснуться к ней. Хочу еще раз туда съездить.

Сыграть Жанну д'Арк — означает взять высокую планку. Ты должен понимать всю ответственность, и это непросто слова. Я постоянно работаю над образом героини, обогащаю ее какими-то новыми красками...

Вообще, спектакль Землянского состоялся благодаря его отличной

команде: художник, костюмы — Максим Обрезков, композитор — Павел Акимкин, весь этот костяк всегда следует за ним в работе. Жанна — центр спектакля, но она — его неотъемлемое, единое целое.

Все в постановке существует в полной гармонии.

— Дмитрий Нагиев, исполнитель роли Олега Фомина — физрук в одноименном сериале восклицает: «Ты на училку совсем не похожа!» А как вам работалось и работается с популярным артистом Дмитрием Нагиевым?

— Человек он тактичный, с большим чувством юмора. Всегда поддерживает, если это в процессе необходимо, на площадке с ним работается легко. В кино у нас с Дмитрием Нагиевым настоящий тандем. Самый первый фильм с ним был «Скалолазка», потом, по прошествии времени, встретились на съемках сериала «Физрук». Сейчас снимаем очередной сезон «Физрука».

Вообще, артист должен быть всегда мобилен и открыт. От партнерства на сцене, на съемочной площадке зависит конечный результат. А мы с Дмитрием понимаем друг друга с полуслова.

— С вашим мужем, Владимиром Жеребцовым, вы встретились в театре?

— В 2003 году я поступила в школу-студию МХТ, на курс к Роману Ефимовичу Козаку, светлая ему

память, тогда он был худруком театра имени Пушкина, и я, юная студентка, играла в «Ромео и Джульетте» в массовке, а Володя — центральную роль.

В 2007 году Евгений Александрович Писарев поставил «Пули над Бродвеем», и мы с Володей сыграли любящих друг друга людей. Нас, можно сказать, свела сцена.

— Помимо работы есть у вас в жизни еще какие-нибудь увлечения?

— Ребенок — самое главное увлечение моей жизни. Нашей Сашеньке пять лет, и все свободное время посвящается только ей. Рисуем, лепим, учимся. Дочь очень артистичная натура!

— Вас окружает огромное количество людей — близкие, друзья, коллеги по сцене и кино, зрители... А какие люди вам нравятся, и что вы особенно цените в них?

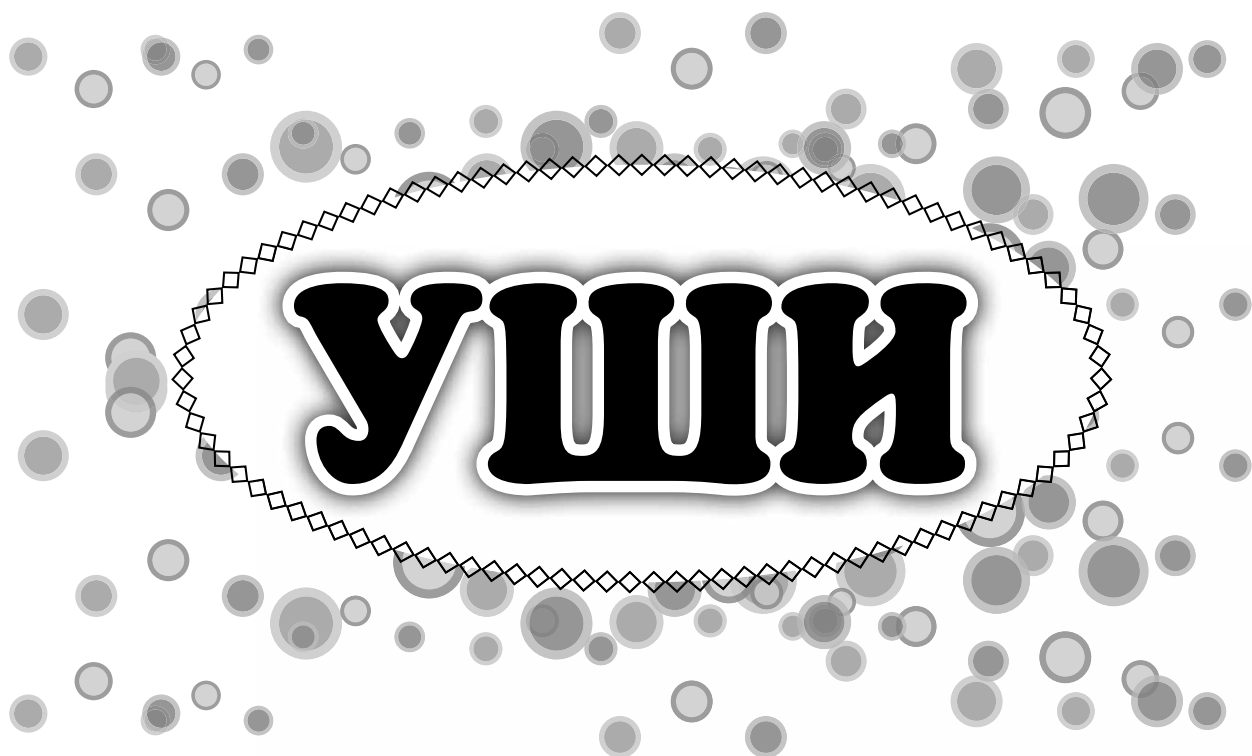
— Я вообще люблю людей! И больше всего ценю в них честность и прямоту.

— А что хотели бы пожелать себе и другим?

— В наше сложное, напряженное время, когда все человечество ходит буквально по «лезвию бритвы», хочется, в первую очередь, пожелать спокойствия и мира. Я за мир во всем мире! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Валентина была красавицей.

Высокая, стройная, но не худая, с тонкими, благородными чертами лица, с рыжими кудрявыми волосами, нежнейшей розовой кожей, огромными зелеными глазами и длинными ресницами. Ресницы порхали как бабочки — вверх-вниз, вверх-вниз. У нее была тонкая талия и умопомрачительно красивая грудь: такая, какая надо — ни больше, ни меньше, выразительная спина и шея... Не шея, а длинная дорога к счастью — в какую сторону не пойдешь. На шее, ближе к ключице, сидела родинка — маленькая и шоколадная, будто с кисточки у художника капнула краска, и он не стал ее оттирать, поняв всю красоту и правильность случайного замысла.

Больше всего Свету хотелось прижаться губами к этой родинке, но не страстно, а нежно, чуть-чуть прикоснуться, чтобы почувствовать теплоту кожи и трепетный пульс. Говорят, у рыжих особенно тонкая и нежная кожа.

Свет был влюблен в Валентину.

В самом возвышенном и чистом смысле этого слова.

Он хотел бы носить шлейф ее платья, целовать ей руки, припав на одно колено, и читать стихи, тем более что он сам их писал.

Но Валентина носила джинсы, руки Свету никогда не протягивала, а на любые стихи, которые звучали в пределах ее слышимости, морщила свой

изящный носик. И вообще она Света не замечала. Может, потому что училась на третьем курсе университета, а он только на втором, а может, потому что длинный Свет, с темной шапкой кудрявых волос и утонченными чертами лица, не вписывался в ее брутальный идеал брутального мужчины.

Да и училась она на биофаке, а Свет Фролов на филологическом. Возможностей увидеть ее было немного — в буфете, в гардеробной, в коридорах, да и еще в спортзале, когда график занятий вторых и третьих курсов пересекался.

Поверенным в сердечных делах Света был его друг и сокурсник Андрей Пивоваров. Он сочувствовал ему, давал дружеские советы и даже учил, как нужно действовать, чтобы привлечь внимание признанной красавицы университета.

— Слушай, — сказал он шепотом как-то на лекции, — ну, что ты все воду в ступе толчешь, пора приступать к решительным действиям. Нужно привлечь к себе внимание!

— Как?! — чуть не плача, простонал Свет, запустил длинные пальцы в густую шевелюру и подергал ее, словно проверяя, не парик ли это.

— Как-как! Завтра у нас «физра» в одно время с биофаком. Девушки с третьего курса будут играть в баскетбол, а мы в соседнем зале — в футбол. Валька твоя терпеть баскетбол не может, вечно за ногу схватится и на скамейке в коридоре сидит. Вроде и занятие не прогуливает, и в то же время мяч не гоняет. Вот в коридоре-то мы ее и подловим. Я на перемене, когда все в раздевалках будут, ножку у скамейки подпилю! Валька на нее сядет и вверх ногами плюхнет! Заорет, как пить дать, от страха! А тут ты — высокий, загорелый, в белых шортах, — ах, что случилось, ах, фея, я вас спасу! Блестящий повод подхватить ее на руки, утереть сопли, погладить по рыжим кудрям, а может, и поцеловать в утешение. Сечешь?! Женщины обожают, когда их спасают. А потом ты ее бережно на пол поставишь и скамейку при ней починишь. Я там молоток и гвозди в углу оставлю.

— Андрюха, а вдруг она расшибется?

— Ты дурак? — Пивоваров постучал себя пальцем по лбу. — Высота у скамейки какая?! А ты Валькину «пятую точку» видал? Да она на нее как на подушку шлепнется!

На следующий день скамейка была подпилена, гвозди и молоток подброшены в угол. Свет Фролов сидел в раздевалке в засаде. Он ждал, когда Валентине надоеет играть в ненавистный баскетбол, она изобразит травму и выйдет посидеть на скамейке.

Наконец Валентина, прихрамывая, вышла из зала и направилась к заветной скамейке. Она села, привычно закинула ногу на ногу, но... скамейка не рухнула.

От неожиданности Свет вздрогнул и почувствовал, как сердце заколотилось в груди.

— Ну? — шепотом спросил он не то у себя, не то у скамейки, не то у Андрюхи, который наблюдал за сценой из зала, где парни играли в футбол. Андрюха выпучил глаза, пнул мимо мяча и растерянно развел руками, показывая, что сам ничего не понимает.

Валентина сидела на скамейке, она уже не морщилась и легонько покачивала «больной» ногой. Шанс стать ее спасателем и обратить на себя внимание уплывал, как вода сквозь пальцы.

Свет глубоко вздохнул, зажмурился, открыл дверь раздевалки и... шагнул в коридор, словно перед ним была пропасть.

Когда он открыл глаза, перед Валентиной стоял молодой поджарый физрук. Он тоже был загорелый, высокий и в белых шортах, но, в отличие от Света, — широкоплечий, очень накачанный, коротко стриженный, с опытом в жестких серых глазах.

— Почему отлыниваем, Яковлева, а? — спросил физрук Валентину.

— Нogu потянула, — жалобно протянула она и потерла ногу, которой только что беззаботно трясла.

— Каждое занятие тянешь! — Физрук присел рядом с Валею. — О-ох, е!!!

Скамейка с грохотом рухнула, в воздухе мелькнули кроссовки Валентины и огромные бутсы физрука.

Свет замер, как вкопанный. Он понятия не имел, что делать, и посмотрел на Андрюху, гарцующего с мячом. Андрюха корчил страшные гримасы и стучал себя кулаками по лбу. Что это значило, Свет не знал.

Физрук вскочил как пружина и подхватил Валентину на руки.

— Ушиблась?! — спросил он, заглянув ей в глаза.

Валентина с готовностью обхватила его за шею, закатила глаза и прошептала:

— Да! Спина...

— Чего стоишь?! — заорал физрук на Света. — Не видишь, инвентарь сломан?! Вон, в углу молоток с гвоздями лежит, почини скамейку!! — И, глядя на Валентину, уже задумчиво добавил: — А я девушку в медпункт отнесу!

Свет взял молоток и начал приколачивать ножку к сиденью. Гвозди гнулись, входили криво — все-таки он был поэт, Свет. Поэт, а не мастер на все руки.

Последнее, что заметил Фролов, приступая к работе, — насмешливый взгляд Валентины из-за плеча физрука. По этому взгляду было понятно, что выглядит он с молотком очень даже смешно.

— Ну, в любом деле накладка случиться может! — убеждал его на следующий день Андрюха. — Зато она тебя наверняка запомнила!

— Ага, запомнила! — Свет подергал себя за темные кудри. — А встречаться начала с физруком! Я их вчера вечером возле кафе видел! Он в машину ее усаживал!! — В глазах закипали слезы, душа болела отчаянно, сердце ныло, мозг раздирали мысли о преступной любви Валентины и физрука. — Слушай, может, мне подстричься коротко, как физрук?

— Придурок! — Пивоваров постучал пальцем по лбу. — Волосы-то тут при чем? Физрук лысый наполовину, вот и бреется почти наголо. А встречаться с ним Валька долго не будет. Он же старый! Ему почти сорок лет. Она себе вольное посещение баскетбола обеспечит, насчет зачета по физре договорится, и свалит от него. К тебе.

— Почему — ко мне?

— Потому что мы для этого кое-что сделаем.

— Подпилим стул? — усмехнулся Свет. — Стол?! А потом я все это почию?

— Ладно, не издевайся. У всех бывают проколы, со всеми случаются недоразумения. На этот раз будем действовать наверняка.

Андрей пригнулся и шепотом изложил Свету свой план. Свету план не то, чтобы понравился, просто своего у него не было, а жить в плену своей удушающей любви больше не было сил.

Назавтра они сидели с Пивоваровым в роскошном «мерсе» и поджидали, когда из главного корпуса повалит народ. Вот-вот должен был закончиться университетский КВН, в котором Валентина принимала участие. У нее был хороший голос, актерские способности и... потрясающая внешность, которая притягивала внимание зрителей гораздо больше, чем голос и актерские данные.

«Мерс» был машиной старшего брата Пивоварова. Андрюха взял его на вечер «покататься», заверив Света, что брат ничего против не имеет.

— Ну, все, я пошел, — сказал Пивоваров и вышел из машины.

Из корпуса уже повалила оживленная, взбудораженная, хохочущая толпа. Она стала делиться на группки, большая часть из которых направилась в студгородок, к общежитиям, а меньшая — к автобусной остановке.

Свет завел движок, выжал сцепление и поехал тихонечко к остановке, следя, чтобы рыжая пушистая шубка не скрылась из вида в темноте.

Водил он неважно, точнее, совсем плохо, но Пивоваров его убедил, что «мерс» машина такого класса, что водить не надо уметь: она сама едет, сама тормозит, сама разгоняется, только рули себе. Документов на машину у Света, само собой, не было, но Андрюха заверил его, что на «мерсе» номера такой степени крутости, что ни один гаишник не остановит.

Нужно было ехать очень медленно, чтобы понять, на какую остановку идет Валентина. Ее окружали подружки, поэтому рыжая шуба то и дело исчезала из вида, теряясь в толпе.

По плану следовало сделать так: подъехать в остановке, выйти, небрежно попинать колеса, осмотреть машину, словно бы убеждаясь в безупречности своего авто, а потом, как будто случайно, бросить взгляд на тех, кто стоит в ожидании транспорта. К этому моменту, как утверждал Пивоваров, все будут пялиться исключительно на крутой «мерс» с блатными номерами. И тогда Свет — совершенно случайно! — поймает взгляд Валентины. Взгляд этот будет непременно заинтересованный и обязательно равнодушный — Пивоваров это гарантировал. Дальше от Света требовалась только самая малость: слегка отстраненно ей улыбнуться и легонько кивнуть на машину: «Подвезти, мол, до дома?» Валентина вспомнит, что Свет — студент из ее университета, и не побоится воспользоваться приглашением. Она гордо отойдет от толпы и под завистливые взгляды подружек сядет к нему в машину. Живет она в двух кварталах, Пивоваров это точно узнал, поэтому довести ее до дома труда не составит. Если поехать дворами, то вообще не будет ни одного светофора и перекрестка. Андрюха к тому времени доберется туда на такси. Он будет поджидать Света, чтобы забрать машину и вернуть брату. Задача Света — за время поездки обаять Валентину и назначить свидание, что в такой крутой тачке будет легче легкого.

Вот такой был простой и прекрасный план. Главное, заинтересовать Валентину, назначить свидание, а отсутствие машины потом можно будет объяснить чем угодно — продал, подарил, разбил в конце концов.

Наконец Свет доехал до остановки.

Валентина смеялась, переговариваясь с подружками, куталась в поднятый воротник и снежинки падали в копну ее рыжих волос, она никогда не носила шапки. У Света дыхание перехватило — так это было красиво: снег, огни вечернего города и смеющаяся, раскрасневшаяся Валентина, которая прикрывается от мороза поднятым воротником.

Он плавно затормозил, но немного не рассчитал и легонько ткнулся бампером в фонарный столб. Эффект был испорчен, но результат получился нужный, потому что все стоявшие на остановке мигом обратили

внимание на его машину. Валентина тоже повернулась и уставилась на горе-водителя. Свет сдал немного назад. Вышел, попинал колеса, обошел машину. Все на остановке смотрели на него. И Валентина смотрела. Вдалеке показалась маршрутка, нужно было действовать быстрее.

Свет улыбнулся Валентине. Он забыл, что улыбнуться нужно чуть-чуть, слегка отрешенно, поэтому переусердствовал, улыбка получилась широкой и, наверное, очень простецкой, потому что Валентина вдруг усмехнулась в свой воротник.

Свет кивнул на машину — поедешь?

Она удивленно приподняла брови и сделала к нему шаг...

И тут произошла жуткая, страшная несурезица. До последних минут своей жизни Свет не забудет позора, который случился с ним в последующие секунды.

Из-за маршрутки вдруг вылетела полицейская машина, с сиреной и «мигалкой». Она с визгом затормозила возле «мерса», из нее выскочили три человека в форме и с пистолетами.

— Стоять! — заорали они Свету. — Ноги на ширину плеч, руки на капот!!!

Он рухнул на землю, лицом вниз. Через секунду на нем сидел тяжеленный гаишник, крутил ему больно руки назад и надевал наручники. Когда Света за шиворот подняли с земли, он увидел, как Валентина, оглядываясь на него, садится в маршрутку.

Народ на остановке хохотал: «Маски-шоу! Угонщика задержали!»

Угонщика!

Это они про него?! Про поэта Света Фролова?!

... Потом было долгое разбирательство в отделении полиции. Свет позвонил Андрюхе, Пивоваров примчался, созвонился с братом. Тот быстро приехал и долго объяснял в устной форме, а потом в письменной, что вышло досадное недоразумение. Что он просто не разобрался в том, что машину взял покататься младший брат, иначе, конечно, не стал бы заявлять об угоне...

Свет вымотался, устал. Была уже ночь, когда они с Андрюхой брели по проспекту.

— Я так люблю ее, — бормотал он. — Так люблю! Просто задыхаюсь оттого, что не могу видеть ее, когда захочу, говорить с ней! Я не могу жить больше с этим грузом! Кто писал, что «любовь — это давление в сто тысяч атмосфер», не помнишь?

— Нет. Не помню.

— Вертинский, кажется. Точно, Александр Вертинский. Он все знал про любовь, потому что был поэтом от Бога. А я... я устал жить под этим дав-

лением, я ни строчки не могу написать, ни слова... Я думаю только о том, что меня для нее нет и никогда не будет. Особенно после того, что произошло.

— Да что произошло-то? Что?! — возмутился Пивоваров. — Ничего такого ужасного не случилось. Наоборот! Да Валька наверняка в тебя втюрилась, как только увидела, что тебя скрутили гаишники! Это же круто! Блин! На такой успех мы и рассчитывать не могли!

— Слушай! — Свет вдруг резко остановился и потер еще болевшую от ментовских зверств руку. — А ты не специально мне этот «успех» подстроил?

— Да ты что?! — заорал Пивоваров. — Я бы тебя предупредил! Я до такого и додуматься бы не смог! Просто я не успел сказать братцу, что машину его взял, вот он «шухер» и навел. А Валька теперь сама к тебе подкатит, вот увидишь!!

Но прогнозы Пивоварова не сбылись.

Валентина и не думала подкатывать к Свету.

Более того, при случайных встречах в коридорах университета она смотрела на него насмешливо, фыркала и тут же начинала нашептывать что-то на ухо подружкам.

Свет был в отчаянии. Он похудел, осунулся, почти ничего не ел, а в одну из бессонных ночей написал поэму. Поэма казалась ему гениальной, почувствованной, написанной слезами и кровью. Он даже прочитал отрывок Пивоварову, но тот не понял, не оценил, и в ответ выдал с десятков ничудышных рецептов, как обратить на себя внимание Валентины. Свет, наученный неудачами, все его фантазии решительно отмел.

Случай обратить на себя внимание Валентины представился сам собой.

Великолепный, отличный случай, не требующий глупых инсценировок и идиотских подстав.

В конце месяца праздновали юбилей старейшего преподавателя университета Ирины Витольдовны Штольд. Несмотря на преклонный возраст, она до сих пор преподавала на филфаке теорию литературы.

Праздновали в актовом зале, накрыли большой фуршетный стол, и народу набилась тьма тьмущая — попробовать халявных бутербродов и дармового шампанского. Когда праздник уже подходил к концу, Свет, которого на торжество затащил Пивоваров, увидел у стола Валентину. Как она здесь очутилась, он не понял, ведь Валентина училась на биофаке и к теории литературы отношения не имела. Наверное, ее сюда привела подруга.

Кровь отлила от лица. Свет понял, что должен немедленно выйти из зала, иначе он не выдержит напряжения и потеряет сознание прямо здесь, среди смеющейся, жующей, выпивающей и празднующей толпы.

На Валентине было зеленое платье с отливом, красиво облегающее фигуру, и сапоги на высоких каблуках, которые делали ее еще стройнее и выше. Волосы рыжей гривой падали на плечи и спину, они отливали медью и золотом, волновались при каждом повороте ее головы. До чего же она была хороша!

Свет ринулся к выходу. Но неожиданно его за руку схватила сама Ирина Витольдовна, сидевшая в высоком кресле, словно королева.

— Светик, почитай для меня что-нибудь, — попросила она Фролова и сунула ему в руку микрофон. Свет был ее любимым студентом. Она знала, что он пишет стихи.

— Минуточку внимания! — крикнула Ирина Витольдовна всем. — Сейчас Свет Фролов будет читать стихи собственного сочинения! Мне очень нравится то, что он пишет! Это очень талантливый мальчик!!

— Иди! — подтолкнул Света в спину Пивоваров.

Свет понял, вот он — триумф!

Он поднялся на сцену и прочитал поэму.

Он не видел зала, не видел Валентину, потому что закрыл глаза. Но он точно знал, он был уверен — эти минуты даны ему для триумфа.

— Bravo! — крикнула Штольд, когда он закончил, и захлопала узловатыми сухими ладошками.

Ее поддержали вежливые, жидкие аплодисменты.

— Бис! — заорал Пивоваров и засвистел в два пальца.

Свет не стал кланяться, ему это было не нужно. И аплодисменты ему были не нужны. Он и без них знал, что он талантлив, нет, — гениален.

Валентина стояла внизу, у сцены, смотрела на Света, хлопала в ладоши и улыбалась. Рыжие кудри вибрировали в такт ее хлопков, а нежный подол ее платья слегка коснулся брюк Света. Пол поплыл у него под ногами от этого прикосновения. Он легонько ей поклонился. Только ей, а не всему залу.

— Свет, — представился он. — Свет Фролов.

Валентина засмеялась и перестала хлопать.

— Я поэт, зовусь я Светик, от меня вам всем приветик! — сказала она и опять засмеялась волшебным переливчатым смехом.

Свету показалось, что он неправильно ее понял, и глупо переспросил:

— Что?!

— Я поэт, зовусь я Светик! — закричала какая-то пьяноватая девчонка, стоявшая рядом с Валентиной.

Свет пулей выскочил из зала.

С тех пор в нем прочно поселилась уверенность в своей глупости и никчемности. Он — ничтожество, и это — непреложная истина. Недолго переболев этим ощущением, Свет ударился в другую крайность — решил, что все-таки он непризнанный гений. И то и другое было невыносимо в букете с нечеловеческой болью, терзавшей его неокрепшую душу из-за неразделенной любви.

Он всерьез стал задумывать о том, каким способом ему уйти из жизни. Потому что жить под давлением в сто тысяч атмосфер стало невыносимо. Казалось — лучше уж умереть.

Он думал, думал и, наконец, придумал.

Ночью, когда полная луна будет висеть в черном небе, он откроет окно и шагнет с высоты седьмого этажа. Это мужественно. Красиво. Романтично. Трагично.

Его стихи издадут посмертно. А она догадается, что является виновницей его смерти. И до конца жизни ей не будет покоя.

Потому что она погубила гения.

Самоубийство было назначено на послезавтра. Именно послезавтра должно быть полнолуние. Решение было окончательным и бесповоротным. «Я поэт, зовусь я Светик, от меня вам всем — приветик!» — Это был текст предсмертной записки, написанной им заранее.

За день до назначенного срока к нему пришел Пивоваров и заявил:

— Фролов, хватит киснуть! Свет клином не сошелся на твоей Вальке! — Андрюха расхохотался, довольный своей шуткой, и повторил: — Свет не сошелся! Одевайся, пойдем! Братец сегодня тусню у себя дома собирает. Там такие телки будут!

Свет подумал: а почему бы и не повеселиться напоследок? Это внесет пикантную и еще более трагичную нотку в историю его жизни и смерти.

«Фролов знал, что ему осталось жить меньше суток, а веселился и флиртовал, как ни в чем не бывало! — будет рассказывать всем Андрюха. — Я и подумать не мог, что у него на уме!»

Брат у Пивоварова жил отдельно от родителей, в роскошной двухэтажной квартире. Когда они с Андрюхой пришли, вечеринка была в самом разгаре. На втором этаже слышались веселые вскрики, на первом толкались, курили и выпивали группки парней и девиц самого богемного вида.

— Видишь, какие девицы, высший класс! — пихнул Света в бок Пивоваров. — Это тебе не твоя малахольная Валентина! Пошли наверх, там братан отрывается.

Братан отрывался в обществе... Валентины.

Они полулежали на низкой тахте, Валентина держала в руках гитару, перебирала длинными пальцами струны и что-то тихонько пела низким, грудным голосом. Ее рыжие волосы были собраны в хвост, отчего овал лица казался еще более утонченным. Кожа сияла нежным румянцем, глаза блестели из-под ресниц, а губы божественно шевелились под музыку, которую Свет не слышал. Брат Пивоварова, прикрыв глаза, покачивался в такт песни. В креслах и на полу сидели какие-то люди, они что-то пили из красивых фужеров оранжевого стекла. Увидев Света, Валентина чуть улыбнулась, не прерывая песни.

У него подкосились ноги, а сердце привычно застучало в ушах.

— Скотина! — прошептал он, обращаясь к Пивоварову.

— Я не знал! — взвыл Андрюха. — Свет, поверь, я понятия не имел, что мой брат... знаком с Валентиной!

Свет отчего-то ему поверил. Но от этого легче ему не стало.

В конце концов, какая разница, с кем встречается Валентина? Он все равно завтра ночью умрет.

Я поэт, зовусь я Светик!

От меня вам всем приветик!

Свет опустился на ковер рядом с какой-то девицей в татуировках и с отстраненным взглядом. Андрюха сел рядом, взял фужеры с шампанским и один протянул Свету. Валентина все пела что-то сложное, изысканное, печальное и бесконечное. Отблески свечей играли у нее в волосах, отражались в глазах. Она была безнадежно, душераздирающе, неприступно красива.

— Слушай, — сказал Андрюха ему на ухо, — а хочешь, я излечу тебя от твоей любви?

— Как? — грустно спросил его Свет. — Как можно излечить от любви?

— Нет, ну, ты скажи — хочешь?

Свет задумался. Хочет, конечно, но вряд ли это возможно. Говорят, от любви может излечить только время, но у него этого времени осталось только до полнолуния...

— Нет, ты скажи, хочешь? Или тебе приятно, когда тебя плющит при виде этой кудрявой ведьмы?

— Хочу, — прошептал Свет и решительно повторил: — Хочу!!

Татуированная девица равнодушно скосила на него подведенный глаз.

Пивоваров нагнулся поближе к Свету и прошептал:

— Ты на уши ее посмотри.

— Что?! — не понял Фролов.

— На уши ее, блин, внимательно посмотри! Я всегда, прежде всего, у девиц уши рассматриваю — красивые или нет.

Свет уставился на Валентину. И вдруг громко захохотал.

Уши были большие, оттопыренные и отчего-то заостренные кверху.

Он хохотал и никак не мог остановиться.

Валентина оборвала свою длинную сложную песню и посмотрела на Света огромными глазами, в которых отчетливо метнулась паника.

Богемная публика тоже смотрела на Света.

— Уши, — давился Свет смехом, — ой, не могу, уши!!

Он вскочил и бросился вниз по лестнице.

Как он раньше не замечал, что она лопухая?!

Разве можно умирать из-за родственницы Чебурашки?

В коридоре Свет с трудом отыскал среди груды обуви свои ботинки и выскочил из квартиры.

Холодный ветер отхлестал его по щекам. Хотелось петь и орать от счастья.

На него ничего не давит, никаких сто тысяч атмосфер! Он может есть, пить, двигаться, дышать, смеяться, жить!! Он может спокойно ходить в «универ» и не вздрагивать, когда вдали замаячит копна рыжих волос.

Он свободен!

Пивоваров догнал его у киоска, когда Свет покупал банку пива.

— Спасибо тебе, — сказал Фролов, вручая пиво Андрюхе.

— Да не за что, — пожал тот плечами. — Смотреть на тебя, уroda, надоело.

— Я свободен!!! — заорал Свет. — Я живу-у!! И к черту полную луну-у!!! □

Юрий Осипов

ИСПЫТАТЕЛЬ

СУДЬБЫ

Джон Гриффит Чейни (таково настоящее имя Джека Лондона) родился 12 января 1876 года в Сан-Франциско. Он стал пятым и последним ребенком в семье ограниченного и старательного строителя Пенсильванского канала Маршалла Веллмана, потомка английского пу-

циско, пока муж работал на строительстве канала в Пенсильвании. Эта гремучая смесь кровей дала себя затем знать в порывистой и увлекающейся натуре Джека Лондона.

Узнав о беременности жены от другого мужчины, Веллман стал настаивать, чтобы она сделала аборт,

Кто из нас в юности не зачитывался Джеком Лондоном, не отождествлял себя с отважными, сильными героями его книг, золотоискателями и просто искателями приключений на суровых просторах Аляски, в заповедных уголках Калифорнии, под палящим солнцем Южных морей.

Примечательно, что Джек Лондон являлся самым издаваемым в СССР зарубежным писателем после Г.Х. Андерсена. Переводы его произведений издавались у нас 956 раз, общим тиражом свыше 77 миллионов экземпляров!

Признанный классик американской и мировой литературы XX века, он, подобно сменившему его Хемингуэю, и сам был во многом сродни своим харизматичным героям, как и они, не раз испытывал судьбу и не раз смотрел в лицо смертельной опасности. Гордая, неукротимая личность, благодаря таланту и воле поднимаясь из низов общества к вершинам успеха. Атлетичный красавец с ослепительной улыбкой, перед которым не могла устоять ни одна женщина, но который так и не обрел в жизни свой романтический идеал.

ританина, обосновавшегося некогда в Массачусетсе. Его жена, валлийка Флора, учительница музыки, была натурой страстной и эксцентричной. Увлекалась спиритизмом и забеременела будущим писателем от астролога Вильяма Чейни, необузданного этнического ирландца, с которым жила некоторое время в Сан-Фран-

однако Флора категорически отказалась и в порыве отчаяния даже пыталась застрелиться, к счастью, только слегка поранив себя. Эта история наделала много шума в газетах, имя профессора Чейни было опорочено. Впоследствии в ответ на письма сына к нему он от отцовства отказывался.

После рождения малыша Флора на какое-то время оставила его на попечении своей бывшей рабыни, а в конце того же года вышла замуж за инвалида и ветерана Гражданской войны в США Джона Лондона и забрала ребенка к себе. Семья поселилась в рабочем районе города как раз тогда, когда в стране разразился жесточайший экономический кризис и сотни тысяч людей в поисках случайного заработка срывались с насиженных мест. Отчим будущего писателя пытался, было, заняться фермерством, но авантюризм Флоры, стремившейся к мгновенному обогащению, сводил эти попытки на «нет», и, в конце концов,

семья решила обосноваться в соседнем с Сан-Франциско Окленде.

Дальше началась трудовая жизнь Джека, полная лишений и испытаний. Еще школьником он продавал на перекрестках газеты, по воскресеньям подрабатывал уборщиком в кегельбане и в пивных павильонах парка. В 14 лет нанялся на консервную фабрику. Там был форменный ад, и юноша, заняв у матери 300 долларов, купил подержанную парусную лодку и стал «устричным пиратом», обиравшим по ночам чужие садки. Этот опасный пиратский промысел он вскоре благоразумно сменил на службу в морском патруле. Затем нанялся матросом на промысловую

шхуну, охотившуюся за котиками у берегов Японии и в Беринговом море.

Первый очерк «Тайфун у берегов Японии» принес ему в 1893 году литературную премию и положил начало его литературной карьере. Однако, прежде чем стать профессиональным писателем, Джек Лондон успел еще потрудиться чернорабочим на джутовой фабрике, гладильщиком в прачечной, кочегаром. У молодого человека, тянувшегося к творчеству, накопился уже огромный жизненный опыт, который позднее ляжет в основу романов «Морской волк», «Мартин Иден», а также ряда повестей и рассказов. Каждое его очередное приключение,

каждый необычный случай, каждый поворот судьбы отражались затем в литературных произведениях.

Опыт — опытом, однако без свободного легкого дара рассказчика, без чувства слова и композиции, без способности увидеть в груде необработанного житейского материала главное и донести это до читателя в увлекательной форме не состоялся бы замечательный писатель Джек Лондон.

В 20 лет он был уже вполне зрелым, самостоятельным мужчиной, умеющим постоять за себя. Ему не раз приходилось пускаться в ход кулаки, а то и нож в жестоких драках на корабельном полубаке, на фабричных задворках, на субботних

Бэсси Мадерн, Мэйбл Эпплгарт и Джек Лондон

танцуйках в городском парке. Женщины в лице тех же невзыскательных фабричных девчонок с раннего возраста не являлись для него тайной, но при этом Джек не сделался циником, не огрубел душой и оставался все тем же пылким романтиком.

Испытания юных лет закалили его, выработали в нем чувство ответственности и подготовили к вы-

бору пути. Но выбор этот, несмотря на первые удачные литературные опыты, произошел не сразу. В 1894 году он принял участие в походе безработных на Вашингтон (очерк «Держись!»). Был затем арестован поблизости от Ниагарского водопада за бродяжничество, после чего месяц просидел в тюрьме (очерк «Смирительная рубашка»). В этот период

ускоренным темпом формировались его мировоззрение и личность. Скитания по дорогам Америки с компанией безработных убедили молодого человека в том, что физический труд в современном буржуазном обществе обесценен, ценится только труд интеллектуальный. Со временем Джек увлекся учением Маркса и вступил в Социалистическую партию.

Вернувшись домой, начал ходить в вечернюю школу, печатал в школьном журнале свои путевые очерки и рассказы, завел новые знакомства. Появилась у него в Окленде и горячо любимая девушка, к которой он ездил на велосипеде по выходным. А днем продолжал работать, помогая семье, которая отчаянно нуждалась. Качество обучения для поступления в университет его никак не устраивало, и он бросил школу, чтобы готовиться к вступительным экзаменам в Калифорнийский университет самостоятельно.

Джек успешно сдал экзамены, но после третьего семестра из-за отсутствия средств на оплату учебы вынужден был его оставить, хотя его очень любили и студенты, и преподаватели.

Тем временем отчим, на правах ветерана Гражданской войны, ходил от дома к дому, торгуя всякой мелочью... Джеку пришлось снова браться за поденную работу — доллар в день — и отдавать заработок Флоре. Но при этом он не оставлял попыток реализоваться в качестве писателя,

мечтая о высоких литературных гонорах.

Он заперся в комнате и начал сочинять по 15 часов в сутки, день за днем — стихи, очерки, статьи, рассказы. Написанное за день засовывал в конверты, тратил последние гроши на почтовые марки и рассылал рукописи по редакциям. Они упорно возвращались обратно. (История Мартина Идена. И вся дальнейшая — тоже.) Когда у него не осталось ни цента, Джек отложил карандаш и пошел наниматься рабочим в прачечную Бельмонтской академии. Долгие недели он гнул спину над нескончаемыми грудями грязного белья, и только его железное здоровье помогло ему выдерживать 80-часовой недельный график работы, после которой сил на чтение книг из привезенного с собой сундучка уже не оставалось. Если к выходному он чувствовал себя не слишком измученным, то садился на велосипед и катил в Окленд, провести пару часов с Мэйбл Эпплгард.

Флора и Джон Лондоны жили на его 30 долларов в месяц. Это были гроши, которых едва хватало на хлеб насущный. И ради этих грошей за изнурительную работу он бросил университет? А теперь вдобавок бросил писать? Где же выход? Выход неожиданно представился, когда весной 1896 года в Клондайк хлынула первая громадная волна золотоискателей. Джек Лондон оказался в их первых рядах. Он вновь без колебаний отправился на зов Приключения.

*Жена Джека
Лондона
Бэсси
с дочерьми
Джоан
и Бесс*

Опять он был самым молодым в разношерстом сборище людей, одержимых «золотой лихорадкой». И опять заслужил их уважение, не уступая лучшим ни в споре, ни в драке, ни в работе. Работать приходилось до кровавых мозолей. Работать, терпеть голод, обморожения и не раз рисковать жизнью в краю «белого безмолвия». В довершение всего, во время зимовки писатель заболел цингой. А золота, увы, так и не нашел. Зато узнал героев едва ли не лучших своих рассказов, сделавших его знаменитым.

После возвращения с Аляски, в возрасте 23-х лет Джек Лондон опубликовал, наконец, в 1899 году первые северные рассказы. А на следующий год вышла книга «Сын волка». С этими произведениями к молодому писателю пришел подлин-

ный успех. Отныне литература становится главным делом его жизни, за которую он успел написать удивительно много. «Романтический реализм» — так сам Лондон характеризовал свой творческий метод, сочетавший изображение человека в кризисных ситуациях, на переломе судьбы и внимание к выразительным подробностям быта героев.

Первый напечатанный рассказ объемом в пять тысяч слов, маленький шедевр «За тех, кто в пути», принес автору гонорар пять долларов (он-то надеялся получить хотя бы по десять долларов за тысячу слов). Писал он его пять дней, и таким образом вышло, как в прачечной или на джутовой фабрике, — доллар в день. Со временем крупнейшие журналы будут биться за его рассказы и платить ему по доллару за слово.

Но в тот далекий день, получив ответ редактора популярного «Транс-континентального ежемесячника», Джек Лондон мог бы навсегда бросить писать.

К счастью, в тот же день пришел ответ из широко известного журнала «Черная кошка», где другой его рассказ предлагали опубликовать уже за сорок долларов, то есть гонорар составлял целых двадцать долларов за тысячу слов. Обналичив чек, начинающий писатель выкупил в ломбарде часы, плащ и велосипед, уплатил долг за квартиру, закупил домой Флоре всякой снеди и помчался на велосипеде к любимой Мэйбл. Все воскресенье они провели на холмах за городом, строя планы на будущее.

К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Девушка из разорившейся буржуазной семьи по настоянию родителей не вышла за Джека, о чем, по всей вероятности, те впоследствии сильно пожалели. А Лондон в январе 1900 года неожиданно женился на невесте своего погибшего университетского приятеля Бэсси Мадерн. Начинаясь новый век. Начинаясь новый писатель. При этом для новобрачных не было секретом, что Бэсси, выходя за Джека, еще не забыла своего прежнего жениха, а Джек решил на брак с Бэсси, чтобы изжить чувство к Мэйбл. Флора рвала и метала, лишившись возможности породниться с Эпплтонами, и чуть было не отказалась присутствовать на свадьбе.

В 1937 году Бэсси призналась в газетном интервью, что выходила замуж за Джека Лондона без любви, но потом полюбила его. Она родила ему двух дочерей и, будучи школьной учительницей, постаралась стать для мужа самоотверженной помощницей. Днем работала, а вечерами перепечатывала его рукописи, читала интересовавшие Джека книги, дабы потом вместе обсуждать их, переписывала и красиво переплетала сотни понравившихся мужу стихов, собирала журнальные статьи по нужным ему экономическим и политическим вопросам и даже устроила в темном чулане фотолабораторию, научив Джека проявлять и печатать снимки.

Окленд одобрил сделанный им выбор, местная газета назвала Бэсси «достойной и красивой девушкой». По воскресеньям молодые уезжали на велосипедах в живописную долину Леандро, где устраивали пикники. Они не пребывали на вершине блаженства, но хорошо и спокойно чувствовали себя друг с другом.

Дарвин, Спенсер, Маркс и Ницше. Вот четыре столпа, к которым восходит практическая философия Джека Лондона. Увлечение этими мыслителями приводило его порой в романах к издержкам вульгарной социологии, а то и к открытой тенденциозности в ущерб художественной стороне произведений. Влияние поэтичных пассажей Ницше о сверхчеловеке ощущается в идейной основе «Морского волка», «Малень-

кой хозяйки большого дома» и даже в «Мартине Идене». «Ницшеанством» такой человек, как Джек Лондон, просто не мог не «переболеть». Своими же литературными учителями он называл Р.Л. Стивенсона и Киплинга, хотя с шовинистическими взглядами последнего был категорически не согласен. Высоко ценил Лондон русских писателей, в особенности Горького, и восхищался его «Фомой Гордеевым», называя этот роман «целительной книгой», которая «утверждает добро».

Став известным писателем и состоятельным женатым человеком, Джек Лондон не изменил своей мятущейся натуре, стремлению к социальной справедливости и по-прежнему жаждал прямой деятельности на благо обездоленных. В 1902 году он совершил поездку в Англию, результатом которой явилась публицистическая книга «Люди бездны», ярко обличавшая «язвы» капитализма. Вернувшись в Штаты, Лондон выступал с лекциями социологического характера в разных городах страны и организовывал отделы «Общественного студенческого общества». При этом продолжал писать по 15–17 часов в день.

Новая любовь настигла его в 1903 году. Влюбившись в Чармиан Киттрэдж, он ушел из семьи и два года спустя, разведясь с первой женой, женился на этой женщине. Однако тут же покинул ее, отправившись военным корреспондентом на русско-японскую войну. Джек Лон-

дон все делал со страстью. Перед отъездом приобрел в Калифорнии ранчо, которое назвал «Дом волка», и завел там агроферму, которая стала для писателя поистине злосчастной. Он неоднократно расширял ее в последующие годы и, увлекшись сельским хозяйством, внедрял у себя прогрессивные методы земледелия и животноводства, пытаясь создать «идеальную ферму». Эти попытки привели, в конечном счете, к огромным долгам. Чтобы покрыть их, Лондон вынужден был заниматься литературной поденщиной на потребу бульварным изданиям, и временами даже стал испытывать отвращение к писательскому труду...

С не меньшим увлечением взялся он за реализацию идеи кругосветного путешествия на построенном по собственным чертежам судне «Снарк». Плавание началось в 1907 году и, по замыслу писателя, должно было продолжаться семь лет, но было прервано в 1909 году из-за его болезни. И все же эти два года под парусом дали ему обширный материал для книг «Путешествие «Снарка», «Рассказы Южных морей», «Сын солнца». Талант Джека Лондона достиг своего полного расцвета. Его называли блестящим продолжателем традиций американского короткого рассказа, заложенных Б. Гартом и Э. По. Поэтичный стиль, волнующая экспрессия, мужественные герои, хозяева своей судьбы, без колебаний совершающие большие по-

*Вторая
жена —
Чармиан
Лондон*

ступки, покоряли читательские сердца по обе стороны океана.

Ему оказались подвластны разные темы и жанры. Повести «Белый клык», «Зов предков», романы «Майкл, брат Джерри» и «Джерри-островитянин» — подлинные шедевры, гимны любви к четвероногим

друзьям. Шумный успех имели его научно-фантастические рассказы «Алая чума», «Когда мир был юн», «Враг всего мира», «Голиаф». Они подкупают богатством авторской фантазии, неожиданными сюжетными ходами и энергичностью повествования. Эти достоинства при-

сущи и большому социально-утопическому роману Джека Лондона «Железная пята» (1908). Роман необычайно убедительно рисует эпоху наступления олигархической диктатуры в США, предвещающую появление кровавых региональных диктато-

ров, социальных потрясений, мировых войн и чудовищных изобретений, которые будут угрожать существованию человечества.

На пике славы Лондона крупнейшие нью-йоркские журналы и издательства платили ему 50 тысяч дол-

ларов за книгу (огромную по тем временам сумму). А денег писателю все равно не хватало. Он был удивительно непрактичен, доверялся, кому попало, и ничего не смыслил в бизнесе, постоянно ввязываясь в сомнительные деловые предприятия. Его обманывали партнеры, друзья, для которых он был готов на все.

Еще в 1904 году, узнав, что старый приятель из газеты сидит без работы, Джек подарил ему право сделать экранизацию или инсценировку «Морского волка». Ноул это право благополучно продал, заполучив три с половиной тысячи долларов, и вдобавок уговорил Джека вложить деньги в его дутую полиграфическую компанию, которая быстро обанкротилась. Зато когда Лондон сидел на мели, а жене срочно понадобилась определенная сумма, он разослал письма своим должникам с просьбой дать, кто сколько сможет. И собрал пятьдесят долларов от сотен мужчин и женщин, которые беззастенчиво заняли у него в совокупности более 50 тысяч...

Старая привычка к алкоголю в последние годы вновь дала себя знать. В виски писатель топил теперь все нахлынувшие разочарования, невзгоды, сомнения. Чтобы не видела жена, уезжал с ранчо в долину и шатался с прежними приятелями по барам. Он обрюзг, растолстел, впервые начал жаловаться на здоровье. Ему еще хватило сил на недолгий срок «завязать», но с творческим кризисом дело обстояло хуже. Из-

за него писатель, наделенный могучим даром рассказчика, вынужден был тайком приобрести ради заработка сюжет для нового романа, проданный ему начинающим американским романистом Синклером Льюисом. К счастью для себя, Лондон успел только дать будущему роману название «Бюро убийств» и написать несколько глав...

Ранее, весной 1914 года, спасаясь от депрессии и творческого кризиса, он принял предложение журнала «Кольерс» и отправился военным корреспондентом в Мексику, написав серию статей в оправдание силового вмешательства США во внутренние дела других государств. Это вызвало негодование его товарищей по Социалистической партии и прогрессивно мыслящих коллег. Джек Лондон очутился в изоляции. Чувствуя себя несчастным, он метался и искал утешения в случайных связях с женщинами, чему в немалой степени способствовал его разлад с Чармиан. Девять лет он хранил ей верность, пока не порвалась их душевная связь. Тем не менее они сделали еще одну попытку сохранить свой брак и в феврале 1915 года уехали скоротать остаток холодной зимы на Гавайи. Джек ехал измученный тоской и болезнью, страдая от сознания творческого бессилия и видя, как окружающие платят ему злом за добро. Под теплыми лучами солнца, подолгу плавая в океане и катаясь верхом, писатель настолько поправился, что

смог взяться за «Джерри-островитянина», которого закончил к лету. Это была последняя вспышка. По возвращении в Глен-Эллен, в Богемной роще на берегу Рашн Ривер был устроен веселый праздник для соседей по ранчо и приглашенных гостей, среди которых было немало художников и социалистов, исповадовавших толстовские принципы непротивления злу насилеи.

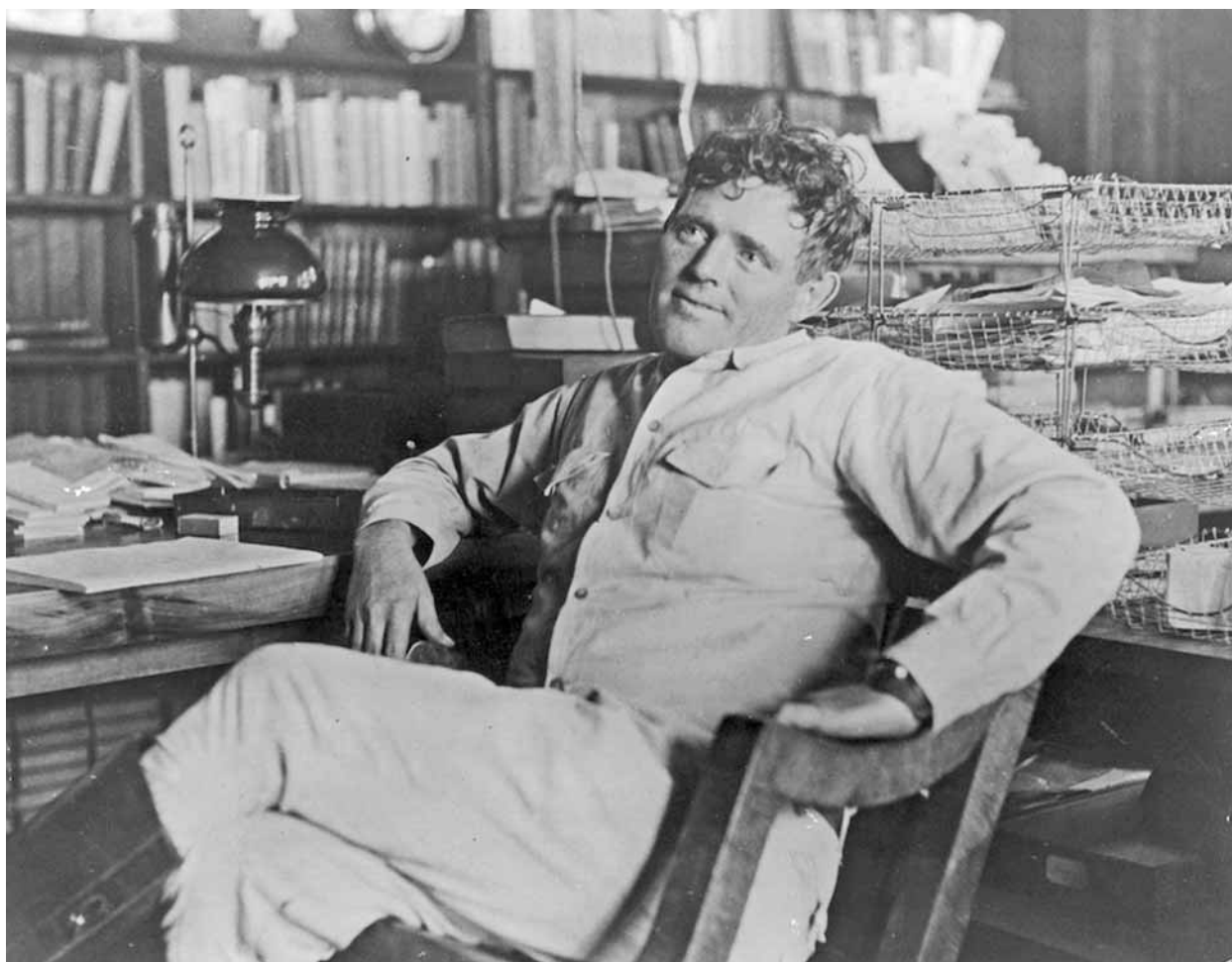
На празднике и после него Джек много пил, стараясь заглушить боль от уремии. Бросить собирался, когда вылечится. Писал в то время лишь развлекательный приключенческий кинороман «Сердца трех», имевший, тем не менее, оглушительный успех и продолжающий пользоваться читательским спросом по сей день. Сам писатель считал его забавной чепухой, позволившей отойти от серьезной работы, поскольку гляцевый журнал «Космополитен» платил за эту «вещицу» кругленькую сумму.

Каждый день Лондон выдавал «на гора» свою обязательную тысячу слов, после чего спешил уединиться на ранчо, оно одно приносило ему отныне успокоение и радость. Он уже не хороводил в компании друзей, не выходил на ринг побороться или побоксировать, все реже ездил верхом. Неохотно вступал в беседу и шутил не от души, как прежде, а словно по принуждению. В споре теперь не наслаждался умственной дуэлью, а лишь раздражался и ссорился с собеседником. Он стал другим.

Единственное, что не приносило ему разочарования, была земля, его ферма. Даже к тем, кто работали там, он начал испытывать острую неприязнь, однако в свои уголья продолжал истово верить. И упорно расширял поля, выводил новые культуры, удлинял оросительные каналы, строил каменные коровники и свинарники. При этом исподволь вынашивал идею создания сельхозобщины для избранных. Мечтал, как уволит нерадивых работников и оставит только честных, старательных людей, которым построит семейные коттеджи, откроет промтоварную лавку и школу для малышей. Утопия? Но Джек отказывался в этом признаться и тогда, когда все его сельскохозяйственные планы стали рушиться один за другим.

Обитатели «Поросьячьего дворца» схватили воспаление легких на каменных полах и околели. Стадо ангорских овец унесла эпидемия. Племенной жеребец, которого писатель любил, как человека, был найден в поле мертвым. Заведенных им дорогостоящих першеронов вытесняли тракторы. Никому не нужными оказались, в итоге, и сто сорок тысяч эвкалиптовых деревьев, пригодных разве что на дрова...

Джек даже не помышлял о доходах от вложенной в ранчо четверти миллиона долларов. Лишь бы остаться «при своих»! И иметь возможность оказать поддержку общине сознательных фермеров, объединенных любовью к земле. Он видел,

понимал, что дело проиграно. Ему говорили: «Брось, старина, ферма была ошибкой. Откажись от нее, пока не поздно, хотя бы ради самого себя». А он в ответ твердил: «Не могу отступить!» Как не мог отступить, снаряжая в кругосветное плавание «Снарк». И, значит, нужно ежедневно выжимать из себя проклятую тысячу слов, зарабатывая на содержание фермы. Сам процесс писания, без которого он раньше не мог обойтись, как без воздуха, теперь делался мукой. «Необходимость — вот что заставляет меня писать. Иначе я никогда больше не написал бы ни строчки».

В результате возник своеобразный парадокс. Лондон охладел в конце жизни к творчеству, а читатели охладели к нему. Его книг было слишком много. От изобилия выпускаемых им в журналах и издательствах вещей начали задыхаться критики. Он же, закончив «Сердца трех», ворчливо заметил: «Давненько что-то не видно бестселлера под моим именем. Разве другие пишут лучше?» Причина крылась не в «других», а в нем самом. Это он потерял былую форму, не творил, а ремесленничал.

Последней благожелательно принятой публикой книгой писателя стала «Лунная долина». Сборник

лучших повестей и рассказов разных лет такого впечатления не произвел — просто еще один сборник Джека Лондона, хотя в нем были напечатаны произведения на редкость талантливые, многие пророческие, уносящие читателя в будущее на крыльях щедрой авторской фантазии. Обозревателю, тепло отозвавшемуся о сборнике, Лондон писал: «Вы единственный человек в Соединенных Штатах, которому не наплевать на «Межзвездного скитальца». А ведь эта малоизвестная русскому читателю повесть является подлинной жемчужиной творческого наследия писателя.

На ранчо, бродя ночами по комнатам дома, он иногда думал, что сходит с ума, и боялся лишиться рассудка. Мания усугубляла депрессию, обостряла болезнь. Мозг его был истощен. Отношения с женой практически распались. Он уже ничего не мог дать ей. Она — ему. Джек еще цеплялся за слабую надежду найти и полюбить зрелую женщину, которая подарит ему сына. О сыне он мечтал, зная, что Чармиан на это не способна. Однако он по-прежнему был ласков с женой, как с несмышленным ребенком. По-прежнему дарил ей свои книги с пылкими посвящениями. Все же долгие годы она была ему верным другом, он не мог и не хотел причинить ей боль. Чармиан мучилась неизвестностью, страдала бессонницей, не сомневаясь, что Джек ей изменяет, и страшилась потерять его...

В июне 1906 года он вновь отплыл с женой на Гавайи, веря в целительную силу солнца. На пароходе написал заявление о выходе из Социалистической партии, «потому что она утратила свой огненный воинственный дух и отвлеклась от классовой борьбы». На сей раз Гавайские острова не принесли ему желанного исцеления. Ни физического, ни душевного. Он пил беспробудно и писал какую-то ерунду, не достойную его пера. Слабенькие гавайские рассказы, начало так и не продолженного романа о девушке-евразийке. Появились, правда, первые главы «Джерри-островитянина». Талант Лондона еще не совсем угас, но силы иссякли. Когда он возвратился в Глен-Эллен, друзья с трудом узнали его. Вместо задорного бесстрашного парня они увидели угрюмого подавленного человека с опухшими лодыжками, заплывшим лицом и потухшим взглядом. Остатки душевного равновесия покинули его, он просто безвольно плыл по течению.

Знаменитого писателя и общественного деятеля нередко теперь встречали в Окленде пьяным. Он затевал скандалы в публичных местах. И он же поехал в Пьемонт извиниться перед Бэсси за всю причиненную ей боль, предложил удвоить ее ежемесячное содержание и сказал бывшей жене: «Если я когда-нибудь тебе буду нужен, я приду, как бы далеко ни был». Теперь Джек понял, что жестоко обошелся с Бэсси,

и что детей потерял по собственной вине. Они расстались очень тепло.

По иронии судьбы, единственного сына и единственную сыновнюю любовь Джеку суждено было обрести в лице своего преданного слуги-японца, которого он отправил в Голлулу учиться на зубного врача. На закате дней писатель, который всю жизнь был окружен людьми, в полной мере познал горький удел одиночества. Одиночества души. Но этот удел его больше не страшил. Он всегда повторял: «Хочу пожить недолго, но весело. Сверкнуть по небесному своду двадцатого века слепящей кометой». И хотя двадцатый век только начинался, Джек Лондон оставил на его «небесном своде» немеркнущий след. А теперь, как говорил Дж.Стерлинг, «дело сделано, жизнь кончилась, раскланывайся и уходи. Не засиживайся в обществе собственного трупа».

И все же вот так сразу уходить он не желал. Были задуманы масштабные книги — роман «Христос», художественная автобиография «Моряк в седле», фантастическая повесть о тех днях, когда начнет остывать наша планета, «Дальние дали». Взять эти рубежи ему уже не хватало сил. Однако, прежде чем окончательно угас его могучий дар, Лондон написал два великолепных рассказа: один об Аляске — «Как аргонавты в старину», второй — «Принцесса».

Сдаваться он был не намерен. Велел управляющему приступить к строительству нового коровника и

наблюдал из окна своего рабочего кабинета на ранчо, как потянулись на холм к ферме подводы с мешками цемента. В Сан-Франциско с его фермы еще будут поступать молоко, масло и самый высокосортный сыр торговой марки «Дж Эл — Джек Лондон». Он собрался совершить путешествие по странам Востока, даже заказал билеты на пароход, но потом раздумал. Решил один съездить в Нью-Йорк, и тут соседка по ранчо затеяла с ним тяжбу по поводу его якобы незаконного пользования водоемами. В последний день судебного разбирательства Джек Лондон давал показания четыре часа подряд и покинул зал с приступом застарелой почечной болезни.

Во вторник 21 ноября 1916 года он закончил вечером все сборы, чтобы на следующее утро выехать в Нью-Йорк. Допоздна беседовал о хозяйственных делах с главной своей помощницей, сводной сестрой Элизой. Сказал ей, что наведается во время поездки на скотный рынок в Чикаго и отберет для фермы подходящих бычков. Пора было ложиться спать. Элиза проводила его до дверей кабинета. «Вернешься, а я уж и магазин открою, и школу обустрою... Только почты с флагом не хватает. Будет тогда у нас здесь свой городок. И назовем его «Независимость». «Идет, старушка!» — ответил ей брат и ласково потрепал ее за плечо. Это были его последние слова. Он прошел через кабинет в спальню и плотно прикрыл за собой дверь.

В семь утра в комнату Элизы влетел слуга-японец, сменивший Накату. Он взволнованно сообщил, что хозяин не в себе, вроде, как пьяный. Элиза кинулась на балкон. Одного взгляда было достаточно — Джек находился без сознания. По телефону она немедленно вызвала доктора Томпсона. Тот обнаружил, что писатель в глубоком обмороке. На полу спальни валялись два пустых флакона из-под морфия и атропина, а на ночном столике лежал раскрытый блокнот с вычислениями смертельной дозы яда. Томпсон вызвал своего ассистента с противоядием. Вдвоем они промыли больному желудок, ввели сердечный стимулятор, растерли конечности.

Во время всех этих процедур Джек на мгновение пришел в себя, приоткрыл глаза, пробормотал что-то похожее на «хэлло» и снова потерял сознание. К семи вечера он умер.

Чармиан Лондон, которой в 1911 году писатель завещал все свое состояние, заявила доктору Томпсону, что смерть Джека должна быть приписана только почечной недостаточности. Доктор возразил, что сделать это будет трудно, и причину смерти все равно будут искать в отравлении морфием, тем более что самоотравление как раз начало широко распространяться. Кстати, точно так же свел счеты с жизнью Зигмунд Фрейд. К самоубийству, как к последнему средству освободиться от гнета разочарований, при-

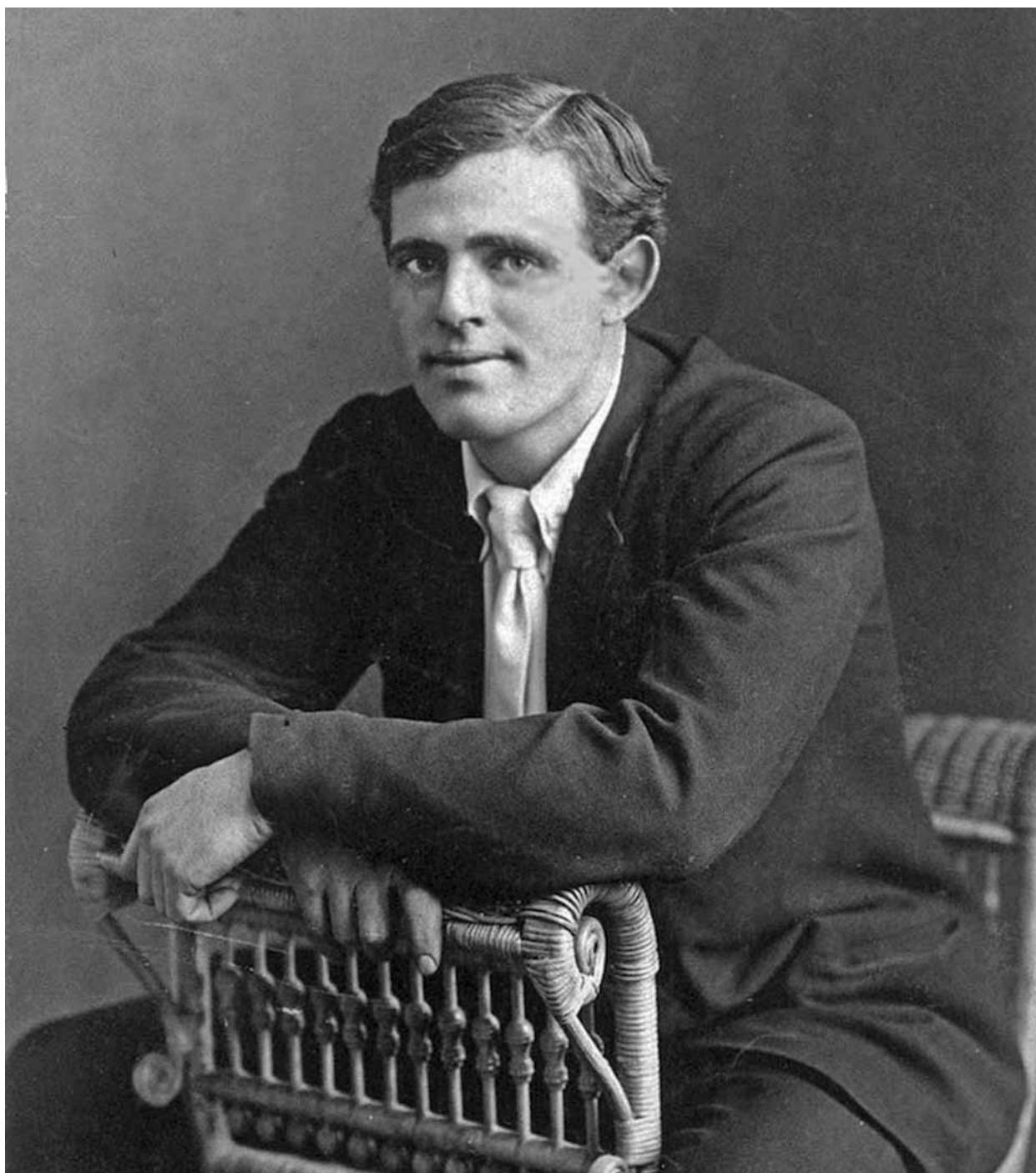
бегнул любимый джеклондонский герой, по сути, его «алтер эго», Мартин Иден. О своих размышлениях по поводу добровольного ухода из жизни писатель упоминает в автобиографической повести «Джон Ячменное зерно».

На следующий день тело Джека перевезли в Окленд, где Флора, Бэсси и обе ее дочери устроили писателю торжественную панихиду. Вместе с ними и женой кончину его оплакивал весь мир. В разгар мировой войны европейская пресса уделила этому событию больше внимания, нежели смерти скончавшегося накануне австрийского императора Франца Иосифа.

Скорбь американцев лучше всего передает поступок некой миссис Бербанк, в доме которой в тот день собралась университетская молодежь. Развернув газету с траурной рамкой на первой странице, она вбежала в комнату и крикнула: «Перестаньте смеяться, Джек Лондон умер!»

Урну с прахом доставили из Окленда обратно на ранчо. На вершине зеленого холма, там, где всего неделю назад писатель просил сестру похоронить его, Элиза велела выкопать в тени деревьев глубокую могилу и опустила туда урну. Потом могилу зацементировали. Сверху, по распоряжению Элизы, поместили громадный красный валун, который Джек прозвал «Камнем, не пригодившимся рабочим».

Что ж, зато он пригодился покойному. Как очень «пригодились» со-

временникам и потомкам многогранная человеческая личность Джека Лондона, написанные им книги.

Писатель ушел из жизни, едва перешагнув порог своего сорокалетия. А в литературе трудился всего семнадцать лет, притом, что его полное собрание сочинений зани-

мает добрых 15 томов. «Моряк в седле», путешественник, старатель, фермер, спортсмен, партийный активист и лектор, он перепробовал на своем стремительном жизненном пути десятки профессий и увлечений, навсегда приобщив нас к духу мужества, отваги и героизма.

Джек Лондон

ВЕЛИКАЯ

Поистине, миссис Сейзер промелькнула на небосклоне Доусона подобно метеору. Она прибыла весной, на собаках, с проводниками из канадских французов, ослепительно блеснула на один короткий месяц и уехала вверх по реке, как только сошел лед. Весь Доусон, которому так не хватает женского общества, был ошеломлен столь внезапным отъездом, и местная аристократия огорчалась и расстраивалась по этому поводу до тех самых пор, пока не разразилась золотая лихорадка в Номе и новая сенсация не затмила старую. Ибо Доусон пришел в восторг от миссис Сейзер и принял ее с расprostертыми объятиями. Она была мила, очаровательна и при том вдова, поэтому за нею сразу стали увиваться чуть ли не все короли Эльдорадо, должностные лица, искатели приключений из младших сыновей состоятельных семейств — все, кто стосковался по шелесту женского платья.

Горные инженеры с уважением вспоминали ее мужа, покойного полковника Сейзера, представители промышленных кругов почтительно отзывались о его сделках и хватке: ведь он считался одним из крупнейших воротил в американской горной промышленности и, быть может, еще более крупным в английской. Чего ради из всех женщин на свете именно его вдова явилась в эти края? Это была великая загадка. Но обитатели Севера — народ практический, они вполне разумно презирают отвлеченные рассуждения и признают только факты. А для многих из них Карен Сейзер оказалась весьма существенным фактом. Она же смотрела на вещи по-другому, о чем свидетельствуют категоричность и быстрота, с какими она весь этот месяц отвечала на бесконечные предложения руки и сердца. И вот она исчезла, а с нею исчез факт, и осталась только загадка.

Однако случай милостиво дал ключ к разгадке. Последняя жертва миссис Сейзер, Джек Кофрэн, понапрасну положивший к ее ногам свое сердце и участок в пятьсот футов на Бонанзе, всю ночь напролет шатался

с горя по кабакам в самой разношерстной компании. Среди ночи он невзначай столкнулся с Пьером Фонтэном, — а это был не кто иной, как старший проводник Карен Сейзер. Столкнувшись, они узнали друг друга, выпили и под конец оба порядком опьянели.

— Что? — бормотал уже под утро Пьер Фонтэн. — Чего ради мадам Сейзер явилась в наши края? А вы у нее самой спросите. Ничего я не знаю, только знаю, что она все спрашивает про одного человека. «Пьер, — говорит, — вы мне его найдите, и я дам вам много денег, тысячу долларов дам, только найдите этого человека». «Какого человека?» «Ах, да. Его зовут... как это... Дэвид Пэйн. Да, мсье, Дэвид Пэйн». Все время это имя у нее на языке. И я все ищу его, ищу, бегаю как собака, нигде его не видать, черт бы его побрал. Ну, и тысячи долларов не видать.

Что? А, да. Один раз приезжали люди из Серкла. Так они его знают. Сказали, он на Березовом ручье. А мадам что? Мадам сказала: «Прекрасно!» — и вся так и просияла. И говорит мне: «Пьер, запрягите собак. Мы сейчас же едем. Если найдем его, я дам вам две тысячи долларов». А я говорю: «Да-да, сейчас же! Едемте, мадам!» А про себя думаю: «Ну, две тысячи у меня в кармане. Экий я молодец!» А потом приехали еще какие-то из Серкла и говорят: «Нет, этот Дэвид Пэйн недавно уехал в Доусон». Так мы с мадам туда и не поехали, в Серкл.

Да, мсье. Тогда мадам мне говорит: «Пьер, купите лодку, — и дает мне пятьсот долларов. — Завтра мы едем вверх по реке». «Да, хорошо, мадам, завтра едем вверх по реке». И этот каналья Ситка Чарли содрал с меня за лодку пятьсот долларов. Черт бы его побрал.

Джек Кофрэн не стал держать эту новость про себя, и на другой же день весь Доусон думал и гадал, кто такой Дэвид Пэйн и какое отношение он имеет к Карен Сейзер. Но в тот же день, как и говорил Пьер Фонтэн, миссис Сейзер со своими канадцами двинулась, держась восточного берега, по направлению к Клондайк-сити, пересекла реку и, идя вдоль западного берега, чтобы не напороться на скалы, скрылась среди бесчисленных островков.

— Да, мадам, это то самое место и есть. Первый, второй, третий остров ниже устья реки Стюарт. Вот это третий остров.

С этими словами Пьер Фонтэн уперся багром в берег и поставил лодку поперек течения. Лодка ткнулась носом в прибрежные камни, один из канадцев ловко выскочил на берег и привязал ее.

— Минуту, мадам, я только взгляну.

Фонтэн скрылся за гребнем скалы, и оттуда донесся многоголосый собачий лай. Он тотчас вернулся.

— Да, мадам, хижина здесь. Я посмотрел. Того человека нет дома. Но очень далеко он не мог уйти и очень надолго — тоже, раз собак не взял. Он скоро вернется, будьте уверены.

— Помогите мне выйти, Пьер. Я измучилась в вашей лодке. Неужели вы не могли устроить меня поудобнее?

Карен Сейзер поднялась из своего мехового гнездышка посреди лодки и выпрямилась, высокая, гибкая. Но хоть в обычной, родной ей обстановке она выглядела хрупкой и нежной, как лилия, этой кажущейся хрупкости никак не соответствовала сила, с какой она оперлась на руку Пьера своей не по-женски крепкой рукой, легко выскочила из лодки и, уверенно ступая стройными, сильными ногами, быстро взобралась по крутому склону. В этой изящной, прекрасно сложенной женщине таились редкая энергия и выносливость.

Хоть она и одолела подъем с такой небрежной легкостью, на щеках ее показался румянец, и сердце билось чаще обычного. Она подошла к хижине с каким-то почтительным любопытством, и румянец на ее щеках разгорелся еще ярче.

— Поглядите-ка, — сказал Пьер, указывая на щепки у поленницы. — Дрова свежие, дня два, может, три, как наколоты.

Миссис Сейзер кивнула. Она попыталась заглянуть в крошечное оконце, но хоть промасленная бумага и пропускала свет, разглядеть сквозь нее ничего не удавалось. Потерпев неудачу, миссис Сейзер подошла к двери, приподняла, было, тяжелый засов, собираясь войти, но передумала. Потом вдруг опустилась на одно колено и поцеловала грубо обтесанный порог. Если Пьер и заметил это, он не подал виду и потом ни с кем никогда не делился этим воспоминанием. Но в следующее мгновение один из канадцев, мирно раскуривавший трубку, вздрогнул, заслышав необычно грозный окрик своего начальника.

— Эй, Легуар! Сделай там сиденье помягче, — приказал Пьер. — Побольше медвежьих шкур, побольше одеял, черт побери!

Но вскоре это гнездышко пришлось разорить, большую часть мехов и одеял перенесли наверх, на берег, и там в ожидании уютно расположилась миссис Сейзер. Опершись на локоть, она смотрела на широкую, убегающую вдаль ленту Юкона. Над горами, вздымавшимися вдалеке, на противоположном берегу, небо было затянуто дымом невидимых отсюда лесных пожаров, и сквозь эту пелену едва пробивались лучи солнца, слабо освещая землю и отбрасывая неверные тени. Куда ни глянь — до самого горизонта поросшие елью острова, темные воды, скалистые хребты, изрезанные ледниками, — дикая, первобытная пустыня. Ничто здесь не говорило о присутствии человека, ни единый звук не нарушал безмолвия. Весь край, казалось, был скован какой-то неведомой силой, окутан задумчивой тайной безграничных просторов. Быть может, именно от этого миссис Сейзер стало не по себе: она поминутно меняла позу, смотрела то

вверх, то вниз по реке, пристально вглядывалась в угрюмые берега, стараясь разглядеть едва заметные устья дальних притоков. Примерно через час гребцам было велено сойти на берег и разбить лагерь для ночлега, но Пьер остался охранять свою хозяйку.

Долго они сидели молча.

— Ага, вот он, — шепнул Пьер, внимательно смотревший вверх по реке, туда, где она огибала остров.

По течению скользило каноэ, то с правого борта, то с левого поблескивало весло. Двое — на корме мужчина, на носу женщина — гребли, мерно раскачиваясь в такт взмахам весел. Миссис Сейзер не обращала внимания на женщину, пока они не подплыли совсем близко, и уже нельзя было не заметить ее своеобразной красоты. Куртка из лосиной шкуры, причудливо расшитая бисером, подчеркивала линии ее стройной фигуры, живописно повязанный яркий шелковый платок наполовину скрывал густые иссиня-черные волосы. Но, мельком взглянув на лицо этой женщины, словно отлитое из красноватой бронзы, миссис Сейзер уже не могла оторваться от него. Огромные черные, чуть раскосые глаза смотрели прямо и пристально из-под тонко очерченных, красиво изогнутых бровей. Хотя скулы заметно выступали, щеки все же мягко круглились, в складке тонких губ была и сила и нежность. Что-то в этом лице говорило о древней монгольской крови, словно спустя много веков в нем проступили черты забытых предков. Впечатление усиливал еще и нос с горбинкой, с тонкими подвижными ноздрями, и то дикое, орлиное, что чувствовалось не только в лице, но во всем облике этой женщины. Это был татарский тип, облагороженный до степени идеала, — счастливо то индейское племя, которое раз в двадцать поколений порождает такую совершенную красоту!

Широкими, сильными взмахами весел двое круто повернули легкую лодку, поставили ее поперек течения и мягко пристали к берегу. Еще мгновение — и женщина уже стояла на краю откоса и, перехватывая руками веревку, тащила вверх четверть туши только что убитого лося. Затем к ней присоединился мужчина, и вдвоем они быстрыми, сильными рывками втянули каноэ на откос. Собаки вились вокруг, скуля и повизгивая, женщина наклонилась приласкать их, и тут взгляд мужчины упал на миссис Сейзер, стоявшую невдалеке. Он посмотрел, бессознательно провел рукой по глазам, словно не веря им, и снова посмотрел.

— Карен, — сказал он просто, подойдя к ней и протягивая руку. — Сперва я решил, что вы мне померещились. Этой весной я одно время страдал снежной слепотой, и с тех пор глаза иногда шутят со мной такие шутки.

Румянец миссис Сейзер стал еще ярче, и ее сердце больно сжалось, она была готова ко всему, только не к этой бесстрастно протянутой руке, но она овладела собой и крепко пожала его руку.

— Вы же знаете, Дэйв, я часто грозилась приехать, и уже давно приехала бы, но... но...

— Но я не звал, — засмеялся Дэвид Пэйн и посмотрел вслед индианке, скрывшейся в хижине.

— Нет, я понимаю, Дэйв... на вашем месте я, наверное, поступила бы так же. Но, видите, я здесь.

— Что ж, остается сделать еще несколько шагов, войти в дом и поужинать, — сказал он весело, не замечая или делая вид, что не замечает призывной нотки в ее голосе. — Вы, наверное, устали. Куда вы направляетесь? Вверх? Значит, зимовали в Доусоне? Или приехали совсем недавно? Это ваш лагерь? — Он взглянул на канадцев, собравшихся у костра на берегу, и придержал дверь, давая миссис Сейзер пройти. — Я приехал сюда прошлой зимой по льду из Серкла и на время устроился тут. Копаясь понемножку на ручье Гендерсона, если толку не будет, осенью попытаю удачи на реке Стюарт.

— Вы не очень изменились за это время? — спросила она вдруг, пытаясь перевести разговор на более личные темы.

— Немного меньше жирку, пожалуй, немного больше мускулов. А вы как находите?

Но она только пожала плечами, в полутьме она старалась разглядеть индианку, которая уже развела огонь и жарила толстые куски лосиного мяса, переложенные тонкими ломтиками копченого свиного сала.

— Долго вы пробыли в Доусоне? — Он строгал обрубок молодой березы, который понемногу превращался в грубое топорище, и говорил, не поднимая головы.

— О, всего несколько дней, — ответила она, следя глазами за индианкой и почти не расслышав вопроса. — Что вы сказали? В Доусоне? Да месяц пробыла и счастлива, что выбралась оттуда. В Арктике мужчины довольно примитивны, знаете ли, и слишком энергично проявляют свои чувства.

— Иначе и быть не может, когда живешь поближе к земле. Условности оставляешь дома вместе с пружинным матрасом. Но вы вовремя надумали уехать. Вы покинете эти края до появления комаров, вы этого не испытали и даже не можете оценить, как вам повезло.

— Да, наверно. Но расскажите же о себе. Как вы живете? Кто тут еще живет поблизости? Или совсем никого нет?

Спрашивая, она наблюдала, как индианка толчет на плоском камне перед очагом завернутые в грубую мешковину кофейные зерна. С упорством и ловкостью, свидетельствующими о нервной системе столь же первобытной, как и этот способ работы, она растирала зерна тяжелым оскол-

ком кварца. Дэвид Пэйн заметил взгляд гостьи, и тень улыбки скользнула по его губам.

— Были и соседи, — ответил он. — Несколько человек из Миссури и двое корнуэльцев, но они нанялись к одному золотоискателю на Эльдorado.

Миссис Сейзер бросила задумчивый и испытующий взгляд на женщину у очага.

— Но индейцев тут, конечно, сколько угодно?

— Все давным-давно уже перебрались в Доусон. Ни одного индейца не осталось во всей округе. Только вот Винапи — она из племени коюкук, они живут примерно за тысячу миль вниз по реке.

Миссис Сейзер внезапно почувствовала головокружение, правда, любезная улыбка не померкла на ее губах, но лицо собеседника вдруг ушло куда-то бесконечно далеко, и бревенчатые стены хижины заплясали вокруг как пьяные. Но тут ее пригласили к столу, и за ужином она понемногу пришла в себя. Она говорила мало — главным образом, о природе и о погоде, он же пустился в пространное описание разницы между мелкими шурфами в низовьях и глубокими зимними разработками в Верховьях.

— Вы не спрашиваете, зачем я приехала на Север? — сказала она. — Конечно, вы и сами это знаете. — Они уже вышли из-за стола, и Дэвид Пэйн снова принялся за свое топорище. — Вы получили мое последнее письмо?

— Последнее? Должно быть, нет. Скорее всего, оно странствует по Березовому ручью или валяется в хижине какого-нибудь торговца на Нижней реке. С почтой у нас из рук вон плохо, ни порядка, ни системы, ни...

— Не будьте же таким деревянным, Дэйв! Помогите мне! — Теперь она говорила резко, властным тоном, как будто прошлое давало ей на это право. — Почему вы ничего не спрашиваете обо мне? О наших общих знакомых? Неужели вас больше не интересует внешний мир? Вам известно, что мой муж умер?

— Неужели? Это очень печально. Когда же?..

— Дэвид! — Она готова была расплакаться с досады, но оттого, что она, наконец, дала себе волю, вложив в этот возглас и обиду и упрек, ей стало немного легче. — Вы вообще получали мои письма? Ведь, наверное, получали, хоть и не ответили ни разу!

— Я не получил последнего, в котором вы, очевидно, сообщили о смерти мужа. Вполне возможно, что и еще какие-нибудь письма затерялись, но некоторые я получил. Я... мм... я читал их вслух в назидание Винапи... Чтобы, знаете, показать ей, до чего испорчены ее белые сестры. И полагаю... мм... что это пошло ей на пользу. Как, по-вашему?

Она не стала отвечать на колкость.

— Вы угадали, — продолжала она, — в последнем письме, которого вы не получили, я писала о смерти полковника Сейзера. Это было год назад. И я писала, что, если вы не приедете ко мне, я приеду сюда, к вам. Я не раз обещала приехать — и вот приехала.

— Какие обещания?

— А в прежних письмах?

— Да, вы обещали, но ведь я не просил обещаний и не отвечал на них — они были односторонними. Так что я не знаю ничего об этих обещаниях. Но мне известно другое обещание, которое, может быть, и вы припоминаете. Это было очень давно. — Он уронил топориче на пол и поднял голову. — Очень, очень давно, но я все прекрасно помню — день, час, каждую мелочь. Мы с вами были в саду, полном цветущих роз, в саду вашей матушки. Все вокруг распускалось, цвело, и у нас в сердце тоже была весна. Я обнял вас — это случилось впервые — и поцеловал в губы. Вы не припоминаете?

— Не надо, Дэйв, не говорите! Я помню все, и мне так стыдно! Сколько я плакала потом! Знали бы вы, как я страдала...

— Тогда вы обещали мне — да, и еще тысячу раз повторили это в те чудесные дни... Каждый ваш взгляд, каждое прикосновение руки, каждое слово, которое слетало с ваших уст, — все было обещанием. А потом — как бы это сказать? — потом появился другой. Он был стар, годился вам в отцы, и притом далеко не красавец, но, как говорится, приличный человек. Он не совершал ничего дурного, не нарушал буквы закона и был вполне респектабелен, а, кстати, у него была и кое-какая собственность: несколько жалких рудников — десятка два, но это, конечно, неважно, и еще он владел кое-какой землей, и занимался деловыми операциями, и стриг купоны. Он...

— Но ведь было и другое, — прервала она. — Я вам говорила. Меня заставили... денежные обстоятельства... нужда... мои родные... неприятности. Вы же знали, как все отвратительно сложилось. Я ничего не могла поделать. Я не хотела этого. Меня принесли в жертву, или я сама себя принесла в жертву — назовите это, как хотите! Но, боже мой, Дэйв, я должна была отказаться от вас! Вы несправедливы ко мне. Подумайте, что мне пришлось пережить.

— Вы не хотели? Вас заставили? Нет на земле такой силы, которая могла бы вас заставить, которая могла бы толкнуть вас в постель того или иного мужчины.

— Но я все время любила вас, — защищалась она.

— Я не умел измерять любовь вашими мерками. Я до сих пор не умею. Они мне не понятны.

— Но ведь это было тогда. А теперь...

— Мы с вами говорим о человеке, которого вы сочли подходящим мужем для себя. Что это был за человек? Чем он очаровал вас? Какие неотразимые достоинства вы в нем нашли? Правда, это был золотой мешок, всемогущий золотой мешок. Он знал цену деньгам. Великий мастер наживать сто на сто. Он не блистал умом, но превосходно разбирался во всяких подлостях, при помощи которых можно перекачивать чужие деньги в свой карман. И закон смотрел на это сквозь пальцы. За такие дела не судят, и наша христианская мораль одобряет их. В глазах общества он не был дурным человеком. Но в ваших глазах, Карен, и в моих — в наших глазах, когда мы встречались в розовом саду, что он был такое?

— Вы забываете, что он умер.

— Это ничего не меняет. Что он был? Огромное, толстое, грубое животное, глухое к песне, слепое к красоте, лишенное души. Он ожирел от лени, обрюзг, и толстый живот выдавал его обжорство.

— Но ведь он умер. А теперь речь идет о нас... о нас! Слышите? Вы правы, я была неверна, я согрешила. Хорошо. А разве вам не в чем покаяться? Пусть я нарушила обещание, а вы? Тогда, в розовом саду, вы говорили, что ваша любовь навсегда. Где же она теперь?

— Она здесь! — горячо воскликнул он и ударил себя в грудь кулаком. — Она всегда была здесь.

— И то была великая любовь, невозможно любить сильнее, — продолжала она. — Так вы говорили в розовом саду, и, однако, ваша любовь не делает вас ни добрым, ни великодушным, не помогает вам простить меня теперь, когда я плачу здесь у ваших ног!

Дэвид Пэйн колебался. Губы его беззвучно шевелились, он не знал, что сказать. Она заставила его обнажить свое сердце и высказать ту правду, которую он скрывал от самого себя. И как она была хороша, озаренная пламенем своего чувства!.. Она воскрешала старые воспоминания, иную жизнь. Он отвернулся, чтобы не видеть ее, но она обошла кругом и снова встала перед ним.

— Посмотри на меня, Дэйв! Посмотри на меня! Я все та же, несмотря ни на что. И ты все тот же, пойми. Мы не изменились.

Ее рука легла ему на плечо, и он уже готов был обнять ее, — но вдруг чиркнула спичка, и этот резкий, неожиданный звук привел его в чувство. Винапи, не обращая на них внимания, зажгла светильник. Ее лицо внезапно выступило из мрака, и золотые отсветы пламени придавали царственный блеск ее бронзовой красоте.

— Вы сами видите, это невозможно, — простонал он, отстраняя от себя светловолосую женщину. — Это невозможно, — повторил он. — Невозможно.

— Я не девочка, Дэйв, и у меня нет детских иллюзий, — сказала она, не решаясь, однако, вновь приблизиться к нему. — Я женщина и все понимаю. Мужчина есть мужчина. Таков здешний обычай. Меня это не удивляет. Я угадала все с первого взгляда. Но ведь это только так, вы же не по-настоящему женаты?

— У нас на Аляске не задаются подобными вопросами, — беспомощно возразил он.

— Я знаю, но...

— Что ж, да — это только юконский брак, не более того.

— И детей нет?

— Нет.

— И не...

— Нет, нет, ничего такого... Но все равно это невозможно.

— Нет, возможно. — Она снова была рядом, ее рука легко, нежно коснулась его загорелой руки. — Я прекрасно знаю здешние обычаи. Мужчины всегда так делают. Им вовсе не по вкусу оставаться тут на всю жизнь, отрезанными от мира, что ж, они через Компанию Тихоокеанского побережья выписывают женщине провизию на год, дают ей немного денег, и она довольна. Пройдет год, а там... — Она пожала плечами. — Так вот и с нею. Мы обеспечим ее через Компанию всем необходимым не на один год, а до конца ее жизни. Чем она была до того, как вы ее подобрали? Дикарка, полуживотное, летом питалась рыбой, зимой — лосиным мясом, в хорошие времена ела до отвала, в плохие — умирала с голоду. Если бы не вы, она такой бы и осталась. Появились вы — и ее жизнь стала лучше. Вы уедете — но она будет жить в достатке, много лучше, чем если бы вовсе не встретила вас.

— Нет, нет, — возразил он. — Это несправедливо.

— Но поймите же, Дэйв, в ее жилах течет другая кровь, она человек другой расы. Она родилась здесь, на этой земле, выросла в нее корнями. Она родилась дикаркой и дикаркой умрет, а мы — вы и я, — мы принадлежим к господствующей расе, мы соль земли и ее хозяйева! Мы созданы друг для друга. Самый властный зов — зов крови, и мы с вами одной крови. Так велят разум и чувство. Ваш собственный инстинкт требует этого. Вы не можете этого отрицать. Вы не можете забыть о своем долге перед вашими предками. Ваш род существует тысячи, сотни тысяч лет, и с вами он не должен прекратиться. Не должен! Вы сын своей расы и должны подчиниться ее зову. Дэйв, уедем отсюда! Мы еще молоды, и жизнь так хороша! Уедем!

Тут он заметил на пороге Винапи, которая шла кормить собак, и несколько раз беспомощно покачал головой. Но рука Карен обвилась вокруг его шеи, и ее щека прижалась к его щеке. И в этот миг он ощутил страшную тяжесть безотрадной жизни — тщетная борьба с грозными си-

лами природы, беспросветные годы, когда подолгу приходилось терпеть холод и голод. Жизнь грубая, примитивная, жестокая, и эта сосущая пустота в душе, которую не могло заполнить полуживотное существование. И вот рядом — соблазн, заставляющий вспомнить о том, что есть иные, яркие и теплые края, музыка, свет и радость, соблазн, вновь воскрешающий прошлое. Дэвид Пэйн бессознательно всматривался в это прошлое. Хоровод лиц проносился перед ним, мелькали забытые картины, нахлынули воспоминания о часах веселья, обрывки песен, взрывы смеха...

— Едем, Дэйв, едем! У меня денег хватит на двоих. Путь открыт. — Она окинула взглядом убогую хижину. — У меня хватит на двоих. Мир — у наших ног, все радости ждут нас. Едем! Едем!

Она уже была в его объятиях, она вся дрожала, и он крепче прижал ее к себе. Потом поднялся... но тут, едва слышное сквозь толстые бревенчатые стены, до слуха донеслось рычание голодных грызущихся собак и резкие крики усмирявшей их Винапи. И другая картина внезапно встала перед ним. Схватка в лесу... огромный страшный гризли с перебитыми лапами... рычание собак и резкие крики Винапи, натравливающей их на медведя... и он сам в гуще схватки, задыхающийся, обессиленный, пытается отстранить от себя багровую смерть... Собаки с перебитым хребтом, со вспоротым брюхом воют в бессильной муке, катаясь по снегу, девственная белизна его багровеет, оскверненная кровью человека и зверя... медведь свиреп и неодолим, вот сейчас перегрызет последнюю нить, связывающую его, Пэйна, с жизнью. И, наконец, Винапи в самой гуще этого чудовищного клубка, с разметавшимися волосами, со сверкающими глазами — воплощенная ярость, — снова и снова вонзает в тело зверя длинный охотничий нож. Пот выступил на лбу Пэйна. Он стряхнул обвинявшие его женские руки, шатаясь, отступил к стене. И Карен, понимая, что настала решительная минута, но не в силах угадать, что в нем происходит, почувствовала: все, чего она достигла, ускользает от нее.

— Дэйв! Дэйв! — воскликнула она. — Я не отдам тебя! Не отдам! Если ты не хочешь уехать, мы останемся. Я останусь с тобой. Ты для меня дороже всего на свете. Я буду тебе настоящей северной женой. Буду стряпать, кормить собак, прокладывать для тебя тропу, ходить с тобой на веслах. Я все могу. Поверь, я сильная.

Он и не сомневался в этом сейчас, глядя на нее и отстраняя ее от себя, но лицо его стало мрачным, неумолимым, глаза — холодными, как лед.

— Я расплачусь с Пьером и его людьми и отпущу их. Я останусь с тобой — все равно, благословит священник наш брак или нет, я пойду с тобой сейчас же, куда хочешь, Дэйв, Дэйв! Послушай меня! Ты говоришь, я согрешила тогда перед тобой — и это правда, дай же мне исправить это,

искупить мою вину. Пусть тогда я не умела мерить любовь правильной мерой, теперь я научилась этому, ты увидишь.

Она опустила на пол и, всхлипывая, обняла его колени.

— И ведь ты любишь меня, любишь. Подумай, сколько лет я ждала и мучилась! Тебе не понять...

Он наклонился и поднял ее.

— Слушайте, — решительно сказал он, открывая дверь, и почти силой вывел Карен из хижины. — Это невозможно. Тут приходится думать не только о нас двоих. Вы должны уехать. Счастливого пути вам. От Шестидесятой Мили дорога будет тяжелее, но у вас превосходные провожатые, они справятся. Давайте попрощаемся.

Она уже овладела собой, и все-таки в ее глазах, обращенных к нему, мелькнул последний, слабый проблеск надежды.

— А если... если Винапи... — Голос ее задрожал, она не договорила.

Но он понял, что она хотела сказать.

— Да, — ответил он. И тотчас, пораженный чудовищностью этой мысли, продолжал: — Об этом нечего и думать. Совершенно невероятно. На это незачем надеяться.

— Поцелуйте меня. — шепнула она, вспыхнув. Потом повернулась и пошла прочь.

— Снимайтесь с лагеря, Пьер, — сказала она проводнику, который один бодрствовал, дожидаясь ее возвращения. — Нам надо ехать.

При свете костра его зоркие глаза подметили боль в ее лице, но он выслушал странное приказание, как будто в этом не было ничего необычного.

— Хорошо, мадам, — спокойно сказал Пьер. — Куда? К Доусону?

— Нет, — ответила она почти непринужденно. — Вверх по реке. На юг. В Дайю.

И он напустился на своих людей, которые спали, завернувшись в одеяла, пинками и бранью поднял их на ноги и заставил приняться за работу, его пронзительные, требовательные окрики разносились по всему лагерю. В два счета легкая палатка миссис Сейзер была свернута, котелки и сковородки собраны, одеяла сложены, и люди, шатаясь под тяжестью ноши, двинулись к лодке. Миссис Сейзер, стоя на берегу, ждала, пока погрузят багаж и приготовят ей местечко поудобнее.

— Мы обогнем остров, — объяснил ей Пьер, разматывая длинный буксирный канат. — Потом двинемся по тому протоку, там течение потише. Я думаю, все будет прекрасно.

Его чуткое ухо уловило шорох сухой прошлогодней травы под чьими-то быстрыми шагами, и он оглянулся. К ним шла индианка, окруженная ощерившимися псами. Миссис Сейзер сразу заметила, что лицо ее, оста-

вавшееся бесстрастным все время, пока они были в хижине, теперь ожгло и пылало гневом.

— Что вы сделали моему мужу? — коротко спросила Винапи. — Он лежит на койке, у него лицо совсем плохое. Я говорю: «Что с тобой, Дэйв? Ты больной?» Но он не говорит ничего. Потом говорит: «Ты хорошая, Винапи, ты иди. Я скоро буду здоров» Что вы сделали с моим мужем? Я думаю, вы плохая женщина.

Миссис Сейзер с любопытством смотрела на дикарку, которая остается с ним, тогда как она — она должна уйти одна с ночную тьму.

— Я думаю, вы плохая женщина, — повторила Винапи. Медленно, старательно она подбирала одно к одному чуждые слова чужого ей языка. — Я думаю, лучше вам уйти. Не приходите больше. Вы как думаете? У меня один муж. Я индианка. Вы американка. Вы красивая. Вы найдете себе много мужчин. У вас глаза голубые, как небо, кожа такая белая, мягкая.

Она подняла руку и бронзовым пальцем потрогала нежную щеку американки. Честь и слава Карен Сейзер — она даже не вздрогнула. Пьер нерешительно шагнул было к ним, но она сделала ему знак не подходить, хотя ее сердце втайне преисполнилось благодарности к нему.

— Ничего, Пьер, — сказала она. — Идите, пожалуйста.

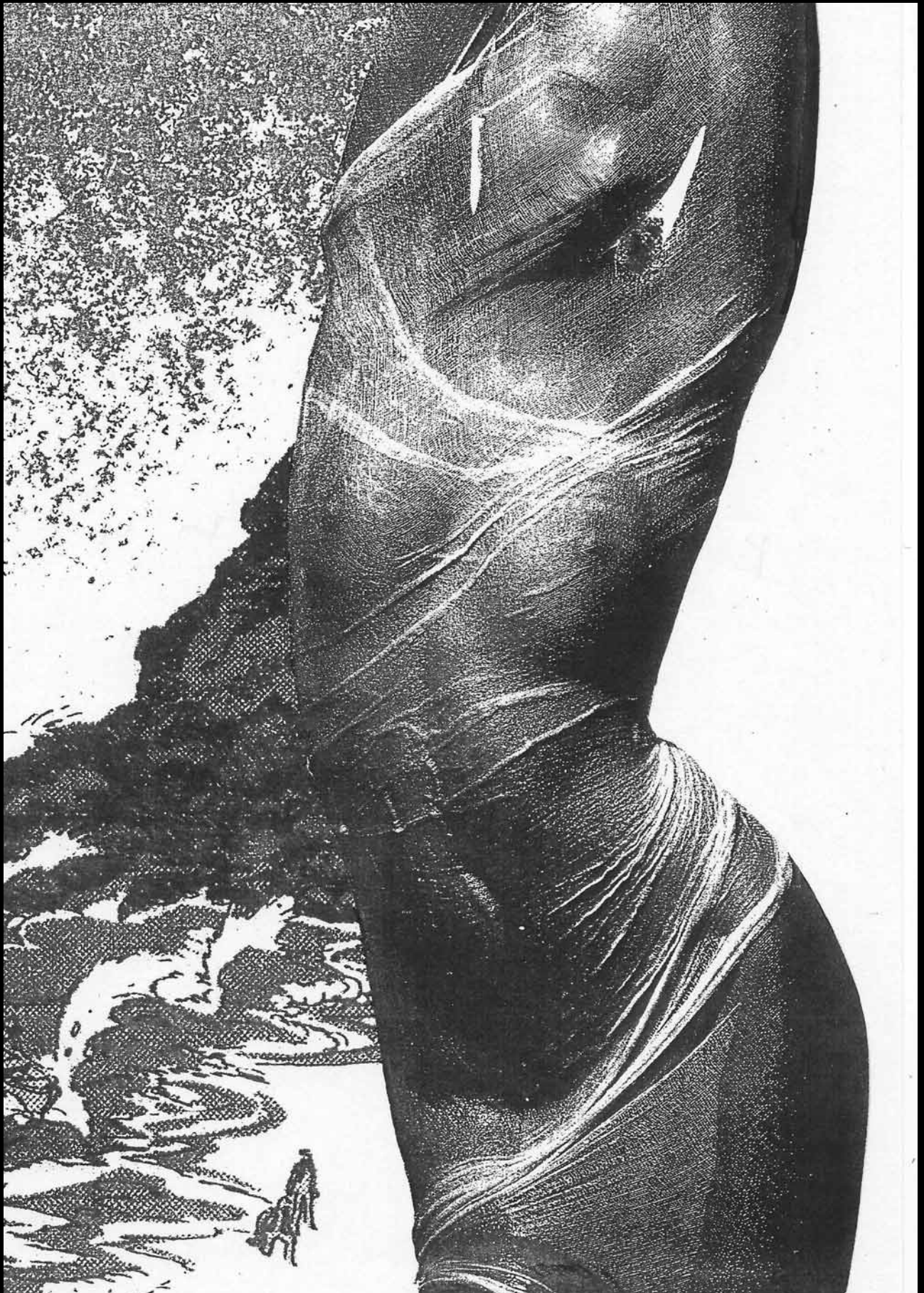
Он почтительно отступил, чтобы не слышать их разговора, и остановился, ворча что-то про себя и прикидывая, сколько прыжков отделяют их от него.

— Белая, мягкая, как маленький ребенок. — Винапи потрогала другую щеку миссис Сейзер и опустила руку. — Скоро придут комары. Кожа пойдет пятнами, будет больно, вскочат пузыри — у-у, какие! Будут болеть — у-у, как! Много комаров, много пузырей. Я думаю, лучше вам уходить теперь, пока комаров нет. Вот эта дорога, — она показала вниз по течению, — в Сент-Майкл. Та дорога, — она показала вверх по течению, — в Дайю. Вам лучше в Дайю. Прощайте.

То, что сделала затем миссис Сейзер, безмерно удивило Пьера. Она вдруг обняла индианку, поцеловала ее и расплакалась.

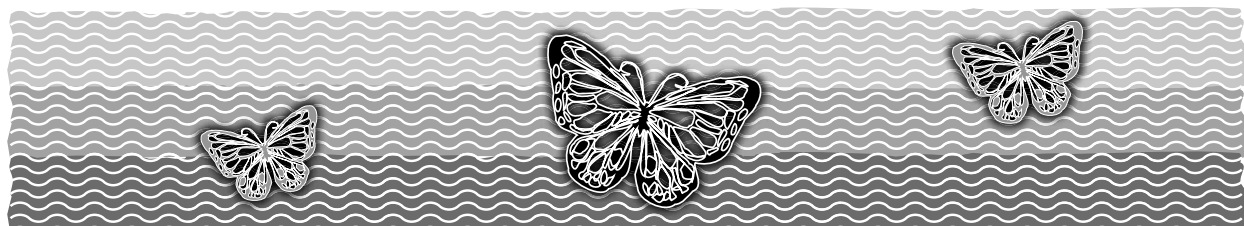
— Береги его! — воскликнула она. — Береги!

Потом сбежала вниз, к реке, крикнула, обернувшись: «Прощай!» — и прыгнула в лодку. Пьер последовал за ней и оттолкнулся от берега. Он взялся за рулевое весло и подал знак. Легуар затянул старую французскую песню, в смутном свете звезд канадцы, точно череда призраков, низко сгибаясь, двинулись по берегу, натянулся канат, весло врезалось в черную воду — и лодка исчезла в ночи. □

Анна и Сергей Литвиновы

БАБОЧКИ

На воде

Глава шестая

Изабель, много лет назад

Пока текли оставшиеся до вылета недели, Ира и Изабель успели придумать себе множество страхов. Что спортсменки из основного состава устроят им, чужачкам, темную, тренер заставит часами сидеть в сауне без глоточка воды (чтоб избавиться от лишнего веса) и станет бить палкой, или придется — в качестве платы за шикарный отель! — ублажать спонсоров.

Однако реальность в Японии оказалась совсем иной. Ими просто никто не интересовался.

В первый день вообще получилось ужасно. Тренировку назначили на восемь утра, выезжать надо было за час, и ровно в семь (а по московскому времени — в два ночи) девочки уже зевали в холле. Несмотря на раннее время, народу здесь было полно. Кто-то выписывался, кто-то заезжал. Крошечного роста портье волокли огромные чемоданы, постояльцы

Окончание. Начало в №3, 2016.

отеля торопились на завтрак — причем японцы выбирали зал с европейской кухней, а европейцы предпочитали сашими и суши.

Но ни единого человека из их команды в холл не спустилось.

— Все спят, что ли, до сих пор? — удивлялась Ирка. — Уже семь пятнадцать. Вдруг мы время перепутали? Давай, сбегаете на этаж, разбудим их.

— Ты что, дикая совсем? — фыркнула Изабель. — Бегать еще, ноги оттаптывать, когда можно просто спросить на рецепшен.

— Да ну! Они не поймут! — испугалась подруга.

Однако Изабель решительно подошла к стойке администратора и тут же отступила с потрясенным видом:

— Они уже полчаса, как уехали.

— И что нам теперь делать?! — выдохнула Ирка.

— Как что?! Конечно, идти город смотреть!

— Но почему они нас бросили? Сказали ведь: отъезд в семь, я точно помню!

— Слушай, ты еще не поняла, что ли? Никто не собирается давать нам выступить на этом кубке! Даже если кто-то заболит, в команде первые запасные есть, свои. А что нас взяли — это случайность. И неслыханное везение. Так и давай пользоваться! Пошли: в императорский дворец, на телебашню, на кораблике по реке Сумиде кататься!

— Ты с ума сошла?! Какая Сумида?! В Тайикукан надо ехать, за ними!

Над забавным словечком «Тайикукан» (он же знаменитый токийский дворец спорта) девочки уже вчера похихикали. И даже на карте города его нашли — квартал Сэндагая, почти на другом конце Токио.

— Но зачем мы поедем, если мы им не нужны?! — возмутилась Изабель. — Если они нас не взяли?! Явно — специально?

— Нет, это мы с тобой, наверно, что-то напутали, — упрямо произнесла Ирка. — Развлекайся, если тебе совесть позволяет, а я сюда тренироваться приехала.

Изабель тяжело вздохнула — Ирку не переспоришь, придется тащиться. Подруга даже позавтракать не дала — сразу потянула к метро. Ох, и поблуждали! 285 станций, схема запутана, будто пиратская карта, ветки всех цветов, пересадки на электрички, монорельс, скоростной поезд «синкансэн».

В итоге во дворец спорта попали лишь к часу дня. У сборной команды как раз обед: еду принесли прямо к бассейну, в пластиковых лотках. Девчонки выглядели уставшими, губы синие, одеты, прямо поверх мокрых купальников, в тонюсенькие халатики.

— Вы почему опоздали? — неласково встретила подружек тренерша.

— Ну, вы ведь сами сказали, — растерялась Ирина, — в семь выезжаем на тренировку, а мы уже без пяти в холле были!

— Значит, еще раньше надо было приходиться, — буркнула та и с неохотой добавила: — Ладно, раз приехали — переодевайтесь, и в воду. В последний ряд. Все повторять за девочками и не мешаться.

Вода оказалась ледяной. Даже Изабель начала стучать зубами уже через час, а на Иришку совсем уж жалко было смотреть. Но закончилась тренировка лишь в семь вечера.

— Безобразно, — подвела итог дня тренерша. — Завтра выезжаем в шесть. А ночью будет растяжка.

Это уж вообще край. Изабель и днем все эти шпагаты ненавидела. Однако накануне важных соревнований девчонок могли разбудить хоть в три ночи и отправить в спортзал. Считалось, для того, чтоб мышцы не расслаблялись.

«Да зачем он мне вообще, этот спорт?!» — в который раз подумала Изабель.

И вечером, когда Ира бессильно рухнула в постель, она решительно заявила:

— Ты как хочешь, а я пойду по Токио гулять.

— Обалдела? — хлюпнула носом Ирка — естественно, у нее уже начался насморк.

— Это ты обалдела: приехать в Японию, и в гостинице киснуть, — отрезала Изабель. — Тем более, мы весь день не ели. А тут, совсем рядом, цукидзи — рыбный рынок, и там целая куча рыбных ресторанчиков.

— Ну да, — мрачно заметила Ирина, — сейчас налопаемся, а часа в три на растяжку разбудят, заставят взвеситься — и сразу два кило лишних.

— Подумаешь! — отмахнулась Изабель.

Вымыв голову и переодевшись, она вышла из гостиницы. Деньги у нее были, и она могла поймать такси, но решила пройтись пешком. Однако чем дальше шла, тем более пустынными становились улицы. А когда достигла цели — совсем опешила. Путеводитель гласил, что рыбный рынок — чуть ли ни главная достопримечательность Токио, но на деле он представлял собой настоящий базар-вокзал. Разгружались грузовики, сновали электрокары, япончики в рабочих комбинезонах катили тележки... И где тут, интересно, знаменитые рыбные рестораны? И вдруг — крошечный даже не ресторан, кафе. В подвальчике. С обнадеживающим названием Sushidei.

Неулыбчивый метрдотель встретил ее на входе, тут же бросился навстречу, поклонился чуть не в пояс, забормотал:

— Sorry! Reserved! Reserved!

— No way, — решительно проговорила она. — I am hungry, and I stay here¹.

¹ Не дождетесь. Я хочу есть, и останусь тут. (англ.)

А тот все повторял:

— No! Reserved! Reserved! — и к двери ее подталкивал.

— Сделай себе сэппуку, урод! — окончательно разозлилась Изабель.

— Да ладно. Уж пощади дурака! — сказал кто-то за ее спиной по-русски.

Она резко обернулась — и замерла на месте. По-русски к ней обращался японец — молодой и красивый как бог.

— Прекрасная дама не откажется поужинать со мной? — улыбнулся парень.

Она смотрела на него во все глаза. Лет восемнадцати. Костюм — дорогой, часы — швейцарские, на пальце — золотой перстень. Почему он говорит по-русски?

— А вы кто? — вырвалось у нее. — Якудза?

— Да что вы, милая! Я — мирный студент, — расхохотался он.

— А откуда русский знаете?

— В университете изучаю. Отец настоял, у его корпорации есть интересы на Дальнем Востоке.

— Ладно трепаться, в университете так не научат, — покачала головой Изабель.

— И мама у меня из России, поэтому я русских девушек просто обожаю.

— Ну, я не совсем русская, — кокетливо улыбнулась она. — Разве не видно?

— Главное, что у тебя глаза, как я люблю. Огромные и голубые. Давай знакомиться? Меня Такиши зовут.

— А меня Изабель.

Едва усевшись за столик, она тут же набросилась на нереально вкусные роллы и суши. Японец тактично выждал, пока она утолит первый голод, а потом предложил рюмочку сакэ. Изабель старалась пить по глоточку, но все равно потихоньку опьянела. В одиннадцать вечера они вдвоем покинули ресторан.

— П-поедем ко мне? — обнял ее Такиши.

— Нет, — мотнула головой Изабель. — Не могу. У меня ночью растяжка, а в шесть утра тренировка. Отвези меня, пожалуйста, в отель.

— Но мы еще встретимся? Завтра, в этом же месте? Устроим вечеринку. Я приведу друга. А у тебя есть подружка?

— Да.

— Вот и приходите вдвоем! Я устрою вам замечательный сюрприз!

— Хорошо, Такиши. Мы обязательно придем! — пообещала Изабель.

Наши дни

В день сделки Надя проснулась в шесть утра без всяких будильников. Она злилась на Полуянова и одновременно завидовала ему. Вот ведь крепкие у человека нервы! Сегодня такой важный день, вся их жизнь, можно сказать, меняется — а он беспечно посапывает, да еще и улыбается во сне! Будто ни капельки не беспокоит его, как все пройдет. И какой она будет, их новая совместная жизнь в новой квартире...

Но сегодня — на важнейшее мероприятие, сделку! — Изабель Истомина к девяти утра, как было назначено, не пришла. Хотя все прочие участники даже раньше явились.

Впрочем, риэлтор Аскольд взмахом руки прервал ворчание прочих продавцов-покупателей:

— Да вы что, господа?! Когда только один из цепочки задерживается — это великолепный, просто блистательный результат! Тем более, не на ветру встречаемся, не под дождем проливным. Целый бизнес-центр к вашим услугам! Располагайтесь, чаек, кофеек, кто что желает!

— А вай-фай тут есть? — поинтересовался Полуянов.

— Обижаешь, командир! — хмыкнул Аскольд. — Тут все, что хочешь. И вай-фай, и принтер, и даже кресла массажные. Модернизация, блин, все для блага покупателя! Не то, что раньше — когда сделки в подворотнях около Банного переулка проворачивали, и деньги в авоськах носили.

Всем своим видом показывая, что ему нет дела ни до каких квартир, Дима устроился на мягком диванчике и отгородился газеткой. Серьезная молодая пара (покупатели Надиной квартиры) устроили настоящий экзамен: «Где находится ЖЭК? Где ЕИРЦ? Где районная поликлиника и ближайший к дому детский садик?» А пожилая, явно приезжая дама (та, что приобретала Димкину квартиру) не уставала ворчать:

— Уже целых восемь минут десятого, а сделка так и не начинается, это сколько мы здесь будем сидеть?

— Привыкайте, милочка! Тут Москва! Пробки! — попытался утешить ее Аскольд.

— А меня ваши пробки не волнуют, — фыркнула дама. — Лично я приехала на метро. Деньги в ячейку внесла, продавец моей квартиры — тоже присутствует, так что давайте начинать пересчитывать и договор подписывать.

— Да, да, давайте! Мы тоже очень спешим! — поддержали ее молодые супруги.

— Друзья! — тепло улыбнулся Аскольд. — Простите, но это никак невозможно. У нас с вами не простая продажа, а альтернативная сделка.

Надя с Димой ваши деньги должны сразу передать хозяйке квартиры, которую они покупают. Поэтому нужно обязательно дождаться ее.

— Ну, и вынимайте ту хозяйку хоть из-под земли! — раздраженно бросила приезжая дама. — Почему мы все страдать должны?

Полуянов вдруг оторвался от своей газетки и услужливо предложил:

— Давайте, я ей позвоню! — Он шустро отщелкал кнопки, нажал на вызов и через пару секунд растерянно доложил: — Вне зоны действия. Может, она в метро?

— Да ладно. Наша звезда туда не спускается, — буркнула Надя.

Приезжая дама выразительно взглянула на часы и заявила:

— Лично я здесь целый день торчать не буду! Что за невоспитанность, в конце концов!

— М-да, больше, чем на час ваша Истомина опаздывает, — озабоченно покосился на часы Аскольд.

— Вот что за мымра эта Изабель! — не удержалась Митрофанова.

А Полуянов вдруг решительно проговорил:

— Вот что, дорогие мои. Давайте начинать сделку. С твоей, Надюха, квартиры. Продаем сначала ее. Я ведь здесь не нужен, правильно? Считайте, не спеша, деньги, подписывайте договор. А я пока мухой метнусь к Истоминой, за час в оба конца обернусь.

— Но как же так? — растерянно пискнула Надя. — А если Изабель дома нет, или она вообще скажет, что передумала, а я свою квартиру уже продам?!

— Значит, проживем какое-то время в моей, — отрезал Полуянов. — Без паники, Надюшка. Безвыходных ситуаций не бывает.

И все же в банковское хранилище, где находились сейфы, Надя шла, будто в камеру пыток. «Вот сейчас продам свою единственную собственность, — растревляла она сама себя, — а Изабель Димке окончательно голову задурит. И останусь я и без мужа, и без квартиры...»

Время тянула, как могла. Раз по пять пересчитала каждую денежную пачку, машинку для пересчета денег умудрилась сломать — пришлось второй раз перебирать купюры вручную. Целый час возилась, не меньше. А как только выбралась из подвала — тут же бросилась Димке звонить. Абонент недоступен. Что происходит?! Уже половина первого! Куда они делись оба — Полуянов и Изабель?!

И лишь когда нотариус, закончив оформление бумаг, заученно улыбнулся молодой паре: «Поздравляю вас с покупкой квартиры!», в кабинет вломился Полуянов.

— Что, Дима? Что?! — бросилась к нему Надя.

— Да все в порядке, — слабо улыбнулся ей Полуянов. Однако глаза встревоженные, и даже веко дергается.

И в этот момент из коридора отчетливо донеслось — бодрим девичьим сопрано:

— Лейся, песня!.. Господи, хорошо-то как!

— Что там происходит? — сразу насторожился нотариус.

Но тут в кабинет ворвался Аскольд. Виновато улыбнулся молодой паре, на Надю с Димой взглянул без улыбки и строго велел:

— В коридоре, пожалуйста, подождите! Все! — И буквально выпихнул их прочь.

— Дима, расска... — потянула Полуянова за рукав Надя и запнулась на полуслове — потому что ей навстречу шагнула Изабель.

Но в каком виде! В грязной футболке, в рваных джинсах, в тапочках!

— Ой! — инстинктивно отступила Надя.

А мулатка шагнула ей навстречу и расплылась в широченной улыбке:

— Наденька! Милая ты моя! Как я тебя люблю! И как я тебе завидую, Надька! В хорошей квартире будешь жить, да еще и с мужиком каким!.. Возьмите меня к вам! Третьей! Я не помешаю, от меня только польза будет! Я, вообще-то, хорошая!

— Дима! — отчаянно пискнула Митрофанова. — Отцепи ее от меня!

Спас положение Аскольд.

Выскочил из кабинета нотариуса, немедленно оценил ситуацию и начал отдавать приказания:

— Давай, давай, Полуянов. Отцепляй дамочку, и идите вдвоем в хранилище. Как хочешь, идите, хоть на руках ее неси. Деньги ей считать не давай, пусть только подпись поставит.

— О-о, Димочка, милый мой! Мой спаситель! — томно протянула кубинка.

— Не обращай внимания! — одними губами прошептал Полуянов Наде и поволок мулатку в хранилище — практически на себе.

А приезжая дама только головой покачала:

— Ну, тут у вас, в Москве, и нравы!

Шестью часами ранее

Кому нужны консьержи? Только жизнь осложняют. Но реальных препятствий все равно не создают. Даже самому бдительному можно задурить мозг, если прилично выглядишь, мило улыбаешься и по-русски говоришь без акцента. Наличие груза, конечно, создает определенные сложности, но и они решаемы. Разделяешь на фрагменты, пакуешь в дорожную сумку — и вот ты уже неотличим от тысяч таких же бедолаг, кто носится по Москве, выполняет чужие заказы.

— Курьер? — хмурится бдительный страж. — В какую квартиру?

Отвечать уверенно, без запинки:

— В сто восьмую. К Истоминой. Очередной тренажер несу. Она в нашей фирме уже третий покупает!

Собственно, и все. Ты — свой.

Консьерж понимающе скалит зубы в ответ:

— Да, Изабелочка у нас за собой следит. Седьмой этаж, знаете?

— Конечно. — И обязательно не забыть скривиться: — Тяжелый, зараза! Еще сколько возиться, пока соберешь...

Это чтоб горе-охранник усвоил: в дом пожаловал не просто курьер, а курьер с функциями сборщика. И через пару минут он обратно точно не выйдет.

...Академический дом спланирован творчески: бесконечные коридоры, холлы, какие-то переулочки, на черную лестницу можно выйти только через балкон, и почти никто ею не пользуется. Там можно и устроиться — подальше от лифта, лестничной клетки, мусоропровода. Раскрыть сумку. Аккуратно собрать свой шедевр.

Сам манекен — ноги, руки, корпус, голова — куплен за копейки на ликвидации прогоревшего одежного магазинчика. С париком возни оказалось больше — пришлось делать на заказ, а потом еще доводить до совершенства в мастерской. Одежду тоже пришлось не просто шить, а копировать. Обувь подбирать — чтобы была похожа на любимую Изабелкину. Но самое настоящее произведение искусства — это, конечно, лицо. Как интересно оказалось превращать стандартную модельную «болванку» в реального человека. Менять цвет лица, форму губ, разлет бровей... Чрезвычайно вдохновляющая, творческая работа! Сколько времени, сил, энергии ушло!

Очень жаль бросать на произвол судьбы свой шедевр, произведение искусства. Однако придется поспешить. Самое позднее, через десять минут красавица выпорхнет из квартиры, обернется к лифту, и...

Отказать себе в удовольствии было нельзя никак. Затаиться за мусоропроводом. Подождать, насладиться истеричным криком. Слезами. Воплями.

Но насладиться не получилось. Когда мулатка подбежала к своей мертвой копии, она сначала пару раз пнула манекен ногами, а потом схватила его и швырнула со всего маху на кафельный пол.

Глаза у Изабель совершенно безумные. А окно в подъезде — столь искушающе раскрыто... Седьмой этаж, потолки в доме высокие, давай, Изабель, милая, у тебя все получится, прыгай, это совсем не страшно!

Но опять, увы, нет. Слишком любит она себя, слишком дорожит своим совершенным телом и ухоженным личиком. Откричалась, отрыдалась, бросилась домой, шарахнула дверью квартиры.

Звонит, зовет на помощь? Или, наконец, решится вызвать полицию?

В любом случае, следов оставлять нельзя. Он схватил манекен, оглянулся — никого, и обратно, через балкон, на черную лестницу. Руки дрожали, но работу делали. Отсоединить ноги-руки, лицо, корпус... Наскоро упаковать. Была мертвая копия Изабелы — да сплыла.

Консьерж даже внимания не обратил, что курьер возвращается с полной сумкой. Улыбнулся, будто доброму знакомому:

— Быстро вы справились!

— Привычка! Я ведь с этими тренажерами всю жизнь вожусь!

И — только не ускорять шаг! — прочь из подъезда. Последний, прощальный взгляд на окно Истоминой.

Может, все-таки открыто? Может, она все-таки прыгнет? Выпрыгни, милая! Нет, не решится.

Ничего-ничего. Дни мулатки все равно сочтены.

Наде Митрофановой ужасно хотелось бросить пьяную Изабель на произвол судьбы. Пусть та в одиночестве рыдает, клянет весь мир или похмеляется — что ей больше по душе. Главное, что договор купли-продажи благополучно подписан.

Но Полуянов решительно произнес:

— Мы должны отвезти ее домой.

Надя промолчала, ограничилась уничижительным взглядом.

И в такси она ехала молча. Только когда поднялись в квартиру, и Изабель тут же бросилась в ванную комнату, Надя возмущенно повернулась к Полуянову:

— Ты мне так и не рассказал, что случилось? Почему она вдруг так надралась? Из своей квартиры не хочет уезжать?

— Я, честно говоря, сам не понял, — развел он руками. — Когда приехал, дверь была не заперта, Изабель сидела в гостиной уже в состоянии риз. Почти полную бутылку коньяка уговорила! С утра-то! Требовать объяснений, сама понимаешь, бесполезно. Но она что-то бормотала про труп.

— Труп?!

— Ее труп, — уточнил Полуянов. — На лестничной площадке, у лифта.

— Это как?

— Не знаю, — вздохнул Дима. — Когда я на этаж поднялся, никаких трупов там, естественно, не было. Как и следов крови или еще чего-нибудь в этом роде.

— Слушай, у нее все-таки с головой неполадки.

— Знаешь, Надь, я бы с тобой согласился, — задумчиво произнес Полуянов, — но только разбитый аквариум и мертвых рыбок я своими глазами

видел. И ту фотографию, с мертвой тренершей. Так что сегодня тоже за- просто могло быть нечто подобное...

— Но кому это надо?

— Тому, кто хочет свести Изабель с ума.

— А зачем?

— Если бы я понимал!

— Ох, Дима, ты, конечно, можешь меня эгоисткой назвать... но я боюсь одного: чтобы у нее в ближайшее время «крыша» совсем не съехала. Тогда нашу сделку опротестуют. Слушай, а может, все напасти, и правда, связаны с продажей квартиры?! Некто хочет, чтобы хозяйку признали недееспособной, и тогда...

— Ну, и чего, собственно, тогда? Продажу запретят, назначат опекуна. Это — ее отец, который за границей давно живет. А кому выгода?

— Ну... а вдруг Изабель, на самом деле, замужем? Тогда имуществом будет муж распоряжаться. Какой-нибудь юркий провинциал...

— Уже обдумал и даже проверял. Нет. Изабель — свободная девушка.

— Дим, давай просто бросим все, — жалобно произнесла Надя. — Уедем отсюда, прямо сейчас. А она пусть сама со своими трупами, с мертвыми рыбками и со всем прочим разбирается.

И тут в гостиную вошла Изабель. Плюхнулась на диван, несчастными глазами взглянула на Полуянова и, закрыв лицо руками, зарыдала.

— Изабель, все, все... — бросился к ней Полуянов. — Пожалуйста, не плачь. Все закончилось. Все хорошо.

— Он... оно... оно такое ужасное было... И смотрело — прямо на меня...

— А что — «оно»? Ты можешь объяснить толком?

— Ну... я даже не знаю, как описать. Типа манекена. Но лицо у него — мое, только мертвое. Такие глаза ужасные, навывкате, рот открыт, струйка крови на подбородке.

— Как у манекена может быть открыт рот? — заметила Надя.

— Не знаю! Но это точно была я! И одежда — моя. Джинсы со стразами, они в Москве одни такие, я их из Рима привезла. Туфельки «Прада»!

— Минуточку, — нахмурился Полуянов. — А одежда — она пропала?

— Откуда пропала? — непонимающе посмотрела на него Изабель.

— Из шкафа твоего, — не без ехидства подсказала Надя.

— Я... а я не знаю... я не смотрела. Сейчас, конечно, я проверю... я просто не догадалась!

— Просто кладезь сообразительности, — прокомментировала Митрофанова, когда Изабель вышла.

— Ты бы видела, в каком она состоянии была, — защитил девушку Полуянов. — Я вообще боялся, что ее удар хватит.

Изабель вернулась быстро — через плечо перекинuty джинсики (со стразовым рисунком на правой штанине, удивительная пошлятина!), в руках розовая обувная коробка с золотым прадовским логотипом.

— Вот, все на месте! — растеряно пробормотала она.

— А одежда на манекене точно эта была?

— Да, да! Я и стразики на штанине помню, и туфли мои любимые!

— То есть труп раздели — и одежду вернули обратно.

— Но сюда никто не заходил, — тревожно произнесла Изабель. — Не мог зайти! Я никому ключи не даю!

Надя даже напоминать не стала, что у домработницы Тамары Кирилловны они есть. И вообще ей все меньше и меньше верилось в историю с манекеном. Как такое может быть? Подбросили, потом забрали, еще и одежду вернули в шкаф.

— Изабель, а вы на сегодня курьера вызывали? — неожиданно спросил Дима.

— Кого? — опешила девушка.

— Курьера. Из фирмы по поставке спортивных тренажеров.

— Н-нет, — решительно помотала она головой. — Как я могла, если они вовремя никогда не являются, а мне в восемь утра уже из дома нужно было выйти?

Полуянов обернулся к Наде и объяснил:

— Я, когда приехал, успокоил ее немного и в душ отправил, чтобы про-трезвить. А пока она мылась, сбегал вниз, поговорил с консьержем. Тот и сказал, что в семь тридцать пришел молодой парень с большой спортивной сумкой. Вроде как к Истоминой. И что выйдет не сразу — потому что он не только тренажер доставил, но еще и собрать его должен.

— Парень? А как он выглядел, этот парень?

— Консьерж про него сказал: типичный курьер. Среднего роста, волосы русые, коротко подстриженные, ногти грязные.

— Я... я вообще даже не представляю... — задумалась мулатка и вдруг чуть ли не радостно выкрикнула: — Ну, все ясно! Она этого парня и наняла!

— Кто — «она»? — насторожился Полуянов.

— Ну, я ведь говорила вам! Юлька, Базанова! Она меня ненавидит!

— Изабель, я полагаю, ты неправa, — мягко возразил Дима. — Я общался с Юлией Аркадьевной. Это абсолютно трезвая, расчетливая, твердо стоящая на земле женщина. Она может мстить, но никогда не будет фотографировать трупы, убивать рыбок и подбрасывать под дверь манекены. Давай думать в другую сторону. Вспоминай в своем окружении

человека с неустойчивой психикой. Непризнанного гения. Истериичную подружку... Тебе мстит личность необычная, яркая. Мимо такой — или такого — не пройдешь, обязательно заметишь. Вспоминай, вспоминай — кому ты насолила?..

— Я... я не знаю! Я, правда, не знаю! И врагов у меня нет, мы только с Юлькой ругаемся, по поводу салона! Но раз вы говорите, что это не она...

— А господин Золотой? — вкрадчиво спросил Полуянов.

— Да что вы все о нем! Шапочный знакомый. Он вроде Пети Листермана. С ним просто положено дружить, понимаете?!

— У вас с ним были разногласия? Споры? Конфликты? Может, он пытался ухаживать, а ты ему отказала?

— Ну... — Изабель задумалась. — Споров у нас не было. А ухаживать — да, ухаживал. Так это обычное дело. Я привыкла. Фотографы, они вообще народ приставучий.

— И что?

— Да все, как обычно! В ресторан с ним сходила, полапать дала. Чуть-чуть. Фотки согласилась сделать эти его странные, будто я мертвая... — Но я не обижала его ничем!

Митрофанова еле заметно дернула плечом. Лично она считала, что Золотой, при всех своих причудах, дядечка вполне адекватный. И если бы взялся мстить Изабель — действовал бы последовательно и разумно. А строить из мертвых рыбок фигуры синхронного плавания? Подбрасывать под дверь манекены?! Он явно не дурак, и, судя по фигуре, далеко не спортсмен.

Спортсмен, спортсмен...

— Изабель, а это может быть кто-то из твоей бывшей команды?

— Что? — растерялась мулатка.

— Ну, ты же спортом занималась! Выступала — не знаю, в двойке, в четверке! Как у подруг судьба сложилась?

— Да по-разному. Кто в тренеры ушел, кто в бизнес, кто замуж. Мы встречаемся иногда. Все, по-моему, нормальные. Психов нет.

— А есть кто-то, у кого жизнь после спорта совсем не удалась?

— Ну, Люська няней работает, — начала перечислять Изабель, — жалуется все время. Наташка Гусева квартиру продала и в Крым уехала, художницей стала. Море, типа, она рисует. Ирка еще Стеклова. Вот она — не знаю, чем сейчас занимается. Но деньги у нее водятся. Квартиру, говорят, купила, дачу строит. И выглядит Ирка такой в себе уверенной, хотя данные у нее, прямо скажем, средненькие. Но только она все равно, по-моему, страдает, что в ее честь никогда российский гимн не звучал. И до сих пор злится, что ей пришлось из плавания уйти. Из-за меня.

- Из-за тебя? — насторожился Полуянов.
- Ну, да. Страшно давно было.
- Не важно, рассказывай! — велел Дима.

Изабель, много лет назад

Уж каким пришлось соловьем разливаться, чтобы тоже затащить Ирку на вечеринку!

— Спросят тебя про Японию, о чем рассказывать будешь? — возмущалась Изабель. — Про холодный бассейн и как в номере гостиничном телевизор смотрела?

А подруга все ворчала и охала:

— Изабель, но этот твой Такиши — очень подозрительный тип! Ты говоришь, он совсем молодой парень. Но в дорогом костюме. Да еще и по-русски прекрасно шпарит! Он мафиози, наверное! На Дальний Восток наркотики возит!

— О чем ты, какие наркотики?! Я ведь тебе объясняла: у него мама русская. И в университете он язык учит. А что одет хорошо... Такиши напрямую не говорил, но я так поняла, что у него папа очень богатый. Владелец корпорации. Представляешь, как круто!

— Быть такого не может. Я смотрела фильм про Японию: сыновья директоров корпорации никогда не выделяются! Ходят в стареньких джинсах, и денег карманных у них даже меньше, чем у обычных студентов.

— Ну, значит, ему русская мама дорогую одежду покупает! Все, Ирка, надоела ты мне, ни слова больше не скажу. Пойду одна. А ты потом будешь очень жалеть.

И подруга, конечно, сдалась, правда, всю дорогу до ресторана скулила, грозилась вернуться обратно в отель. Изабель не слушала. Она улыбалась — японской ночи, тихому шелесту реки Сумиды, предстоящей встрече с красавцем Такиши.

— Куда ты меня привела? Трущобы какие-то. Это называется ресторан?! Настоящая забегаловка, как на Казанском вокзале! — продолжала ворчать Ирка.

...Такиши бросился к ним, едва звякнул в честь прихода новых посетителей колокольчик над входной дверью, и опустился перед Изабель на одно колено:

— Ты пришла, о, прекрасная дама!

Затем приветливо пожал руку Ирине и познакомил ее со своим другом. Изабель с усмешкой подумала, что они с Такиши похожи — оба выбрали себе в наперсники «серых мышек».

Она больше не обращала внимания на Иришку. Между делом уминала японскую еду, без умолку болтала с Такиши, пила сакэ. Подруга, к счастью, прекратила свое занудство — наворачивала со страшной скоростью суши и роллы, повар не успевал подавать.

В одиннадцать вечера ресторанный персонал засуетился.

— Закрываются, — объяснил Такиши. — Ну, что? На дискотеку рванем?

— Изабель, мы идем в гостиницу! — отчаянно выкрикнула Ира.

— Ир, да ладно тебе! — После сакэ Изабель было море по колено. — Прикольнo! На дискотеке всякие готы, эмо. Хоть посмотрим, как в Японии тусят!

— Глупая ты. И безответственная, — вздохнула абсолютно трезвая подруга и, поджав губы, поднялась: — Я никуда не пойду.

— Ладно! — фыркнул Такиши. — В отель — так в отель. Но не пешком же!

Он расплатился по счету и, выйдя из ресторана, подвел компанию к белоснежному лимузину. Рисуюсь, щелкнул брелком сигнализации и сказал:

— Загружайтесь! У папы взял, вас, красавиц, побаловать!

— А кто поведет? — испуганно взглянула на него Изабель.

— Как кто? — возмутился парень. — Конечно, я!

— Но ты ведь пьяный!

— Брось. Сакэ — оно слабенькое, не то, что ваша водка с пивом! Давайте, давайте, прыгайте! Тут ехать два шага.

— Он хорьшо водить, — вступился за него друг. — Не бояться!

Но Изабель все равно было страшно. Папа учил ее: никогда не садиться в машину, если за рулем нетрезвый. И тут ее осенило.

— Ирка, ты ведь сакэ не пила? — обернулась она к подруге.

— Нет.

— И машину водить умеешь. Подростковую автошколу окончила, вождение сдала с первого раза. И мама тебе рулить дает, сама хвасталась!

— Нет, нет, Изабель, о чем ты?! — возмутилась Ирина. — Тут движение в другую сторону, я никогда не решаюсь. И машина длиннющая, я на такой сроду даже со стоянки не выеду.

— Да ладно тебе, попробуй! Это ведь какой прикол! Потом всем рассказывать будешь!

Тут и Такиши подключился:

— О, вы умеете водить? Тогда, пожалуйста, окажите нам услугу. И сами получите несравненное удовольствие. Коробка-автомат, машина маневренная, послушная...

— Я боюсь! — продолжала упорствовать Ира.

— Все, — разозлилась Изабель, — еще одно слово — и ты мне больше не подруга!

Ирка затравленно посмотрела на нее, а Такиши чуть ли не насильно усадил девушку за руль, включил зажигание и требовательно проговорил:

— Поехали, милая!

— Лизка! — в отчаянии выкрикнула Ира. — Сядь со мной рядом, я боюсь!

Она глубоко вздохнула, перекрестилась и тронула автомобиль с места. Сначала робко и осторожно, потом все быстрее и быстрее.

— Отлично, лапочка! — подбадривал ее Такиши. — Сейчас чуть притормаживай, поворачиваем налево.

И девушка слегка неуверенно исполнила маневр.

— Ты гений! Ты просто водительский гений! — разорвался японец.

А Ира, буквально опьянев от своих успехов, ехала все быстрее, быстрее... И не заметила, что по пешеходному переходу с японской неспешностью идут люди. Такиши тоже среагировал слишком поздно.

— Тормози! — истошно заорал он.

Ира взвизгнула, вдавила тормоз, попыталась выровнять машину, но не успела.

Лимузин вынесло на тротуар (запомнилось, как разбегаются прочь пораженные японцы). Мелькнула витрина, зазвенели осколки. А дальше — наступила тишина.

Надя обычно умела держать себя в руках, но на этот раз не выдержала и бросила в сердцах:

— Ну, ты и стерва!

— Ну... я-то здесь при чем? Она сама машину вела... — виновато пробормотала Изабель.

— Да ладно! За руль ведь — ты схватилась!

— Девочки, пожалуйста, не ссорьтесь, — попросил Дима и участливо обратился к кубинке: — Что было дальше?

— Да кошмар был, самый настоящий, — горько вздохнула Изабель. — Хорошо, хоть люди не пострадали. Мы расколотили витрину, разнесли весь магазин. Нас увезли в полицию. Сначала четко говорили: тюрьма. Потом, к счастью, вмешался консул, и нас отпустили под залог. Сообщили, конечно, родителям, тренеру. Что тут началось...

— А этот Такиши, он не помог?

— Нет, — шмыгнула носом Изабель. — Он действительно оказался сыном какого-то крутого босса. Тот просто вызверился: ребенок пьяный, угнал машину, попал в аварию. Про нас говорил, что мы русские шлюхи. А Такиши, я его на суде видела... он сидел, опустив голову, и даже ни разу не взглянул на нас.

— А как Ирина держалась? — снова вмешалась Митрофанова.

— Как-как. Плохо, — вздохнула Изабель. — Убить меня пыталась. Мы ведь в одном номере жили. Я, когда нас, наконец, отпустили, первым делом в ванну полезла. Она выглядела такой подавленной, обиженной, но не опасной, поэтому мне и в голову не пришло дверь запереть. А Ирка фен в розетку включила — и в ванну бросила. — Она поежилась, обхватила плечи руками.

— И что? — поторопила Надя.

— Ну, я ведь спортсменка, — слабо улыбнулась Изабель. — Реакция хорошая, успела выпрыгнуть. Хотя током, конечно, хорошо долбануло. А Ирка кричит: «Я все равно тебя достану!» Но мне потом психолог объяснил: это естественная реакция, но проходящая. Тренер ведь поклялась перед всеми, что мы обе к бассейну больше на пушечный выстрел не подойдем. Она не допустит. А для Ирки спорт был всем ... А потом был суд, закрыли нам въезд в Японию — пожизненно, приговорили к штрафу. Отцу и маме Иркиной пришлось кредиты брать. Из плавания, как обещали, выгнали. С Ирой мы больше не общались. Лет, наверное, десять.

— Но как сложилась ее судьба, ты знала?

— Девчонки рассказывали, что скучно, — сморщила носик красавица. — Окончила школу, поступила в институтишко. Наши-то, бывшие, постоянно где-то мелькали, в ток-шоу участвовали, даже передачи вели. Мы ведь все вроде как эксперты по похудению, знаем, как в хорошей форме себя держать. А Ирка как-то исчезла из поля зрения. Но года два назад я ее вдруг на одной презентухе встретила и еле узнала: вся такая деловая из себя! Хвастаться стала, вроде, бутик у нее в крутом месте! В общем, по всему видно, папика себе богатенького сняла. Поболтали с ней, телефонами обменялись. Но ни я, ни она, конечно, не позвонили. А месяца три назад еще раз столкнулись, случайно. Ирка мне посочувствовала, что мою программу на «ящике» закрыли. А я ответила, что салоном красоты управлять куда интересней. Она, кажется, позавидовала, стала расспрашивать, что и как. Вот, собственно, и весь разговор.

— И больше не виделись? — спросил Дима.

— Нет.

— Ну, и с чего бы этой вполне успешной особе сейчас, спустя многие годы, подкидывать тебе дохлых рыбок? — хмыкнула Митрофанова.

— Не знаю, — покачала головой Изабель. — Вы спросили про врагов — я и рассказала.

— Дамы, минуточку, — перебил их Дима, — а твоя бывшая подруга Ира случайно не была знакома с другим твоим приятелем? Фотографом Золотым?

— Ой, ну, какой он мне приятель? — хмыкнула Изабель, взглянув на Полуянова. — Ты вообще когда-нибудь на больших презентациях бывал?

— Приходилось, — улыбнулся он.

— Значит, представляешь, какой там бедлам. И как потом трудно все вспомнить... Но Золотой — да, вроде тогда был. Точно! И мы как раз с Ирой болтали, когда он пузом своим на меня натолкнулся. Ну, я их познакомил, как положено, но он на Ирку едва взглянул и побрел себе дальше.

— Думаешь, эта Ирина на пару с Золотым развлекается? — обернулась к Диме Митрофанова.

— Да ничего я пока не думаю, — вздохнул Полуянов. — Так, версии перебираю.

— Нет, быть не может, — решительно проговорила Изабель. — У Ирки лицо — как луна, да к тому же невыразительное. Золотому такие вообще не нравятся. Он сам хоть и крокодил, а только с красивыми девушками общается. А Ирка — типичная серая мышь.

— Хорошо, уговорила, — кивнул Полуянов. — Это не она.

А Надя взглянула ему в лицо и поняла: Димке эта версия очень даже нравится.

Глава седьмая

Ирина Стеклова

Мы с ней обе хотели стать звездами. Улыбаться всему миру с экранов и с первых газетных полос.

Наши мечты не сбылись, и когда-то я долго гадала, как сложится жизнь двух девушек — с прекрасными фигурами, железными нервами и хаотичными обрывками школьных знаний в голове?

Я — наивная! — не сомневалась, что повезет именно мне. Потому что у меня — прекрасная память. И светлая голова. Некрасивое лицо в сравнении с этими качествами — такая мелочь!

А Изабель всегда была эдакой попрыгуньей-стрекозой. Хи-хи, ха-ха! И, конечно, страшно гордилась, что красотка, да еще смуглолицая.

Я очень переживала, когда вылетела из спорта. Причем по вине Изабель. Но мне было только четырнадцать, и я надеялась, что еще найду себе новое увлечение. И преуспею в нем. И прославолюсь. Назло своей легковесной подружке.

И я, действительно, достигла в этой жизни немало. Многие ли выпускницы экономических факультетов могут похвастаться, что смогли, буквально за пару лет после института, раскрутить собственный бизнес? Без всякой помощи, без «мохнатой лапы»? В двадцать четыре года у меня уже имелась пара собственных бутиков в столице, шутка ли?

Впрочем, слухи, что за моей спиной богатый «папик», а то и несколько, я активно поддерживала. Так безопасней. И более органично.

Итак, самый главный — финансовый — вопрос был решен, но стала ли я счастливее? Держать магазины — чертовски нервная штука. Я спала по четыре часа, постоянно решала какие-то вопросы, дергалась.

А глупышка Изабель в то время (я следила за ее карьерой) — без малейших усилий! — попала на телевидение. Если бы на скучную должность редактора, дольщика, секретарши, я бы не стала расстраиваться. Но ей доверили вести собственную фитнес-программу!

Очень долго я видела ее только по телевизору. Будто назло, как ни включишь «ящик», оттуда тебе улыбается ненавистная Изабель.

Одно утешало: наверно, вся ее красота — грим и фотошоп.

Но, оказалось, нет.

Однажды мы с ней столкнулись нос к носу на какой-то презентации. Она — дрянь! — еще и пожалела меня: «Ирочка! У тебя скучные глаза. Тебе обязательно надо развеяться!» И взялась — знакомить с интересными и полезными, как она сказала, людьми.

Одним из них оказался смешной толстяк Георгий Золотой.

Я сначала не восприняла его всерьез, но Изабель шепнула на ушко:

— Не суди опрометчиво! Это лучший в Москве фотограф!

И я сразу сменила высокомерное лицо на улыбку. Потому что фотография была моим давним и, увы, совершенно бесполезным, с точки зрения бизнеса, увлечением.

Я напросилась придти к Георгию в студию. Он сделал мне снимки — действительно, уникальные, ни у кого еще так здорово не получалось. Я поблагодарила и попросила в свою очередь сфотографировать его.

— Ты смеешься надо мной, деточка? — хмыкнул он. Но все же швырнул мне свой дорогой «Никон».

А через двадцать минут смотрел на меня уже совсем другими глазами. Никогда не забуду его удивленных слов:

— Ты сумасшедшая! Такая же, как и я!

Но вот что удивительно: я-то думала, что Золотой, своей внешностью и привычками, меня будет раздражать, а получилось совсем наоборот, я только все больше во вкус входила.

Сколько интересного он рассказывал! Насколько фантастически фотографировал! Как необычно видел мир!

И в один из дней я сделала решительный шаг.

Перечеркнула все прежние достижения. Продала свои магазины и полностью отдалась — фотографии. И Георгию Золотому. Несуразному, некрасивому, но такому удивительному человеку. Он, без преувеличения,

открыл передо мной новый мир. Мрачный, красочный. А мне постоянно повторял:

— Ирка, ты такая некрасивая! Как я тебя за это люблю! Да еще ненормальная, зато очень талантливая.

Действительно, вскоре мои фотографии тоже стали собирать в Интернете тысячи лайков, получать премии. Я фантазировала, как могла. Весь мир облетела моя серия про русалок: безобразные, с обвислыми боками старухи выполняют фигуры из синхронного плавания. А чего стоил флешмоб «Грязные танцы» — когда я загнала, в буквальном смысле, в лужу с десятков рвущихся к славе девиц и фотографировала их — мокрых, перепачканных. После успехов «Русалок» и «Грязных танцев» Золотой спросил:

— А что тебя все тянет — как бы это выразиться? — на водные виды спорта?

Я усмехнулась и объяснила, что в детстве занималась синхронным плаванием.

Его почему-то чрезвычайно заинтересовала эта новость, и он весь вечер выспрашивал, как проходили тренировки, об отношениях между подругами, соревнованиях, проблемах.

Я с удовольствием болтала. В том числе упомянула, что наша общая знакомая Изабель Истомина когда-то тренировалась со мной в одной команде и об ее поразительном умении сидеть под водой чуть не по три минуты. А когда рассказала о поездке в Японию, и чем все это закончилось, Золотой обнял меня и задышал в ухо:

— Девочка ты моя бедная! До чего несправедливо-то, а! Ты вообще ни при чем, а вся твоя жизнь к чертям!

Я не выдержала и захлюпала носом:

— А ведь я могла бы звездой сборной быть, на пьедестале стоять! Ненавижу ее. Ненавижу!

— Ну, и как ты отомстила? — с интересом посмотрел он на меня.

— Когда Изабель в ванне лежала, фен туда швырнула.

— Молодец, — серьезно похвалил Золотой.

— Но гадина успела выскочить. Подняла визг. Мне вызвали психиатра, накачали таблетками... Я еще пыталась на следствии ее валить, только без толку — за рулем ведь я была.

— То есть, — медленно произнес фотограф, — твоя подруга сломала тебе жизнь, а ты поплакала, да и смирилась? Одному синхронному плаванию мстишь — хотя оно совсем ни при чем? Ира, я тебе удивляюсь. Первый закон — даже не психологии, элементарного здравого смысла: зло никогда нельзя прощать, иначе оно сожрет тебя изнутри!

— А что ты мне предлагаешь делать?! Убивать ее, что ли, а потом самой в тюрьму?

— Нет-нет, что ты, моя милая, — расплылся он в улыбке. — Зачем же так грубо? Примитивная ты девочка, Ирочка... Но я подумаю, чем тебе можно помочь.

...А примерно через неделю после того памятного разговора Золотой позвал меня в студию и познакомил с ослепительно красивым мужчиной.

— Это Юрий. Расскажи ему про Изабель.

— А... а что рассказывать? — растерялась я.

— Все, что она любит. Цветы, еда, напитки, одежда, — ласково заговорил красавец-мужчина. — Книги, фильмы, художников, страны...

И, хотя выглядело все очень мирно — залитая солнцем студия, улыбка Золотого, вежливый, дружелюбный красавец, — я почему-то испугалась и пробормотала:

— А... зачем вам? Что вы собираетесь с ней сделать?

— Мне не нравится этот вопрос, — продолжая улыбаться, произнес Юрий.

Но Золотой взглянул на него с укором и беззаботно проговорил:

— Я считаю, Юрий, тебе абсолютно не сложно ответить. Ты хочешь познакомиться с Изабель. И сделать ее счастливой.

— Да, это так, — радостно подтвердил красавец.

И от этих его «жизнеутверждающих» слов мурашки пошли по коже. Кто он — этот хорошо одетый, сладкоголосый, невозможно красивый парень? Работорговец? Продюсер порнофильмов? Или менеджер, кто подбирает молодых-здоровых на органы?!

Ясно одно — правды мне ни за что не скажут. Ни загадочный Юрий, ни, тем более, Золотой.

Но отступить было некуда. Я выложила все, что помнила о привычках и предпочтениях Изабель. Меня вежливо поблагодарили и велели больше ни о чем не беспокоиться. И, конечно, забыть об этом разговоре.

— Но ее хотя бы не убьют? — уныло спросила я.

— Нет. Не убьют, — заверил Золотой. — Будет куда интересней.

И от этого его спокойного тона мне стало еще страшнее.

«С кого начать? — гадал Полуянов. — Со Стекловой? Или с Золотым пообщаться?»

Оба варианта простыми не представлялись.

Визит к Ирине (подозреваемой номер один), считал журналист, не подготовлен и преждевременен. А к Золотому, в его золоченый особняк со рвом, — не попасть.

Тогда журналист остановился на варианте номер три. Купил бутылку «Куантро» и отправился к всезнайкам Оле и Поле, в отдел светской хроники. Изложил проблему, попросил помочь.

— Ох, и жаль ему эксклюзив отдавать, — переглянувшись с сестрой, покачала головой Оля.

— Но это ведь Димочка, — задушевно улыбнулась Поля. — Он наш друг, носит нам вкусняшки, «Куантро» не пожалел!

— Ладно, — вздохнула Оля. — Только, Полуянов, поклянись, что никому не скажешь!

И выдала: оказывается, помимо коттеджа в элитном поселке, у фотографа Золотого имеется квартира в Москве. У черта на рогах, в Бибирево, в панельной девятиэтажке.

— Да ну, — фыркнул Полуянов, — если у человека в крутом месте вилла, зачем ему Бибирево? Сдает, наверное, гад, к тому же и налогов не платит.

— А вот и нет! — триумфально улыбнулась Поля. — На вилле он с постоянной бабой живет, а в Бибирево временных водит. Раза три в неделю.

— Может, и адрес скажете? — с надеждой спросил Дима.

— Ну... если в буфет сгоняешь, закусок к своему «Куантро» принесешь...

Так Полуянов стал обладателем секретного адресочка. И тем же вечером отправился в Бибирево.

Ему сразу повезло. Дружелюбные выпивохи, что кучковались на лавочке у подъезда, Золотого прекрасно знали:

— А, жиртрест с восьмого? Мужик нормальный.

И выложили массу интересной информации. Что Золотой (хоть и богема), но малолеток или, упаси господь, мальчиков в квартиру свою не водит, только теток. «Всегда все культурненько, без скандалов. И не задерживаются они у него. Утречком вывел, в такси посадил — и до свиданья. Уже вечером может с другой прийти».

— А что за тетки? Фотомодели?

— Ну, чтоб их фотомоделями назвать, нужно очень много водки выпить! — заржали мужики. — Золотой ведь — страшной войны! А бабы нынче меркантильные. Пойди, замани ту модель к толстяку, да в «однушку» панельную! Самые обычные овцы к нему ходят. Скромненькие такие, по возрасту — в районе тридцатника.

— А Золотой еще и в «однушке» живет? — искренне удивился журналист.

— Ага, да еще вся «убитая»! Зато на какой машине ездит! «Мерседес», новехонький! Ох, и трясется над ним! У подъезда даже на пять минут не оставит — только в гараже!

Дорожка, что вела от гаражей к дому (услужливые соседи Золотого показали), располагалась чрезвычайно удачно для первого знакомства — вдоль глухой стены, узенькая, под сенью деревьев. Лучшее место, где можно попросить закурить — в том, конечно, случае, если ему повезет, и фотограф сегодня приедет ночевать в Бибирево.

...«Звезда» появился на тропинке почти в полночь. Выглядел он почему-то довольно жалко: семенит, по сторонам опасливо поглядывает. Полуянов выступил из темноты ему навстречу, и фотограф шарахнулся, прижался к стене — на лице искренняя надежда, что пронесет.

— Георгий Васильевич, — мягко произнес Дима, — а я к вам.

— Кто вы такой? Я вас не знаю! — возмутился фотограф. И бочком, бочком — Полуянова обойти пытался. Не смог. — Я не разговариваю на улицах с посторонними. Если я вам нужен, у меня имеется сайт. Электронная почта. Пишите, я вам назначу встречу.

— Уже писал. И звонил. Вы не ответили. А мне очень нужно с вами поговорить. Об Ирине.

— О какой еще Ирине?! — визгливо выкрикнул толстяк. Его пальцы-колбаски сжались в кулаки, лицо исказила гримаса, глаза заметались. — У меня тысячи знакомых Ирин! И Марин, и Юлечек, и Катенек. И я не собираюсь обсуждать никого из них! Тем более с вами.

— А вот я — собираюсь обсудить Ирину по фамилии Стеклова. Вы с ней знакомы?

— Ну, допустим, знаком! Но это не повод караулить меня ночью! Врываться в мою личную жизнь! — вновь осмелел фотограф. И даже попытался сдвинуть Диму с узкой дорожки.

Что ж, сам нарвался.

Полуянов взял толстяка за грудки, слегка встряхнул и приблизил свое лицо к лоснящейся, дрожащей физиономии:

— Тренершу мертвую ты вместе со Стекловой фотографировал? Ты снимал — Ирина свет выставляла?

— Да как вы?! Да как ты смеешь?! — Фотограф неожиданно резким рывком стряхнул Димины руки, отпрыгнул и торопливо заговорил: — Эй, парень, ты только не горячись. У меня своя свадьба, у Стекловой своя.

— Да неужели? — иронически протянул Полуянов. — А, по-моему, вы — ее гуру, она вам во всем подражает.

— Ну, да, я ее учил, — буркнул Золотой, — потому что она как банный лист пристала. Ну, и выучил — на свою голову.

— Расскажите, — попросил Дима.

— А что рассказывать? Ошибся я. Нельзя ее было к теме смерти даже близко подпускать. Я создаю настоящие памятные снимки, пусть трагич-

ные, но достойные, интеллигентные, скромные. А у Ирки — тема другая. Ей главное — не красота смерти, а эпатаж, могла даже на кладбище фотосессию устроить. У нее с головой, по-моему, что-то не так. К сожалению, я это понял далеко не сразу. Меня всегда морозит, если про Ирку речь. Чего она опять натворила?

— А я и про прежние подвиги Стекловой не слишком осведомлен, — улыбнулся Полуянов.

— О, так вы многое потеряли! У нее же целое, можно сказать, портфолио, — хмыкнул Золотой. — Не видали ее самую известную серию — «Чайпитие с мертвым»?

— Нет, — пожал плечами Дима.

— Это серия постановочных фотографий. Модель — и мертвец. Оба — за чайным столиком. Лицом к лицу. Руки переплетены.

— Какая мерзость! — не удержался журналист.

— А Стеклова считает — высокое искусство.

— А где она трупы для своих снимков брала?

— Ну, работники ритуальных услуг весьма корыстолюбивы, — усмехнулся Золотой. — И покойники под их юрисдикцией находятся, как минимум, дня по два.

— То есть она в морге снимала?

— Ну, а где еще? Не в студию же трупы бомжей тащить? Могут неправильно понять. Проще моделек подогнать в морг, — презрительно скринулся фотограф. — Они существа подневольные.

— А где конкретно съемки проходили?

— В каком морге Ирина снимала, я точно не знаю, но, вроде, куда-то в Люблино ездила. Там больничка, на Шестом проектируемом проезде, и при ней — скорбное заведение.

— Слушайте, а как вы вообще познакомились со Стекловой?

— Как и со всеми, — грустно усмехнулся Золотой. — На презентации кто-то представил, рассказал, кто я есть, она потом и явилась — портфолио делать.

— Кто вас познакомил?

— Я помню, что ли? — оцетинился Золотой. — Ко мне эти тетки по пять штук на дню приходят. Вроде, сослалась на кого-то, но на кого — не помню, и не пытайте.

— Хорошо. Что было дальше?

— Ну... я человека — особенно женщин — сразу вижу. Правильная она, вся до мозга костей, или есть в ней чертовщинка. Ну, и сразу понял: эту на многое развести можно. А она сразу заявила, что всю жизнь мечтала заниматься фотографией, причем именно под руководством такого специа-

листа, как я. Способности у нее имелись. И мне, действительно, нужна была помощница. Чему-то я ее научил, многое она ухватила сама. С восторгом участвовала во всех моих проектах. Я даже подумывал о совместной выставке... и, может быть, о совместной жизни... Но не учел одного: знакомить со смертью можно лишь сильных духом. Тех, кто способен заглянуть за грань — и остановиться. А Иру — царство тьмы, к сожалению, поработило. Полностью. Я-то считал, что сам не без греха, и только посмеивался над ее забавами. Стал всерьез волноваться, только когда она аквариум разбила.

— Аквариум? — насторожился Полуянов.

— Ну, у меня дома стоял. Обычный такой, круглый. Жила в нем всякая мелочь — гуппи, гурами, никому не мешали. А однажды прихожу — вода вылита, а рыбешки мои на столе. Дохлые. Ирина, понимаешь, инсталляцию снять задумала. Я ей, конечно, скандал, а она в слезы: «Что такого я сделала? Подумаешь, какие-то рыбки! Я тебе новых куплю!» Ну, это и стало последней каплей. Я ей велел: «Собирай чемодан и убирайся».

— Когда это случилось?

— Пару месяцев назад.

— А с Изабель Истоминой вы знакомы? — перебил фотографа Дима.

— С проклятой черномазой? — усмехнулся Золотой. И, в ответ на Димин недоуменный взгляд, объяснил: — Это Ирка ее так называла. Они когда-то подругами по команде были, синхронным плаванием занимались, подавали большие надежды. Но однажды Изабель чего-то там натворила, и их обеих из сборной выгнали. Истомина — та, вроде, даже и не расстроилась, она все равно из спорта уходить собиралась, а вот Ирина всегда мечтала выйти в чемпионки, поэтому очень переживала, что путь к высшим достижениям ей оказался закрыт...

Полуянову вдруг стало жаль этого нескладного, несчастного толстяка, но надо было завершить начатое дело, и он решительно сказал:

— Георгий Васильевич, еще два вопроса.

— Слушай, а кто ты вообще такой? — раздраженно спросил фотограф, пристально посмотрев на него. — На мента вроде не похож. Журналиста?

— Нет, — открестился Дима от любимой профессии. — Меня Истомина наняла.

И коротко рассказал Золотому о злоключениях Изабель.

Толстяк слушал, разинув рот. Когда Дима умолк, потряс головой:

— Бред какой-то! Вы думаете, это Ирка забавляется? Хотя... почерк ее, чего спорить. Мстит за давние обиды?! Но они обе со спортом лет десять назад покончили, не меньше! Почему вдруг сейчас?

— Не знаю, — вздохнул Полуянов.

— Впрочем... у сумасшедших голова как-то по-особому устроена... Мы ведь с Ириной не только из-за творческих разногласий расстались. Я ее в последнее время просто бояться начал. Могла взорваться — из-за мелочи, чашки разбитой. Кричала, на пол падала. Полагаю, в ней всегда тлела болезнь. Мне бы ей врача хорошего найти, а я ее просто выгнал...

— Вопрос: как далеко Стеклова может зайти — в своих забавах? — хмуро произнес Полуянов.

— Ответ: однажды во время скарфинга она меня едва не задушила. Очень даже по-настоящему. «Скорую» пришлось вызывать.

— Золотой, а ты любил ее? — не сводя с толстяка глаз, задал Дима неожиданный вопрос, переходя на «ты».

— Врать не буду, — опустив голову, ответил Золотой. — Да, любил. И боялся. А сейчас — не люблю. И еще больше боюсь.

Глава восьмая

Мужчины — существа поразительные. Даже лучшие из лучших — такие, как Димочка Полуянов.

Вечером является и радостно заявляет:

— Меня в командировку посылают! Прямо завтра. И ни куда-нибудь, а в Париж!

— Ну, ты и гад! — ахнула Надя. — Я — в свой собственный законный отпуск! — целыми днями дышу пылью, пакую коробки! Твою машину перегоняю. А ты, значит, в Париж!

— Ну, я всего на два дня! И поездка по бизнес-классу, жаль отказываться!

Хоть и обиделась Надя на Полуянова и страшно злилась из-за этой командировки, честно говоря, даже немного завидовала, но утром она встала в пять часов, приготовила ему завтрак и подала его прямо в постель. А когда Дима, собравшись, нежно с ней попрощался и ушел, она снова легла спать и проспала почти до десяти часов. Проснувшись, потянулась к телефону и набрала номер Изабель. Та ответила сразу:

— Хочешь подъехать? К сожалению, сейчас не получится, я только из квартиры вышла!

— А когда вернешься?

— Понятия не имею! Меня, представляешь, Иришка пригласила. Мириться!

— Иришка?

— Ну, Стеклова, я рассказывала про нее. С которой мы сто лет назад рассорились, после Японии.

— Это та самая, кто фотографии мертвецов шлет? И рыбок убивает? — ахнув про себя, уточнила Надя.

— Да не шлет она мне ничего! — возразила Изабель. — Я решила, нечего ходить вокруг да около, и задала ей вопрос напрямую. Так она обиделась ужасно. За кого, говорит, ты меня принимаешь? И вообще сказала, что ее в Москве целый месяц не было, она только вчера вернулась. Может мне билет использованный показать.

— Изабель, подожди, Стеклова, она сама тебе позвонила?

— Ну, да!

— Когда?

— Час назад.

— И о чем вы говорили? Можешь пересказать дословно?

— Она сказала, что старые фотографии просматривала и поняла, насколько соскучилась. Мы и договорились прямо сейчас встретиться, поболтать, и старые обиды — вон.

— Как-то очень вовремя она позвонила, — пробормотала Надя.

— Ну, что ты, Надь, у меня тоже так бывает. Старые фотки перебираешь, и вдруг так захочется с кем-то из давних знакомых повидаться! Вот прямо немедленно!

— А куда вы пойдете-то?

— Ой, Ирка так романтично придумала, — снова затарахтела Изабель, — в бассейне встретиться! В том самом, где мы все детство провели! Молодец она, правда?

Надя с удовольствием бы поспорила, но в этот момент в телефоне запиликала вторая линия. Митрофанова скосила взгляд на определитель — ура, это Дима! — и поспешно распрощалась с кубинкой.

Отвечая Полуянову, она старалась, чтобы голос звучал беспечно, но не зря же они столько лет вместе, Дима сразу ее раскусил:

— Что случилось?

— Да не у меня. Твоя рабыня Изаура опять чудит, — фыркнула Надя. И весьма раздраженно пересказала журналисту их разговор.

— Вот дура! — с чувством выговорил Полуянов и тут же добавил: — Не ты, она.

— Да нет, Димуля. Именно, что я тоже дура. — Печально вздохнула Надя. — Надо было сразу трубку положить! Какая мне разница, куда и с кем она пойдет?! А теперь, блин, я ведь не зверь, понимаю, что нельзя ее туда отпускать. Но, Дима, это твоя история! Сам ей и звони, скажи, чтобы не смела ни в какой бассейн ехать!

— Дьявол! — В голосе Полуянова слышалось отчаяние. — Это ведь ловушка, как она не понимает?! Я, конечно, могу этим же самолетом рвануть домой, но все равно не успею.

— Я ненавижу Изабель, — с чувством проговорила Надя, — но у нас с ней договор купли-продажи подписан. А свидетельства о собственности еще нет. Поэтому мы не можем допустить, чтобы с этой идиоткой что-то случилось — именно сейчас! Где находится проклятый бассейн, ты хотя бы знаешь?

Когда-то этот дворец водного спорта, наверное, считался образцово-показательным. Да и до сих пор выглядел монументально: к входу вела широченная лестница, огромные окна подчеркивали высоту потолков, и даже колонны при входе имелись. Но, чем ближе Надя подходила, тем отчетливее видела, насколько обветшало строение. Фасад в угрожающих трещинах, ступеньки крошатся под ногами. Однако вода в бассейне плещется, свет горит. Умирающий мастодонт из последних сил продолжает растить России звезд. Или сборная команда по синхронному плаванию давно уже перебралась куда-нибудь в более цивилизованное место?

Но для ностальгической встречи двух подруг — самое оно.

Надя пока не очень представляла, как она будет выполнять Димин наказ: «присмотреть за Изабель». Незаметно наблюдать за девицами? Или откровенно стоять у них за спиной? И чего вообще ждать от госпожи Стекловой? Если Дима в своих подозрениях прав, и все эти шизофренические штучки с фотографиями трупов и умерщвлении рыбок устроила именно Ирина, наверняка, и сегодня произойдет очередной перформанс. Хорошо бы, что-то безвредное. А если нет?

Но когда Надя увидела на входной двери рукописную табличку «Санитарный день», ее опасения усилились многократно. Позвонить Изабель? Попытаться остановить ее?! Однако Наде отозвался бездушный механизм: «Абонент временно недоступен». Впрочем, Митрофанова была почти уверена, что смешной, белый, в красных бабочках, мини-купер, что одиноко припаркован у входа, принадлежит красотке-кубинке.

Она подергала дверь. Заперто. Заглянула в окно: стойка вахтера пуста. Постучала. Никакой реакции. В тысячный раз прокляла Изабель — и побежала вокруг здания, искать черный ход. Хотя он, наверняка, тоже заперт. И даже если ей отворят, что говорить: «Пустите, я приехала спасти глупую красавицу от ее чокнутой подружки?!»

Дверь выглядела совсем заброшенной, ручка заржавела, прямо перед входом груды окурков вперемешку с осколками. Открывали ее не раньше, чем лет двадцать назад. Толкнула, постучала — никакой реакции. В бас-

сейне что, под видом санитарного дня сделали обычный выходной? И даже сторожа не оставили?

Но, если так, безумная Стеклова может сотворить с Изабель, что угодно...

Надя приложила ухо к безнадежно запертой дверце. И — услышала очень отдаленный женский крик.

И что ей теперь делать? Звонить в полицию, попытаться объяснить ситуацию? Патруль, может, и пришлют, но торопиться точно не будут.

Митрофанова сняла куртку, обернула ею правую руку и решительно ударила по стеклу. Затем аккуратно собрала осколки, перелезла через окно и оказалась в темном коридорчике. Вход в бассейн, похоже, рядом. Она толкнула одну дверь: ведра и швабры. Зато вторая вывела прямо к цели, в огромный гулкий зал. До чего странно видеть совершенно пустые дорожки!

Митрофанова подошла к бассейну, осмотрелась. Первое впечатление — вокруг никого. Очень тихо. Только отдаленное журчанье — воду, что ли, сливают? Подошла поближе и увидела, что бассейн действительно пуст больше чем наполовину.

Ну, и что дальше? Где искать Изабель? Или просто позвать ее?

Надя уже рот открыла, чтоб крикнуть, но тут краем глаза заметила какое-то движение высоко над головой. Посмотрела — и от ужаса инстинктивно закрыла рот ладошкой.

Прямо над ней находилась прыжковая вышка. Очень высокая, метров десять, как минимум. И там кто-то был — Митрофанова отчетливо видела, что прыжковая платформа прогибается. И голоса до нее донеслись. Женские. Слов было не разобрать. Одна дама, кажется, обвиняла, а второй, громкий и истеричный, голос защищался. И он явно принадлежал Изабель.

Надя инстинктивно сделала шаг назад, прижалась к стене. Какая удача, что дверца оказалась точно под вышкой, и Стеклова ее пока не видит. А то ведь перепугаешь психичку — она Изабель и столкнет. С десяти метров. В полупустой бассейн.

Митрофанова понятия не имела, какой должна быть глубина при прыжке с такой высоты. Но сейчас полет в любом случае окажется смертельным. Воды в бассейне, по виду, не больше, чем по колено.

Надя напрягла слух, попыталась разобрать слова — нет, в гулком помещении невозможно было что-нибудь расслышать. Но градус ссоры явно становился выше. Голос Стекловой гневно дрожал, Изабель отвечала все отчаянней.

Надя вцепилась руками в голову. Что делать?!

В чем задумка Стекловой?! Просто напугать Изабель? Столкнуть вниз? Или — прыгнуть вместе? И знает ли она, что вода из бассейна стремительно убывает?

Надя сделала два осторожных шага назад и выбежала обратно в темный коридорчик. На вышку ведет лестница из бассейна, а есть ли на нее еще один вход?

Ей снова повезло: одна из дверей распахнулась и вывела в холл — тоже абсолютно пустой. Увидев лестницу, она бросилась по ней наверх, сломя голову. Второй этаж — не подходит, низко. Третий? Выскочила с лестницы в очередной коридор. Потертая ковровая дорожка, пыльные светильники, деревянные двери. «Кабинет массажа», «Бухгалтерия», «Зал аэробики»... А вот потертый указатель: «Вход на трибуны».

Надя осторожно открыла ее и оказалась позади ряда пустых скамеек. Второй вход на вышку находился здесь — на одном уровне с трибунами, метрах в двадцати справа. Две фигуры, стоявшие лицами к воде, были прекрасно видны. И голоса теперь слышались отчетливо.

— Ну же, Изабель, — ласково приговаривала Стеклова. — Не бойся. Ты ведь хвасталась, что ныряла за жемчугом! Прыгай!

— Ирочка, ну, пожалуйста! Отпусти меня! — всхлипывала кубинка.

— Если бы ты была умной, Изабель, ты бы поняла: прыгать тебе все равно придется, — равнодушно проговорила Ирина. — Поэтому соберись, сконцентрируйся, может быть, тебе повезет.

«Говори, говори, говори!» — умоляла про себя Надя, тихонько, бочком подбираясь все ближе и ближе к вышке.

— Не бойся. Ты — глупая, никчемная баба, — презрительно продолжала Стеклова. — Полное ничтожество. Значит, выживешь. Дуракам везет.

И в этот момент Надя в отчаянном броске выскочила на вышку, схватила Изабель за предплечье и дернула ее к себе, подальше от края.

— Ай! — истерически заорала та и второй, свободной, рукой успела оттолкнуть от себя Стеклову.

Гибкая поверхность под весом их троих отчаянно прогнулась. Надя успела увидеть недоуменный взгляд Ирины... а в следующую секунду эти удивленные, злые глаза исчезли.

Бывшая спортсменка не смогла удержаться на трамплине.

Гулкое помещение бассейна потряс яростный крик.

Дальше — удар, плеск. И снова наступила полная, всепоглощающая тишина.

Полиция приехала почти сразу. Рассказ Изабелы («Она пыталась меня столкнуть, но свалилась сама!») восприняли скептически.

А когда Митрофанова призналась, что окно возле черного хода разбила она, стало совсем худо. Полицейские решили, что обеих девушек надо задержать — для начала на трое суток.

Изабель тут же разразилась рыданиями, а Надя, несмотря на ситуацию, головы не потеряла. Отпросилась в туалет, а оттуда позвонила Полуянову...

Не прошло и получаса, как полицейские стали разговаривать с Надей совсем другим тоном. Старший опергруппы даже упрекнул:

— Что ж вы сразу не сказали, что самого майора Савельева знаете?

Эксперты закончили работу, тело Стекловой увезли в морг. А с девушек взяли письменные объяснения и отпустили.

Надя от пережитых потрясений еле держалась на ногах. Но Изабель еще долго не давала ей сесть в машину, все бухтела:

— Надя, ты мне теперь, как сестра! Я тебя обязательно отблагодарю! Ведь если б не ты, Ирка бы убила меня! Ох, какая я была глупая! Я, правда, думала, что она помириться со мной хочет. А Ирка, оказывается, столько лет злобу копила! У, змея... хоть и нельзя так о мертвых...

— Все, Изабель, успокойся. Все прошло, все хорошо, — устало повторяла Надя, безуспешно пытаясь вырваться из объятий мулатки.

Она искренне считала, что на этот раз у них с Изабель — последняя встреча.

И опять — ошибалась.

Кто бы сомневался, что во время сборов толку от Лизочки не будет. Тамара Кирилловна попробовала ее заставить хотя бы одежду собрать. Но Изабель вывалила на кровать все содержимое шкафа, и началось:

— Ой, а я про эту кофточку забыла даже! Тетя Тamarочка, а тут нужно пуговку пришить, а эти брючки погладить. Ух, ты, а вот какое сочетание интересное! Юбка зеленая, блузка красная, но вместе смотрятся отлично!

— Послушай, Изабель, — пыталась вразумить ее домработница. — Нам с тобой через несколько дней надо квартиру освободить. Я не справлюсь, если ты мне не поможешь!

— Ну, давай тогда специальных людей вызовем, я объявление видела: «Проводим переезд от и до», — отмахнулась девушка.

— Кто к таким вопросам посторонних привлекает? — возмутилась Тамара Кирилловна. — Всю квартиру разнесут, посуду побьют и украдут половину!

— Ну, тогда давай Надьку Митрофанову попросим! Она хозяйственная! — засмеялась Изабель.

— У Нади свой переезд, тоже хлопот выше крыши, — вздохнула домработница.

Теперь ей приходилось в квартире Изабель дневать и ночевать, по шестнадцать часов в день возилась. А та словно с цепи сорвалась, в ночь, когда разбила ее бывшая подруга по сборной, устроила безобразную

попойку — хотя всеми святыми клялась, что после скандала в Японии капли в рот не возьмет. А утром, когда протрезвела, потребовала:

— Мы должны пригласить Диму с Надей на праздничный ужин. Отблагодарить их.

— Ну, какие сейчас праздники? — попыталась взбунтоваться Тамара Кирилловна.

— Надя с Димой спасли мне жизнь, как ты не понимаешь? Я обязана что-то для них сделать! — отрезала Изабель.

— Но почему обязательно устраивать ужин? В квартире разгром, половина посуды упакована. Наде тоже, я тебя уверяю, не до гостей.

— Ерунда! — отмахнулась Изабель. — Я сама закажу в ресторане японскую еду. И сделаю коктейли.

Переспорить ее никогда не получалось, удалось добиться только одного: никакими сомнительными суши гостей не травить, а напечь пирогов.

В итоге дел стало еще больше. И даже вертихвостка Лизочка, осознав важность момента, предложила:

— Давай, я хотя бы за продуктами съезжу.

Чего-то перепутает, чего-то забудет, но хоть какая-то помощь.

Тамара Кирилловна написала огромный список и отправила Изабель в супермаркет, взяв с нее обещание, что она ни в какой другой магазин заглядывать не будет.

Любимица поклялась, что за два часа обернется. Однако уже и три часа минуло, и четыре — ни Изабель, ни продуктов. Так и тесто не успеет подойти. Тамара Кирилловна стала звонить — длинные гудки. Ну, дело обычное: увлеклась покупками, телефон на дне сумки, не слышит.

Почти пять часов прошло, а она все не возвращалась! Чем в обычном супермаркете можно заниматься столько времени? Или в пробку попала? Тамара Кирилловна то и дело выглядывала в окно, но двор был почти пуст, время обеденное, даже малышей с детской площадки уже увели. Только на скамейке сидел какой-то старомодно одетый бородач и с сосредоточенным видом изучал какой-то толстый талмуд, шевеля губами.

Наконец, в очередной раз выглянув в окно, Тамара Кирилловна увидела белую, с красными бабочками, машину и облегченно вздохнула, продолжая наблюдать, как Изабель выгружает из багажника пакеты. Она уже собралась вернуться к огромному списку дел, но вдруг краем глаза заметила, что бородатый мужчина вскочил с лавки и торопливо направился к Лизиной машине. В руках у него была уже не книга, а что-то круглое и плоское, вроде консервной банки.

Сердце так и провалилось куда-то вниз. Трясущимися руками Тамара Кирилловна распахнула окно и завопила:

— Лиза! Осторожно!!!

Та от неожиданности аж подскочила, кажется, головой о крышку багажника стукнулась и стала тереть макушку. Мужчина тоже поднял голову вверх, но не остановился, огромными скачками неся прямо на Изабель.

— Милиция! Полиция! Консьерж! Помогите! — надрывалась Тамара Кирилловна.

Тем временем бородач приблизился к девушке и резким движением протянул руку к ее лицу.

— А-а-а! — закричала Изабель, и столько в ее голосе было отчаяния, безнадежности, боли.

Прежде чем броситься вниз, Тамара Кирилловна успела увидеть, как Лиза, вцепившись в лицо руками, валится на колени, а бородач удирает прочь...

Никуда не скрыться от Изабель.

Не успел Дима прилететь в Москву, она сразу позвонила — затеяла прием в их честь, вот прямо немедленно.

Надю идея не вдохновила. Какие могут быть приемы, когда переезд, каждая минута на счету? Да и никакого желания выслушивать чириканье кубинки (пусть даже благодарное) не было.

Но Полуянов, конечно, настоял.

— Нельзя людей обижать. Они стараются, пироги пекут. Поблагодарить тебя хотят. К тому же мне у Изабель кое-что выяснить надо, — задумчиво добавил он. — Не понимаю я этой истории с ее подружкой. Нет четкой картины.

— Ладно, давай пойдем, раз тебе надо, — буркнула Надя.

И вдруг вечером, накануне злосчастливого приема, затрезвонил ее мобильник. «Тамара Кирилловна», — высветилось на определителе. А руки, как назло, мокрые.

— Дима, ответь, пожалуйста! — крикнула она.

— Да, Тamarочка Кирилловна? — промурлыкал в трубку Дима. И вдруг переменился в лице и срывающимся голосом выкрикнул: — Что?!

Митрофанова, конечно, тут же примчалась. Стояла рядом, в ужасе ловя обрывки фраз.

В Изабель на парковке у дома плеснули кислотой. Счастье, что Тамара Кирилловна за секунды до преступления почувяла беду, подняла крик и напугала злодея, а Истомина (не зря же спортсменка!) смогла увернуться. Однако все равно ожоги второй и третьей степени, сильно пострадал левый глаз.

— Где она сейчас? В больнице? В какой? — прохрипел Дима. Надя тут же подсунула клочок бумажки, ручку, и он, записав номер, хмуро продол-

жил: — Кто, она говорит? Кто это был?.. Как?.. Но это ведь невозможно, она бредила, наверное! Да, приеду. Прямо сейчас. — Положив трубку, растеряно взглянул на Надю: — Изабель говорит, это был Юрий.

— Кто?!

— Ну, ее возлюбленный, который умер несколько месяцев назад от анафилактического шока.

Глава девятая

Приемные часы в Ожоговом центре давно закончились.

Страстную речь, что ему немедленно нужно видеть Истомину, в регистратуре даже слушать не стали, оборвали на полуслове:

— Только по разрешению лечащего врача.

— А где мне его найти?

— Приходите завтра, в часы посещений.

Круг замкнулся. Однако Дима отметил, что церберы, сторожившие вход в клинику, поглядывали на него чуть ли не приглашающе.

Торопиться он не стал. Прежде выведал у нелюбезной регистраторши этаж и палату, куда поместили Изабель. Приобрел в автомате бахилы, положил в один карман сотню, в другой двести (кто знает, какие у охранников аппетиты) и двинулся, было, к проходной, как вдруг увидел: в холл клиники вбежала дама, которую он никак не ожидал здесь увидеть. И что здесь делает Юлия Базанова — коммерческий директор салона красоты? Почему у нее такое опрокинутое, заплаканное лицо?

Женщина растеряно озиралась, увидела окошко регистратуры, бросилась к нему. Дима, ловко держась за ее спиной, оказался рядом и прекрасно слышал, как Юлия Аркадьевна умоляла о том же, о чем он сам десять минут назад: немедленно пропустить ее к Истоминой. А когда получила отлуп, он вышел из-за колонны, артистично разыграв удивление:

— Юлия Аркадьевна! Вы что тут делаете?!

— О, господи, Дима! Вы слышали, что с Лизочкой случилось?! — Глаза ее блестели от слез, руки дрожали.

А она-то откуда знает?

Ему Тамара Кирилловна сообщила сразу, как случилась беда, и Полуянов тут же рванул в клинику. С момента звонка домработницы прошло меньше часа.

— Как вы здесь оказались так быстро? — спросил он.

— Ну... я... — Вид у Юлии почему-то сделался виноватый. — Я час назад позвонила Изабель, номер не отвечал, а мне срочно. Тогда набрала

домашний. И тут такая новость... ужасная. Мне домработница сказала, что у нее тяжелая травма. Но почему ее сюда, в ожоговый привезли? Что с ней случилось, вы знаете?

— Изабель плеснули в лицо кислотой, — медленно ответил Дима, пристально глядя на нее.

— Боже мой, какой кошмар! — Базанова закрыла рот ладошкой. — Кто? Зачем? Как?! Мы должны пробиться к ней! Пойдемте, охрана здесь, наверняка, берет деньги! — Она вытянула из портмоне тысячу.

— Уберите, — поморщился Полуянов.

...Охранник почти в открытую озвучил им таксу (сто рублей с человека), и через пять минут они уже подходили к палате, где лежала Изабель.

Ни замка на двери, ни полицейского, ни охраны, ни даже бдительной медсестры. Только беззащитная девушка с полностью перебинтованным лицом и повязкой на глазах.

— Кто... кто здесь? — испуганным голосом пролепетала она.

— Это я, Дима, — поспешно отозвался Полуянов.

— И я, Юля, — сказала Базанова.

— Какая Юля? — Голос Изабель дрогнул. — Чего тебе, Юлька, здесь надо — вообще не понимаю. — И она обратилась к Полуянову: — Димочка, мне так страшно. И так тяжело. Врачи говорят, левый глаз поврежден. И что шрамы оста-а-анутся.

— Изабель, все будет хорошо. Не останется никаких шрамов. Если надо будет, отправим тебя в Германию, в Швейцарию — куда угодно. Будешь такая же красивая. Даже еще лучше. Скажи мне, кто это сделал?

— Дима, я не знаю... мне все говорят, что я дура, что мне померещилось!

Он такой был... ненастоящий. Борода, усы, лицо... очень неправильное... Но глаза у него были — Юркины. Юркины! Я не могла ошибиться!

— Тот самый Юрий? — уточнил Дима.

— Да, тот Юрка, который умер. Но он мне снится все время. И обещает: что придет и отомстит. А он всегда делает, что говорит. Зря я надеялась, что смогу от него сбежать! Что в новой квартире от него спрячусь...

Полуянов перевел взгляд на Базанову, и ему показалось, что на лице женщины промелькнула видимая тень облегчения.

«Кажется, версия с Юрием ей очень нравится, — подумал он. — Но полицейские в воскресшего мертвеца точно не поверят. Кого станут искать они? Родственника покойного? Его друга?»

Полуянов знал о Юрии лишь то небольшое, что рассказали ему светские хроникерши близнецы Оля и Поля. Но насколько точна была информация?

И тут в палату ворвалась медсестра и, увидев посетителей, вся побелела от возмущения:

— Вы как сюда попали?!

Юлия Аркадьевна вновь извлекла из портмоне тысячную купюру, но та денег не приняла, раскричалась еще пуще:

— Да что вы себе позволяете?! Это палата интенсивной терапии! Человек в тяжелом состоянии, сейчас консилиум будет. Быстро, быстро отсюда!

Не успели выйти в коридор, как у Полуянова звякнул мобильник. Он взглянул на определитель: Тамара Кирилловна. Наверное, хочет узнать, как там ее любимица Лизочка.

— Я перезвоню вам буквально через пару минут, — тихо проговорил в трубку Полуянов.

— Нет, Дима, мне нужно, чтобы ты приехал. Прямо сейчас.

Своих детей у Тамары Кирилловны не было, поэтому только и оставалось пестовать Лизочку как родную. Тем более, дите росло в холе и неге, а самого главного — любви! — как раз и не получало. Отец — вечно занят, а мамаша — та вообще, кажется, не рада была приемной дочке. Она, конечно, пыталась приручить девочку. Только Лизочка ведь будто ежик, выставит свои иголки, и попробуй сквозь них пробиться. К тому же талантов никаких у девочки не оказалось. По-русски, стыдно сказать, только через два года заговорила! А писать без ошибок не научилась и к десятому классу. Как, впрочем, не проявила способностей ни к одной из наук. И в спорте ее пробовали — тоже толку не вышло.

Приемная мать погибла, когда Изабель всего двадцать лет исполнилось, а отец — все по заграницам. Так и осталась она на попечении Тамары Кирилловны.

Когда в доме первый раз появился Юрий Черкашин, Тамаре Кирилловне он сразу не понравился. Во-первых, красавчик. Нос, глаза, мускулатура, манеры — все вообще без единого изъяна, а это для мужчины очень подозрительно. Но, главное, слишком уж преданно молодой человек внимал Лизочкиному чириканью. Билеты на премьеру достать — пожалуйста, машину переобуть, тренажер новый настроить — никаких проблем, Юрий покорно исполняет все ее прихоти. Плюс цветы постоянно, столики в ее любимых ресторанах, даже позвал ее с собой на Сейшелы.

— Слишком твой Юрий идеальный. Что-то хочет он от тебя! — не уставала повторять Тамара Кирилловна. — В какое-то темное дело втянуть.

— Не говори ерунды! — отчаянно отбивалась Изабель. — Он — москвич, бизнесмен, квартира, машина, золотая кредитка. Чего такому от меня может быть надо — кроме моей красоты неземной?

Она, глупышка, приняла, как должное, что Юрий полностью оплатил поездку на тропические острова, а накануне вылета свозил ее в Пассаж,

накупил целый ворох дизайнерских парео, пляжных сумочек и купальников.

А вернулась из поездки Изабель с немаленьким бриллиантом на безымянном пальчике.

Тут Тамара Кирилловна и поняла: «Жди беды».

Но как оградить неразумную пташку, она пока не знала, хотя ни на секунду не сомневалась, что это никакая не любовь. Тем более что и Лизочка, вернувшись с Сейшельских островов, стала почему-то слишком задумчивая. Однажды домработница увидела, как Изабель с мечтательным видом листает каталог дорогущих украшений с бриллиантами, и, не удержавшись, буркнула:

— Юрий, что ли, подарок предложил выбрать?

— Почему это сразу кто-то должен мне подарки дарить?! — дернула плечиком Изабель. — Я и сама заработать могу.

— И каким образом ты зарабатывать собралась?! — тут же напустилась на нее Тамара Кирилловна.

— Ну, мало ли вариантов... для красивой девушки! — хитро улыбнулась Изабель.

— Вариантов-то много, только называются они все одинаково — панель.

— Ну, Тamarочка Кирилловна, ну, о чем вы! — возмутилась Изабель.

Ох, совсем дело плохо! Не зря, не зря прохиндей Юрий ее малышку обхаживает. Совсем девочке мозги запудрил.

И Тамара Кирилловна твердо решила: в следующий визит загнать красавца в гостиную и поговорить с ним. Один на один.

Но, к сожалению, не успела.

Как только Полуянов появился в подъезде академического дома, старый консьерж сразу кинулся к нему:

— Ну, как там у Лизочки дела?

— Да пока точно неизвестно, консилиум только будет. Но вся в бинтах, плачет, — вздохнул Дима.

— Ну, что за люди у нас! Звери, просто звери! — покачал головой консьерж. — Такая девочка красивая, как картинка, а ей — по самому больному!

— Извините... — пробормотал Полуянов, пытаясь обойти его, но тот ловко переместился, перегородил ему путь и снова запричитал:

— Дела ужасные творятся, а полиция, бог ей судья, еле чешется. Мыслимое ли дело — только через полчаса приехала! И у меня даже не спрашивали ничего, видео быстренько посмотрели и уехали...

Дима сразу напрягся:

— Конечно, у вас же видеозапись! Там лицо преступника отчетливо было видно?

— Да о чем вы! — досадливо махнул рукой консьерж. — У нас камера то дешевенькая. Зерно сплошное, а не лицо. — И, понизив голос, доверительно добавил: — Полицейские так и говорили между собой: личность не установишь. Но я, — триумфально взглянул он на Полуянова, — зацепочку-то обнаружил! Уже когда они уехали! А куда звонить теперь, понятия не имею. Они ведь как представляются — что-то под нос буркнут, и все. Визитки не оставили. По «ноль-два», что ли, искать?.. Тех, кто у нас на вызове был?

— Это сложно будет, — пробормотал Полуянов. — А что за зацепка-то?

— Ну... даже не знаю, очень она важная или нет. Книжку, короче, я разглядел, которую злодей читал. «Финансист» называется книжка. Толстая такая. Кто автор — не заметил. Дро, дра...

— Драйзер, — подсказал Дима.

И тут же в памяти услужливо всплыло: кабинет Базановой. Аскетичный, очень строгий. А на рабочем столе — книга Драйзера «Финансист». Совпадение?

Дима горячо похвалил консьержа за бдительность и заверил, что обязательно донесет его важную информацию до компетентных органов. После чего поспешил на седьмой этаж.

Тамара Кирилловна провела его в гостиную, усадила и сухо бросила:

— Выпить, поесть не предлагаю. Не до того. — Поджала губы, поежилась и жалобным тоном добавила: — Дим... я сейчас тебе признаваться буду. В убийстве.

Тамара Кирилловна никогда не забудет тот солнечный, душный, тропически жаркий день, когда ее Лизочка, вернувшись домой, выключила кондиционер, закуталась в одеяло, а потом попросила принести еще плед и горячего чаю. И — начала рыдать. Сквозь слезы и всхлипы прорывались весьма странные слова:

— Я теперь богата, тетя Тамара! Я стала богата — за какой-то, черт возьми, час! Могу делать, что хочу, машину — в один день, как тебе, а? Но я не дура, я только туфельки себе куплю, остальное — отложу. А закончится лето — вообще свой бизнес открою! — Голос ее вдруг сорвался, и Изабель закашлялась.

— Простудилась? — ахнула Тамара Кирилловна.

— Вечно ты вхохчешь, ничего я не простудилась. Глотнула просто воды! — досадливо ответила Изабель.

— Какой еще воды?!

— Все, все, отстань от меня! Принеси еще коньяку, лимон — и уходи. Только... только еще одним одеялом меня накрой.

— Вы с Юрием были? — напирала Тамара Кирилловна.

— Да... — жалобно пискнула Изабель, но тут же взвилась: — Слушай, да какая тебе разница? Со мной все в порядке!

Выпила, морщась и кашляя, полстакана коньяка и уснула — под тремя одеялами. Во сне всхлипывала, один раз даже выкрикнула:

— Пустите меня! Пустите!!!

А наутро — встала почти здоровой. Только глаза грустные. Пробормотала, стараясь не встречаться с домработницей взглядом:

— Тетя Тамара, вы не обращайте внимания, чего я вам там вчера наговорила. Мы просто с Юрием на пляж ездили. Перекупались, замерзли. Да еще выпили больше, чем надо.

— Изабель, ты мне много раз говорила, что не ездишь на подмосковные пляжи, потому что там грязь и убожество, — строго произнесла Тамара Кирилловна.

— Н-ну... человек ведь меняется. — Глаза у девушки забежали. — Теперь у меня другое мнение. К тому же и у нас, оказывается, есть приличные местечки.

— Да? И где же? — с сарказмом спросила домработница.

— Э... в Серебряном бору очень неплохо, — неуверенно ответила Изабель. И тут же сама ринулась в атаку: — Кто ты такая, чтобы меня проверять?

— Лизочка, зачем ты меня обижаешь! У меня ведь никого ближе тебя нет. И уж научилась за эти годы, вижу тебя насквозь. Ни на каком пляже ты не была, а с тобой вчера что-то случилось.

— Вот ты пристанешь — так пристанешь! Была я на пляже. Посмотри, у меня даже спина красная! От солнца! Хотя я смуглая, обычно не сгораю!

— А купальник мокрый где? — сдвинула брови Тамара Кирилловна.

— Слушай, ну, ты вообще кошмар! — возмутилась Изабель.

А домработница тоскливо подумала: «Ну, что за гад, этот ее Юрий!»

...В то лето Изабель еще несколько раз ездила на загадочный пляж. И каждый раз возвращалась оттуда, хоть и с загаром, но в состоянии совершенно ужасном. Замерзшая, злая, с остановившимся взглядом. Немедленно прыгала под пару одеял, требовала коньяку, пила залпом, а когда хмель ударял в голову, начинала отчаянно плакать. И кашлять.

Но сколько ни пыталась Тамара Кирилловна выяснить, почему ее любимица возвращается настолько несчастной, Изабель только кричала:

— Отстань от меня!

Однако домработница открыла правду сама.

Случилось это в сентябре, когда похолодало, пошли дожди, и Тамара Кирилловна облегченно выдохнула: «Зловещему пляжному сезону, похоже, конец».

Хмурой, ветреной субботой Изабель уехала из дома рано (куда — как обычно, не сказала). А вернулась — ближе к полуночи. Нос посинел, вся трясется от холода. Да еще не одна — на ее руку опирался Юрий. В состоянии не менее плачевном.

Изабель с порога начала командовать:

— Тетя Тамара, быстро нам коньяку, одеяла! И градусник еще принеси, Юрочка, кажется, заболел.

Ну, Тамаре Кирилловне до смазливой негодяя дела мало — прежде всего, утеплить любимицу, заставила надеть мохеровый свитер, шерстяные носки, укутала в пуховое одеяло.

— Юре тоже одеяло! И аспирин!.. — вырываясь, пицала Изабель.

А тот — будто амеба. Рухнул на диван, на спинку откинулся, глаза закрыл, а лицо все буквально пылает. Когда Тамара Кирилловна убедилась — для ее питомицы сделано все, что можно, она подошла к Юрию, брезгливо коснулась его лба и тут же отдернула руку — горячий, будто духовка, когда в ней пироги пекутся.

Она неторопливо прошла на кухню, открыла аптечку, достала аспирин и набрала воды из-под крана, нечего на подлеца хорошую тратить. Таблетка, растворяясь, шипела, и женщина от всей души желала, чтобы это был яд, не лекарство.

У парня, кажется, не просто простуда — что-то посерьезнее, отметила она. По крайней мере, аспирином сбить температуру не удалось, да еще и кашлять начал надсадно — даже сквозь толстые стены было слышно.

Убедившись, что Юрий забылся (то ли во сне, то ли в бреду), Тамара Кирилловна осторожно прокралась в прихожую, сунула руку сначала в карман его ветровки, потом обследовала борсетку... Ничего явно криминального, к сожалению, не нашлось, однако во внутреннем кармашке мужской сумки, закрытом на молнию, обнаружилась изящная, оправленная в кожу, вещица. Домработница знала, что это «флешка», и записать на крошечный кусочек металла можно хоть двадцать книг, хоть чертеж, хоть фильм.

Она не сомневалась ни секунды. Еще раз убедившись, что Лиза с Юрием спят, прошла в кабинет и включила компьютер. Побежали первые кадры... А уже через десять минут Тамара Кирилловна не смогла сдержать крик — и прижала ладонь ко рту.

Действо на экране продолжалась. По лицу женщины текли слезы, сердце отчаянно колотилось. А когда фильм — недолгий, всего-то на двадцать минут — завершился, она уже знала, что делать.

Прошла в гостиную, где на диване лежал в забытьи Юрий, окинула парня ненавидящим взглядом. Нужно просто, вот прямо сейчас, вонзить ему в сердце нож.

Душа рвалась, умоляла, просила сделать именно это. Тамара Кирилловна даже оружие в руки взяла и с удовольствием примерила на ладони. На собственную судьбу — тюрьму, суд, зону — ей было совершенно наплевать. Но что скажет Лизочка? Она ведь, несмотря ни на что, продолжает любить негодяя. Мало, что жизнь под откос, еще и любимая питомица возненавидит.

«Думай, думай, думай!!! — приказывала себе женщина. — Соображай, вспоминай!!!»

Юрий — аллергик. Тяжелый. Не переносит цитрусовые. Книжную пыль. Кошачью шерсть. Пыльцу. И еще какое-то лекарство. Точно! Новокаин!

И Тамара Кирилловна снова бросилась в кабинет, к компьютеру.

Ночь прошла без сна.

Часов до трех она билась с Интернетом — не зря его паутиной называют, засосало сразу! Вопрос-то у нее был элементарный. Но, прежде чем ответ нашелся, сайтов десять пришлось посетить.

Едва закончила с теоретической частью, сразу помчалась в ночную аптеку. На всякий случай не в ту, что рядом с домом, прошагала по холодному, темному городу кварталов пять.

Начала диктовать сонной провизорше список: «Шприцы, одноразовые спиртовые салфетки...». Та сразу проснулась, нахмурилась, буркнула:

— Наркосодержащие — строго по рецепту.

— О чем вы, какие наркотики! — всплеснула руками Тамара Кирилловна. — У меня зять заболел! Пневмония! Пожалуйста, пенициллин, и...

— На него тоже нужно хотя бы назначение доктора. Название, дозировка на отдельном листке — у вас есть? — покачала головой бдительная аптекарша.

— Бросьте! — отмахнулась Тамара Кирилловна. И тут же с легким сердцем соврала: — Я сама врач. Правда, офтальмолог, но уж дозировку пенициллина высчитать в состоянии.

Провизор взглянула на нее с сомнением, но больше спорить не стала. Выдала все лекарства и даже пожелала зятю выздоровления.

...Оказавшись дома, Тамара Кирилловна первым делом провела своих «пациентов». Изабель по-прежнему спала, но беспокойно — шевелилась и постанывала во сне. А Юрий — в забытьи, лоб пылает, в уголках рта выступила неприятная пена.

Все, к делу. Главное — наскок, неожиданность. Чтобы Изабель, спроне, не смогла оценить ситуацию, не взялась настаивать вызвать «скорую помощь».

Она присела рядом с постелью девушки, дождалась, когда та проснулась, сфокусировала взгляд на лице домработницы, прохрипела: «Кофе!..» — и заголосила:

— Лизонька, какой кофе! С Юриком твоим совсем беда!

— Что? — Изабель резко села на постели.

— Температура почти сорок, кашель страшнейший. Пневмония у него, вот что! — поджала губы домработница.

— Ой, а я думала, он отлежится... — растеряно пролепетала девушка.

— О чем ты говоришь! У него ж не насморк, а серьезное заболевание: пневмония, к тому же быстротекущая!

— Так давай «скорую» вызовем!

— Можно и «скорую», — пожалала плечами Тамара Кирилловна. — Приедут через пару часов и в инфекционную больницу его заберут. Оно ему надо? Я бы лучше пенициллин ему уколола. Прямо сейчас.

— А ты умеешь? — с сомнением произнесла Изабель.

— А кто тебе уколы делал, когда у тебя отит был, и ты медсестре из поликлиники истерику устроила?

— Да, правда... это я еще не проснулась, — пробормотала Изабель. — Но почему именно пенициллин? Сейчас же вроде какие-то другие антибиотики есть, более современные.

— Однако основа у всех одна, — возразила Тамара Кирилловна. — К тому же именно пенициллин есть у нас дома. Я уже проверила — не просроченный.

— Ну... давай тогда уколем. — Уверенности в голосе Изабель по-прежнему не было. — Но, может, все-таки «скорую» лучше? Они укол и сделают.

— Не имеют они теперь, по новым директивам, права антибиотики колоть! — вдохновенно сымпровизировала домработница. — Только в больнице. К тому же у человека сильный жар, кашель. Госпитализируют его, посадят на карантин...

— Тетя Тамара, — подозрительно взглянула на нее Изабель, — а чего это ты о нем так заботишься? Ты ведь Юру терпеть не можешь!

— Не могу, — не стала спорить Тамара Кирилловна. — И забочусь я во все не о нем, а о тебе. И о себе. Вдруг у него, правда, зараза какая-то серьезная? Лучше в зародыше пресечь, чем ждать, пока на нас перекинется.

— Ой, тебя не переспоришь, — поморщилась Изабель. — И вообще, у меня мигрень. Иди, быстро делай свой укол, а потом кофе мне сварись.

Все необходимое для укола Тамара Кирилловна приготовила заранее. Быстро и тщательно вымыла руки, протерла ладони дезинфицирующей салфеткой: внести парню инфекцию в ее планы совсем не входило. Раз-

била ампулу с новокаином, набрала в шприц. Перелила содержимое в пузырьки с пенициллином. Белый порошок растворился почти мгновенно.

— Сейчас, милый! Сейчас тебе легче будет! Маленький укольчик, потерпи! — подойдя к Юрию, ласково проговорила она.

Парень распахнул мутные, больные глаза и прошептал пересохшими губами:

— Мне... у меня...

Но пенициллин, разведенный новокаином, уже тек в его кровь. Тамара Кирилловна посильнее нажала на поршень — чтобы не успел сообразить, вырвать шприц. И лишь когда вколола пять кубиков, удовлетворенно вздохнула:

— Все, дорогой. Не волнуйся. Теперь все у тебя будет просто замечательно.

Домработница закончила свой рассказ и мрачно взглянула на Диму:

— Это я убила негодяя. Абсолютно осознанно, расчетливо и без капли жалости.

— Но мне говорили, что укол делала Изабель... — растерянно проговорил Полуянов.

— Моя милая девочка просто защитить меня решила. Я ведь когда-то — очень давно — судима была. За растрату. Вот она сразу и сказала, что на себя всю вину возьмет. — Женщина вытерла слезы, обильно льющиеся по щекам: — Все повторяла: «Тетья Тамарочка, ты ведь не знала. Ты ведь как лучше хотела... Чтoб Юрочке больно не было». Пенициллин, если его дистиллированной водой разводить, очень болезненный, а когда новокаином — почти не чувствуется. Лизонька искренне считала, что я об ее Юрике забочусь. Но я, — голос домработницы заледенел, — совершенно осознанно собиралась его убить. И сделала это. И отмаливать грех не собираюсь. Он заслужил свою смерть.

Полуянов обхватил голову руками. Слишком много всего навалилось за этот день. Изабель, вся в бинтах, мститель Юрий — уже несколько месяцев мертвый, странное поведение Юлии Аркадьевны...

— А что было на той флешке? — спросил он.

— Дима, не надо вам этого видеть... — тихо проговорила Тамара Кирилловна. Он хотел возразить, но она его тут же перебила: — Но я вам покажу. Все равно ведь не отвяжетесь. Только дайте мне слово. Я вас прошу, умоляю! Дайте слово, что эту запись никто, кроме вас, не увидит.

Денек выдался солнечным, ярким, теплым. В такую погоду особенно радуешься тому, что ты молода и красива. И нет нужды обряжаться в ба-

лахоны, чтобы скрыть лишний вес, и краситься, чтоб скрыть морщины. Да и мысль, что пятнадцатиминутная работа принесет, как минимум, годовой доход заурядного клерка, вдохновляла чрезвычайно. А про моральную сторону вопроса Изабель старалась не думать. Юрий, конечно, прав: доля такая женская — продаваться. И лучше это сделать за большие деньги, чем за тарелку супа.

А сумма реально сумасшедшая!

Неужели, правда, столько заплатят, не обманут?

А вот Юрий, чем ближе к делу, тем меньше походил на себя прежнего, того, каким был на Сейшелах. Холодел взгляд, менялся тон. Утром поднялся в квартиру, вроде, все, как обычно: поцеловал, обнял. Но вместо уже привычного: «Замечательно выглядишь!», потребовал:

— Шорты не годятся. Длинное платье надень. Белое, с кружевами.

— Да ну! — скривилась Изабель. — Оно жаркое. И выгляжу я в нем как монашка.

— А именно это сегодня и требуется, — ухмыльнулся Юрий.

И волосы попросил не распускать по плечам, а уложить в занудный пучок, а вместо боевых босоножек на каблуках обуть белые балетки.

...Машину к месту назначения он вел уверенно, ни разу с дороги не сбился. Хотя с шоссе съехали почти сразу после Москвы, долго колесили по узким грунтовым тропинкам. Лес становился все гуще, места все более дикими. Изабель хихикнула: «Хороша я тут буду в белом платье до пола».

Однако внезапно — прямо посреди дебрей — обнаружилась отличная асфальтовая дорога. А еще через несколько минут они уперлись в шлагбаум. Молчаливый охранник в машину даже не заглянул — только сверил со списком номер и сразу поднял ворота. Промчались еще метров триста — и впереди засеребрилась вода. Озерцо, немаленькое, очень чистое.

Юрий подкатил к причалу, возле которого покачивался симпатичный, кипенно-белый катерок. Выскочил из машины, галантно распахнул перед своей дамой дверцу:

— Прошу.

Она робко ступила на идеально чистый и ровный асфальт. Солнце по-прежнему золотилось на небе, продолжали надрываться птицы, но девушке вдруг стало отчаянно, просто дико страшно. Глухой лес. Совершенно пустое озеро. Равнодушный охранник. Деловитый Юрий. Загадочный, безумно богатый заказчик. А вдруг их план — просто покончить с ней после того, как она им даст все, что может дать?!

— Ты чего скисла? — взял ее двумя пальцами за подбородок Юрий.

— Боюсь, — прошептала Изабель.

— Лизочка, милая, всего лишь две минуты. Подумай, что такое паршивые две минуты для тебя, профессионала?! Пошли. Я покажу тебе, как все здесь устроено. — Он помог ей подняться на катер и предложил: — Начнем с шампанского?

Изабель с удивлением осматривалась по сторонам. Снаружи вроде скромнейшая, самая обычная посуда, а внутри — красное дерево, паркет, картины, хрусталь.

Она робко приняла тонконогий бокал из тончайшего стекла и сделала глоток шампанского, тут же ударившего ей в голову.

— Больше пить, к сожалению, нельзя. И закусывать тоже, — сочувственно развел руками Юрий. — Сама понимаешь, если вдруг все назад пойдет — будет некрасиво.

Солнце поднималось все выше, нагревало катер, а Изабель становилось все холоднее. И все страшней.

— Поскорей бы это кончилось! — в сердцах воскликнула она.

А Юрий, вместо того чтобы утешить, ледяным тоном произнес:

— Только не делай, пожалуйста, во время работы такого лица, как сейчас. Ты не отбываешь повинность. Ты отдаешь — с удовольствием! — самое дорогое.

«Бежать! Бежать отсюда!» — в отчаянии подумала Изабель.

Но снаружи уже пророкотал и затих мотор. Девушка успела выглянуть в иллюминатор и увидела машину. Водитель остался внутри, а пассажир вышел из салона и решительным шагом направился к ним. На ходу что-то вытащил из кармана, приложил к лицу...

Катерок качнуло. Гость вступил на борт. Юрий бросился к нему, однако тот сделал рукой отстраняющий жест, словно отгонял муху, и молодой человек замер.

Замерла и Изабель.

Хотя лицо человека, взошедшего на катер, скрывала венецианская карнавальная маска, ей показались очень знакомыми его фигура, походка, руки. И голос — развратный, хриплый:

— Привет, мое солнышко!

— Э... здравствуйте, — растерянно прошептала она в ответ.

И вдруг поняла, что никаких, даже самых огромных денег в мире ей не нужно. Больше того, все свое готова отдать, лишь бы этот страшный мужчина к ней не приближался, не трогал ее, не...

— Иди за штурвал, — велел незнакомец Юрию.

Тот поспешно ретировался.

Изабель сделала назад шаг, другой, пока не вжалась в стену.

— Хороша! — внимательно оглядывая ее, оценил мужчина. Коснулся рукой ее плеча — вроде бы осторожно, почти с нежностью, а в следующее мгновение рванул за ворот и одним движением разорвал ее платье.

— Нет! — отчаянно пискнула Изабель и попыталась прикрыть руками грудь.

Катер ревел мотором, удалялся от берега все дальше и дальше.

Она ждала, чего угодно: что страшный мужик ударит, набросится, изнасилует — прямо здесь. Однако тот почти вежливо произнес:

— Теперь поднимайся на палубу.

Девушка бегом кинулась наверх. Может быть, броситься в воду? Или... или попробовать поговорить с ними по-хорошему? Она не может этого сделать! Она передумала!!!

Мотор стих, стукнул, падая на дно, якорь. На палубе появился Юрий, и Изабель бросилась к нему:

— Пожалуйста! Отпусти меня! Я... я не хочу, я боюсь!

И в ужасе отступила. Потому что глаза у него сейчас были — абсолютно пустые. Он взял ее за руку, подвел к ведущей за борт лесенке, к низким перилам которой были прикручены два кожаных ремня с застежками, и велел:

— Становись сюда, лицом к воде.

Она, словно замороженная, исполнила приказ.

Юрий уверенным движением приторочил к стальным перилам ее щиколотки и сказал:

— Когда дам команду, будешь нырять.

Ее трясло, будто в лихорадке.

Страшный заказчик неслышно подкрался сзади, провел жесткой, безжалостной рукой по ее бедру и хрипло прошептал:

— Я готов.

Юрий взглянул на ее страдальческое лицо и улыбнулся:

— Изабель, ты ведь сама говорила: «Как замечательно стать богатой, всего-то за пару минут!»

Мужик за их спиной хохотнул. А Юрий, сузив глаза, заорал:

— Прыгай!

И она — прыгнула.

Боже, насколько же ледяная вода! Изабель чувствовала, как сотрясается в отчаянной дрожи ее тело. Но набрать воздуха, несмотря на всю экстремальность ситуации, она сумела вволю. Две минуты, ха! Она спокойно продержится и три!

Страшный мужик в карнавальной маске немедленно взялся за дело, и каждое его движение приносило ей... как бы посчитать... тысячу долларов? Больше? Нет, не получится. У нее всегда было неважно с математикой.

Дышать становилось все труднее, грудь сдавливало все больше и больше. Но поднимать ее никто не торопился. Ладно, три минуты она выдержит без проблем. А дальше что?

А дальше... ее вдруг резко рванули за ноги. Но, вместо того чтобы вытащить, снова толкнули вниз, еще глубже. И девушка, от неожиданности, сделала самую большую ошибку, которая только была возможна: открыла рот.

Вода тут же хлынула в легкие, в голове помутилось, Изабель отчаянно задержалась, пытаюсь вновь задержать дыхание, но вода уже разрывала ее тело на части.

«Какая же я дура!» — мелькнула последняя мысль перед тем, как ее, словно в воронку, затянуло в темный коридор. И она полетела — быстро, в неизвестность, в черноту. И даже успела подумать: «Какая глупая у меня была жизнь... И до чего глупая — смерть!»

Ей было хорошо в темном, гулком и прохладном царстве. Но потом вдруг что-то начало давить на грудь, все настойчивее, больнее. Она закашлялась и открыла глаза. Над ней нависало довольное лицо Юрика.

Тот же солнечный день и тот же самый интерьер, правда, с единственным изменением — на видном месте толстенная пачка долларов.

— Мы так не договаривались! — гневно взглянув на Юрия, прохрипела Изабель.

— Ты о чем, моя девочка? — улыбнулся тот.

— Ты говорил, придется просто задержать дыхание! На две минуты, на три! А я чуть не утонула!!!

— Милая моя, кому нужно просто трахать тело под водой? Да еще платить за это бешеные деньги? Совсем иное дело, когда женщина задыхается, тело бьется в конвульсиях. Совсем другое удовольствие. За него и «башляют» куда больше, чем рядовым... проституткам. Ты молодец, клиент в восторге!

— Ты должен был сразу мне объяснить!

— Я думал, ты понимаешь, — хладнокровно заметил Юрий.

— Но я... я ведь умереть могла! — заплакала девушка.

— Брось! Я был на страже, — отмахнулся он. — И потом, я тысячу раз говорил тебе: ничем не рисковать — ничего не иметь. Согласна?

Изабель молчала, только тихо всхлипывала.

Он схватил ее за подбородок, повысил тон:

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

И она затравленно кивнула.

На этом запись оборвалась.

Тамара Кирилловна жалобно взглянула на Диму и пробормотала:

— Дима! Я совсем не знаю, что мне теперь делать! Я готова во всем признаться. Но тогда ведь вся эта грязь вылезет наружу...

Полуянов слышал ее, будто сквозь вату. Эротический фильм с участием Изабель произвел на него неизгладимое впечатление.

«Нет мозгов — считай, калека», — вдруг вспомнилась армейская притча. Бедная глупышка... Ладно, еще бы заставили ее, принудили. Однако фильм наглядно демонстрировал: Изабель прекрасно осознавала, на что идет. Впрочем, изверга, изувечившего ей лицо, это никак не оправдывало.

Но кто он? Родственник или друг Юрия? Кто-то из преступной шайки? Или же верны подозрения Изабель, и на ее жизнь покушалась коллега? Аристократичная Юлия Базанова?

— Тамара Кирилловна, — обратился он к домработнице. — Никому и ни в чем пока признаваться не надо. Наоборот, сидите тише воды ниже травы. Я постараюсь сам решить проблему.

Выйдя из академического двора, Полуянов сразу позвонил своему человеку в полиции. Майору Савельеву.

Настроение у того — повезло! — оказалось благодушным:

— О, журналист! Что-то ты зачастил. О чем клянчить будешь? Вчерашний налет на ломбард? Митинг геев на Маяковке?..

— Бери выше, — усмехнулся Дима. — Ничего мне от тебя не нужно. Сам хочу информацию предоставить.

— Бойтесь данайцев, даже приносящих дары, — пробормотал начитанный майор.

— Ладно-ладно, сам сейчас благодарить будешь. Про нападение на Истомина слышал?

— А ты-то здесь каким боком? — сразу насторожился Савельев.

— Да я у нее квартиру только что купил.

И, чрезвычайно осторожно подбирая слова, Дима рассказал майору о странном поведении коммерческого директора салона, которым владела Истомина, о книге Драйзера на ее столе и в руках убийцы, о нападении на Изабель человека, похожего на Юрия, а под конец выдвинул одну из своих версий:

— Раз Изабель кричала, что на нее напал Юрий, может, это действительно был кто-то на него похожий? Я знаю, например, что у покойного брат имеется.

— Открыл Америку! — буркнул Савельев. — Знаем мы про брата, и давно его ищем. Только он дома, гад, уже два месяца не появлялся. Но никуда не денется. Связи отработываем, ориентировки разослали.

Глава десятая

Костик Черкашин из дома мог неделями не выходить. А зачем? Питание тут — полный пансион, одежду с обувкой брат давно научил его заказывать по Интернету. А всякие забавы типа киношек или дискотек он искренне презирал. В законные выходные перед телевизором валялся, в сети бродил, по лесу гулял — тут и грибы, и ягоды, а зимой клюква.

Но сегодня — черт, что ли, нашептал? — вдруг ужасно захотелось ему вредного химического соединения под названием «фанта». Как представил ее, ядовито-оранжевую, ледяную, сладкую, прямо живот подвело.

Хозяина дома не было, поэтому он без опаски прошел на чистую половину, открыл холодильник: ничего, кроме минералки, у шефа, видать, очередной виток борьбы за здоровый образ жизни.

«Ладно, пес с ним, — решил Костик. — Прогуляюсь до станции».

Станция у них — одно название. Ни турникетов, ни даже касс. Электричка — одна из десяти останавливается. Но торговая палатка — единственная — имелась.

Пока шел, пить захотелось вообще смертельно, и оставшийся километр он пропустил трусцой. Домчался до палатки, увидел на витрине вожденный логотип и велел продавщице:

— «Фанту», полторашку. Только холодную!

Прямо у ларька открыл бутылку и присосался к ней. Настолько увлекся, что и не заметил, как рядом возник полицейский. Молоденький. Испуганный. Откуда он тут? Не местный, сразу видно.

— Ваши документы, — дрожащим, но строгим голосом потребовал страж порядка.

Ну, Костик, что ли, дурак — брать с собой документы, когда идешь в ларек на глухой станции.

— Дома они, братан, — улыбнулся он юному полицейскому. — Два кэмэ отсюда. Хочешь — пойдем, пройдемся. Покажу.

А мальчик в форме вдруг как схватит его под локоток, да рявкнет тоненьким голоском:

— Гражданин! Пройдемте!

— Эй, эй, командир, ты чего? — опешил Костик и стряхнул его руку.

А тот — совсем спятил, что ли?! — за пистолетом тянется. Неумело, неловко.

Ну, Костик время терять не стал. Развернулся — и резво бросился прочь. Тут лес в двух шагах, он в нем каждую тропинку знает...

Без брата Костик давно бы погиб. В семь лет полез в речку, переплывать на спор, а вода ледяная, да еще водоворот. Кто выручил? Юрка. В пятом классе тоже был вариант — катались на крышах поездов, у Костика нога заскользила, начал падать. Кто за шкирман схватил, спас в последний момент? Опять Юрик.

И вообще Юрец для него — типа палочки-выручалочки. Он и умней, и шустрей. Но добрый. Брата, дурака, не бросает, всю жизнь за собой тащит. Пусть и подсмеивается: дурачок, мол, дебил.

Братья внешне почти не похожи, только глаза у обоих голубые, огромные, ясные — как у мамы были, до того как пить начала.

Юрик, первенец, родился от красавца и вышел лицом и статью — сущий принц. Да еще отец его в университете учился, так что изрядную толлику мозгов мальчик унаследовал.

А Костя появился на свет спустя семь лет, когда мать уже изрядно поистаскалась — соответственно, и папаша у него — страшила и алкоголик.

Но хотя и разные по всем статьям, братья друг за друга ох как крепко держались. Точнее, Костик за Юриком — всю жизнь, будто ниточка за иголкой, тянулся. В любом бизнесе старшего брата — не партнер, но верный помощник. Юрик кроссовками в «Лужниках» торговал — Костя таскал за ним коробки. В интернет-магазине (недолгое время держали) бегал курьером, когда мойку открыли — работал, причем с удовольствием, за троих.

Но только Юрику от отца, видимо, еще изрядно честолюбия досталось. Все ему было мало. Какой бы ни крутил бизнес, постоянно ворчал: доходы, мол, не те, перспектив никаких. Скромный Костик с братом не соглашался, наоборот, убеждал, что все у них хорошо. Когда из детдома вышли, государство им квартиру выделило — правда, был настоящий клоповник, а теперь все как у людей: ремонт, мебель, телик. Костик для уюта даже ковер и хрустальную вазу купил.

Однако Юрий продолжал искать ходы. Задумчивый ходил, хмурый. С Костиком, ясное дело, не советовался. А когда младший брат предложил: «Может быть, ферму организуем? Дело, говорят, прибыльное, и в земле я ковыряться люблю», — поднял его на смех:

— Все-таки глупый ты у меня. Какая, в этой стране, ферма? Только долгов наживешь!

Но про мечту брата не забыл. И однажды предложил:

— Костян, ферму я тебе пока купить не могу, но, если хочешь, могу устроить в богатый дом садовником работать. Дел немного: газон подстричь, деревья полить. Плюс полная свобода творчества. Желаеть

завести грядку — воля твоя, сажай. За свежий овощ к столу тебе премия будет. Ну, и зарплата...

И такую цифру назвал, что у Костика аж глаза на лоб полезли.

Юрий познакомил с хозяином, договорились, ударили по рукам.

Сам брат при том же человеке работал. Только, естественно, в другой должности — в одном лице водителем и личным помощником. В господский дом вхож, с барином на короткой ноге. Костик Юрику прямо белой завистью завидовал. Тем более что здесь столько красивых женщин бывало, и брательник с ними — будто свой, кого обнимет, кому ручку поцелует.

А у одной — не русской, шоколадненькой, но тоже с голубыми глазами — с Юриком что-то вроде романа завязалось. Да какого! Рестораны, интим, даже на тропические острова вместе поехали! Брат хвастался, показывал фотографии, как они вместе под пальмами, на белоснежном песке. И такие красивые, радостные, что Костик простодушно спросил:

— Может быть, вам пожениться?

— О чем ты, братка? — расхохотался в ответ Юрик. — У нас с этой курочкой бизнес, ничего больше!

Видно, и правда, что-то выгодное завертели. Потому что Юрик и приоделся, и машину в очередной раз сменил, и Костику на хозяйство целую пачку пятитысячных дал не считая.

Младший брат тоже «крылья распустил», снова начал мечтать — пусть не о ферме, но хотя бы о домике собственном, с огородом... И тут случилась беда...

Когда хозяин вызвал его — впервые за год работы — к себе, Костя сразу почувствовал недоброе. Но он и представить себе не мог, насколько ужасную новость скажет ему босс. Юра, любимый брат, — мертв!!!

— Это случайность. Ему просто не повезло, — виновато повторял хозяин. — Понимаешь, у него аллергия была.

— Это что?

— Ну... это когда всем можно, допустим, водку, а ему нельзя, сразу смерть!

— Но Юрка ведь пил водку безо всяких проблем!

— Это просто пример, понимаешь? У твоего брата была аллергия не на водку, а на новокаин.

— Как?!

— Черт, ну, ты совсем, что ли, дикий? Новокаин — это такое лекарство, его колют, прежде чем зуб лечить, чтобы не больно было. Или как растворитель используют, для других препаратов.

— Но Юрка не пил никаких лекарств, он всегда только медом лечился!
— Не пил, а тут пришлось, — проворчал хозяин. — Запустил простуду твой брат, воспаление легких у него началось. Антибиотики назначили. Это хотя бы знаешь, что такое?

Костя кивнул.

— Ну вот. А их можно или водой растворять, или новокаином. Если водой — то колоть больно, новокаином же — нет. Вот Изабель и решила сделать, как лучше. Развела новокаином.

— Изабель?! Та самая красавица, мулатка? — ахнул Костя. — Она решила его убить?!

— Господи, ну, что ты такой бестолковый! Зачем ей-то его убивать, она души в нем не чаяла! Девчонка просто хотела, чтобы Юрию не больно было во время укола!

— И дала лекарство, которое брату нельзя?

— Она не знала! НЕ ЗНАЛА! — заорал хозяин. Но тут же взял себя в руки и буркнул: — Ладно, извини. Похороны через два дня. Мой шофер тебя отвезет.

Бедный Костик сам не знал, как пережил эти ужасные сорок восемь часов. Первые два дня — без брата, один-одинешенек на всем белом свете.

А на похоронах, когда увидел бледного и недвижимого Юрика, стало ему еще хуже. И хотя красавица Изабель рыдала похлеще него, он смотрел на девушку с непреходящей ненавистью. Ведь это она, своими изящными ручками, убила его брата, его все! Ему хотелось броситься на нее и задушить прямо здесь, у разверстой могилы.

Однако умный старший брат всегда учил: «Никогда и ничего не решай сам». Прежде Костик всегда с ним и советовался. Теперь, когда Юрика не стало, отправился к хозяину.

— Я хочу убить Изабель, — твердо заявил он.

— Ты спятил, — вздохнул в ответ шеф.

Юрик, верный Юрик, никогда бы так не сказал. Костик хмуро взглянул на хозяина и повторил:

— Я обязательно ее убью.

— Убивай. Сначала брата потерял, теперь сам пожизненное получишь, — равнодушно пожал плечами хозяин.

— Но я жить не могу, когда думаю, что он — в могиле, а этой дряни — хоть бы что.

— Говорю тебе, она не дрянь, она просто не знала.

— Вы совсем бессердечный? Не понимаете, как мне тяжело?

- Понимаю. Но в тебе сейчас говорит горе, а оно — плохой советчик.
- Я все равно никогда ее не прощу!
- А я и не говорю тебе, что надо ее прощать. Но идти напролом — глупо. Выжди, все обдумай...
- Здесь не над чем думать. Я уничтожу ее!
- Да уничтожай, ради бога, она нам больше не нужна. Только зачем самому-то мараться?
- А кто за меня это сделает?
- О-о, ты даже не представляешь, сколько в мире любителей! Сколько чудовищ с удовольствием возьмутся поохотиться на красавицу.
- Вы просто успокаиваете меня.
- Я просто призываю тебя не торопиться. Поезжай в отпуск, расслабься, отпусти голову. Медитируй. Ты знаешь, что это такое? Нет? Ладно, просто грей пузо на солнце. И я почти уверен: через пару месяцев твоя проблема решится сама собой.
- А если нет?
- Тогда я сам благословлю тебя. И дам пистолет. Договорились?

Костик, конечно, никуда не поехал — но честно ждал. Столько, сколько хозяин попросил. Иногда — в одинокие, грустные выходные — ездил к дому Изабель. Потом узнал, что она открыла салон красоты, и стал наведываться туда. Любовался роскошной мулаткой. Сочился злобой. Делал то, к чему не привык — думал. И понимал все больше: если чудовище, о котором говорил хозяин, не решит проблему за него, он не станет лишать эту прекрасную бабочку жизни. Куда справедливей будет отобрать у нее красоту.

Как раз и способ нашел подходящий — все газеты об этом писали, телеканалы смаковали. С одним из балетных за какие-то грехи неведомые расправились. Кислотой в лицо. Ее и достать не сложно. Другое дело, как бы устроить, чтобы Изабель его узнать никогда не смогла?

Сначала собирался идти на дело в маске. Но помозговал и понял: ждать красавицу, возможно, придется долго, нельзя к себе внимание привлекать. Пошарил в Интернете, поразмышлял и, в конце концов, нашел выход. Борода, естественно, парик и пластический грим. Ну, и еще полезную штучку нашел в магазине подарков. Маленький сейф в виде книги. На якобы обложке (она же крышка) умная надпись — «Финансист». Очень удобная вещь, чтобы не таскаться с банкой кислоты.

Костя не сомневался: Изабель никогда его не узнает. Тем более что и виделись они в доме хозяина всего пару раз, мельком. Юрик его даже не представил — постыдился, наверное.

...Красавица и не признала. Когда кислота обожгла ей лицо, начала отчаянно вопить: «Юра! Юра!»

Он и красавец-брат были ни капельки не похожи, но Костик несколько не удивился, что мулатка в нем Юрия признала. Это в ней совесть проснулась. Говорят ведь люди: «Если ты кого убил, покойник к тебе завсегда являться будет».

За пару мощных скачков Костик уже приблизился к лесу — и вдруг наперерез ему выскочил другой полицейский. Но хватать не стал, заорал:

— Миха, дурак, не стреляй!

Напарнику, значит, своему, который за Костиной спиной остался. А тот — болван, ковбой! — то ли не услышал, то ли страх глаза залил. Пуля свистнула, ударила совсем рядом с Костиком.

Он резко рванул вбок, запетлял, словно заяц. Сзади — придурок с пистолетом, навстречу мчит другой полицейский. Не стреляет, но оружие наизготовку и кричит:

— Остановитесь немедленно!

Костик у совсем нехорошо стало, голова закружилась. И тут краем глаза он увидел, как со стороны Москвы мчится электричка. Хорошо идет, резво — явно, останавливаться в их дыре не станет.

Вот он, единственный шанс!

Парень рванул к путям. Полицейские за ним:

— Стой, стой!!!

Электровоз засигналил, фары — будто два огромных глаза. Он, конечно, успеет! Он быстрый, шустрый! Метров сорок еще до поезда, целая секунда!

Костик бросился вперед, не раздумывая. Проскочил, полицейские остались сзади, ура! Он в упоении продолжил свой отчаянный бег... и не заметил, что по соседнему пути мчится товарняк. Успел увидеть отчаянное лицо машиниста, потом вдруг лицо Юрика — а дальше ничего, только холод и тьма...

Круговерть последних дней, наконец, замедлила ход. Нервное напряжение спало.

Изабель пока оставалась в Ожоговом центре, но врачи уверяли: ее жизни, а также зрению больше ничего не угрожает. От шрамов тоже, говорили, можно избавиться — если найдутся деньги на реабилитацию в немецкой клинике.

Скандалное видео, к неопишуемой радости Тамары Кирилловны, так нигде и не всплыло.

В ходе следствия выяснилось, что Юлия Аркадьевна Базанова к этому делу непричастна.

В новой квартире дела шли на лад. Надюха постепенно обращала хаос коробок и чемоданов в некое подобие уюта. Штор на окнах еще не имелось, чистые носки приходилось доставать из целлофанового пакета, но сегодня на ужин подруга уже пообещала не сухомятку, а отбивные под кремовым соусом — «Если ты мне, конечно, блендер найдешь и подключишь, Димочка».

Блендер он разыскал, и домашнюю пищу предвкушал с радостью. Но только вот ехал в новый, уже почти комфортный дом, к любимой женщине — а настроение на нуле. Не оставляло, прямо-таки поедом грызло ощущение — что-то очень важное он упустил.

Хотя полицейских «идеальное дело» — когда мотивы очевидны, а преступники мертвы — похоже, полностью устраивало. И Полуянову, за помощь следствию, чуть не грамоту давать собирались (по крайней мере, Савельев грозился, на излете коньячной бутылки).

Но только вот Диме злключения Изабель напоминали сказочку о курочке Рябе: «Дед бил-бил — не разбил, баба била-била — не разбила...»

И все вроде объяснимо. Подруга — мстила за старые обиды, Черкашин-младший — за смерть брата. Но два невыясненных вопроса оставались. Почему Ирина копила злобу больше десяти лет? И другой, не менее важный: Стеклова убить Изабель не смогла, погибла сама, однако уже через день (!) на кубинку последовало новое покушение.

Савельев в ответ на Димины сомнения лишь плечами пожал:

— Бывают и в нашей нелегкой службе счастливые совпадения.

И верная Надюха в ту же дудку дудела:

— Просто Изабель — типичная жертва, по психотипу. Мне самой, знаешь, сколько раз хотелось ей в глаз дать?

Но Диму занимал еще один вопрос. Он не был знаком с Юрием Черкашиным, но расспрашивал о нем у Тамары Кирилловны, у Изабель. И показалось по их ответам, что Юрий был далеко не глупым, но все же и не Бисмарком, однако сумел организовать рискованный, опасный, уникальный бизнес. Неужели сам додумался? Или имелся кто-то поумнее, кто наставлял, помогал и получал основные деньги? А еще — чрезвычайно ловко умел переводить стрелки на других.

Новенький «мерседес» осторожно крался по узкой лесной дороге. Ям на ней нет, но извивы такие, что уже минимум трое местных гонщиков

«целовались» с вековыми соснами и летали в канаву. А сейчас, когда только что прошел дождь, осторожность нужна вдвойне.

Он и крался на сорока километрах в час. Тише едешь — дальше будешь. Одна беда: «на хвост» прицепился, светя фарами, какой-то хлыщ. Ну, почему до людей не доходит, что нужно хотя бы минимальную дистанцию держать?

Хотя и опасно на скользкой дороге, он сбросил скорость, почти съехал на обочину, включил на два щелчка «аварийку» — обгоняй, мол, дурак! А сам сдал вправо еще больше, уже сам практически в кювете. И тут горе-гонщик, наконец, решился. Дальний свет так и не выключил, рванул вперед — и немедленно раздался удар. Зеркало сбил, козлиная!!! Впрочем, нет, не сбил, оно просто закрылось. Езжай уже дальше, отвяжись от меня, дебил!

Однако «мазда», зачем-то перегородив дорогу, остановилась. Разбой? Нажать на телефонном пульте единичку — вызов поселковой охраны?!

Принять решение он не успел.

Из протаранившей его машины с удивительной прытью выскочил парень. Водитель «мерседеса» сразу его узнал. Тот самый. Мутный. Как его — Дима?

Золотой в ярости опустил окно и заорал:

— Ты что творишь, придурок?!

— А как вас еще ловить, Георгий Васильевич? — кротко отозвался виновник аварии. — На и-мэйлы не отвечаете, трубку не берете. Даже в квартире появляться перестали. Сами вынудили меня. Авария у нас. Полицию вызывать будем?

— Пошел ты, знаешь куда! — не совладал с собой Золотой. — Что ты все таскаешься за мной? Что тебе нужно?!

— Да про Стеклову Ирину... мы тогда с вами поговорили... а я так ничего и не понял.

— Чего тебе непонятно? Она сумасшедшая была. Крэйзи. Дура! — Фотографа все больше переполняла ярость.

— А нулептил ей кто назначал? Врачи или вы?

— Чего-чего?

— Она принимала нейролептик. Корректор поведения. На вскрытии выяснилось. Но врачи ей его не назначали. Вы об этом не знали?

— Тоже мне, новость, — снисходительно проговорил фотограф. — Ирка постоянно над собой эксперименты ставила! Каких только «колес» не пробовала, про травку с грибами вообще молчу. Ладно, парень, все. Некогда мне тут с тобой языком чесать. — Золотой нажал на кнопку стеклоподъемника.

Полуянов не сомневался ни секунды. Размахнулся — и врезал по стеклу локтем. Комплектация у «мерса», к счастью, оказалась обычной, окно не бронированным. Осколки брызнули фонтаном.

Золотой и не собирался покидать машину, с неожиданной прытью он нажал на газ, да еще руль успел вывернуть, чтобы не влететь в Димину «мазду». Но правые колеса «мерседеса» съехали на обочину, забуксовали, и Полуянова эта пара секунд спасла. Успел, в отчаянном прыжке, броситься на капот. Неужели все равно поедет?!

Нет, сдрейфил толстяк, резко затормозил, с яростью выскочил из машины и заорал:

— Тебе что, жить надоело?

Полуянов не стал ждать, пока фотограф разразится новыми потоками брани, слегка врезал толстяку в челюсть — тот сразу обмяк. Схватил его за шиворот и поволол подальше от трассы, в лес.

И хотя поблизости имелась усыпанная хвоей полянка, специально швырнул фотографа в лужу. Черная жижа приняла неподъемную тушу, аппетитно чавкнула. Золотой застонал.

Дима вытащил из внутреннего кармана планшетник, нашел нужное изображение, увеличил и, едва фотограф распахнул мутные еще глаза, сунул гаджет ему в лицо:

— Узнаешь?

Золотой взглянул затравленно, залепетал:

— Ну, кто ж его не знает...

— Фамилию мне скажи!

— Ну, этот, как его, полномочный, представительный, с-сенатор...

— Ответ неверный, — поморщился Дима. — Для тебя он уж точно не просто сенатор. — И предъявил толстяку следующее изображение: тот же мужчина, на сей раз в венецианской маске, стоит на палубе яхты с перекошенным в экстазе лицом.

— Что это? Что за гадость? Убери! Я... я не понимаю, зачем ты мне это показываешь... — тоненько, по-женски, заблеял фотограф.

— Все, Золотой, прекрати концерт! У меня есть полная запись. Полная, понимаешь. А начинается она с того, как на пристань приезжает некий «мерседес». Ты, правда, решил в шпионов поиграть, номер заклеил. Но эти дешевенькие стикеры ничего не скрывают. Вот, посмотри. Здесь твой номер. Именно твой. Ошибки быть не может. — Да и лица можно разглядеть. Посмотри сам. За рулем — ты, справа — сенатор. И пристань я нашел, откуда ваша яхта отправлялась. Сторож, врать не буду, не колетса, зато лесник обнаружился. Он и номер вспом-

нил, и тебя узнал. И рассказал, что ты все лето сюда людей возил. Примерно раз в месяц. А где-то за полчаса до тебя приезжала еще одна машина. За рулем — молодой парень, а пассажиркой была женщина. Мулатка. Что теперь делать-то будешь, Золотой? Юрий Черкашин мертв, Изабель вышла из строя. Накрылся твой бизнес? Или у тебя другие исполнители есть?

— Я ничего тебе не скажу!

— И зря, Георгий Васильевич, очень зря. Вы ведь поняли уже, что я — проклятый журналюга, жареные факты люблю. Ох, и заработаю на этом видео! Вам оно, конечно, может и ничего, только на улучшение имиджа, а вот сенатор наш, богатый, влиятельный защитник сирых, убогих, уж точно вам этого не простит. К тому же в наших кругах хорошо известно — человек этот непотопляемый, много скандалов пережил, переживет и этот. А вот вы — будете валяться в лесу, в такой же луже — только с дыркой в голове.

— Ай, ерунды не говори! — фыркнул Золотой. — Изабель добровольно согласилась работать, никто ее на аркане не тянул!

— Ага, — кивнул Полуянов. — А наш сенатор — прекрасный семьянин и отец. И вообще защитник детей.

— Слушай, чего ты хочешь? Денег?

— Нет, Георгий Васильевич, я хочу правды. Я уже понял, что вы собирались руками Стекловой отомстить за смерть Черкашина-старшего. Но как вы уговорили ее на весь этот бред? На фотографию мертвой тренерши, рыбок, манекен? На встречу в бассейне, наконец?!

— Ну, Ирка ведь больная на всю голову была. На таких влиять — дело совсем не хитрое. К тому же она мне свою сагу, как Изабель ее жизнь разрушила, сто раз рассказывала. Я и подумал: грех не использовать старую ненависть. И Черкашину-младшему, бедняге умственно отсталому, потрафить, и самому развлечься. Но даже я, — тяжело вздохнул Золотой, — не представлял, в насколько благодатную почву упадут зерна. Ты говоришь: нулептил. Ну, да, давал лекарство. Но Ирка и безо всякого нулептила безумная. Начала с мелочей. Какой-то вирус отправила в компьютер Истоминой, чтобы тот вместо заставки с рыбками похороны показывал. Но дальше — такие дела творить начала! Когда они с Изабель встретились, и та сказала, что открывает салон красоты, а фитнес у нее будет вести не какая-нибудь девочка безвестная, а сама Валерия Наконечная, великий тренер, Ирка тут же отправилась к той тренерше в гости. Она ведь ее тоже знала по спортивным делам. Чаек, тортик, болтовня за жизнь, за прошлые успехи. А ночью бабусе вдруг стало плохо.

«Скорая», инфаркт, до больницы не довезли. А Ирка хохотала: «Хорошо у нас в стране! Клофелин — повсюду и без рецепта. А бабе Лере давно на тот свет пора было». Я, признаться, сначала и не понял, в чем ее замысел. Когда же Ирка мне похвасталась, как съездила в морг, договорилась с санитарями, сняла *post-mortem*, отправила фотографии Изабель, я, конечно, опешил, но виду не подал.

Дня через два у меня в особняке был большой прием. На него приехала Изабель. Дамы снова встретились, поболтали. Вдруг Ирка мчится, вызывает меня в спальню, требует:

— Обязательно сегодня черномазую отсюда отправь!

— Куда?

— В офис!

— Почему в офис?

— Господи, да она сама сказала, что дома покупатели квартиры ночуют — а у нее, если что, кушетка в офисе есть. Вот и сделай так, чтобы она туда умотала!

Я тогда ничего не понял, но просьбу выполнил, мне не жалко.

А Ирка является утром, будит меня, вся такая довольная. «Все, как я планировала, так и вышло. Она ночевать в офис потащилась. А я туда приехала раньше. Замочек дрянной, шпилькой вскрыла его в два счета. Ну, и покуражилась от души!»

— Знаю я, что там было, — вздохнул Полуянов. — И про манекен знаю. Только почему Изабель уверяла, что манекен в ее одежде был?

— Так Ирка постаралась, — хмыкнул Золотой, — максимальное сходство соблюсти, сама джинсы стразиками расшивала. Говорю же: дура несусветная.

— Георгий Васильевич, но вы-то — умный! Неужели сами не понимали, что это все — несерьезно, по-детски?

— Но дальше-то я девчонкам встречу сам устроил, — не без гордости продолжил фотограф. — И место выбрал, и про бассейн все разузнал. Что вышка десятиметровая есть, что санитарный день, воду сливать будут. Отличный получился бы несчастный случай... Кто мог предположить, что там окажется какая-то идиотка и все испортит?! В общем, — окончательно помрачнел фотограф, — обещал я Черкашину, что за брата его отомстят, да слово не сдержал. А тому — глупцу! — мозгов бог не дал, придумал бред с кислотой. Мало что живой ее оставил, так и дальше стал глупости ворошить. Нет бы, на дно уйти, а он взялся в героя играть. Вот на хрена ему было убегать? Глаза от страха вылупил — да под поезд. Собственными руками свою жизнь погубил. Ну, услышал правду? — с вызовом посмотрел

он на Диму. — И вообще, грешный я человек, обожаю людей стравливать, кайф от этого получаю.

— Какой же ты гад, Золотой! — вздохнул Полуянов.

— Ладно, не лечи, — буркнул толстяк. — Я уже взрослый мальчик, перевоспитывать поздно. Давай, диск гони. Я тебе все рассказал.

Дима покорно протянул ему флешку.

— А какие у меня гарантии, что у тебя копии не осталось? — Жалобно проблеял фотограф.

— Никаких. Только мое слово. И я его сдержу при одном условии: ты прямо завтра переводишь на счет немецкой клиники сто сорок семь тысяч долларов. Это стоимость полной реабилитации Изабель. Других вариантов нет. Вот реквизиты.

Полуянов швырнул поверх распластанного в грязи тела отпечатанную на принтере бумажку и, не оглядываясь, зашагал прочь.

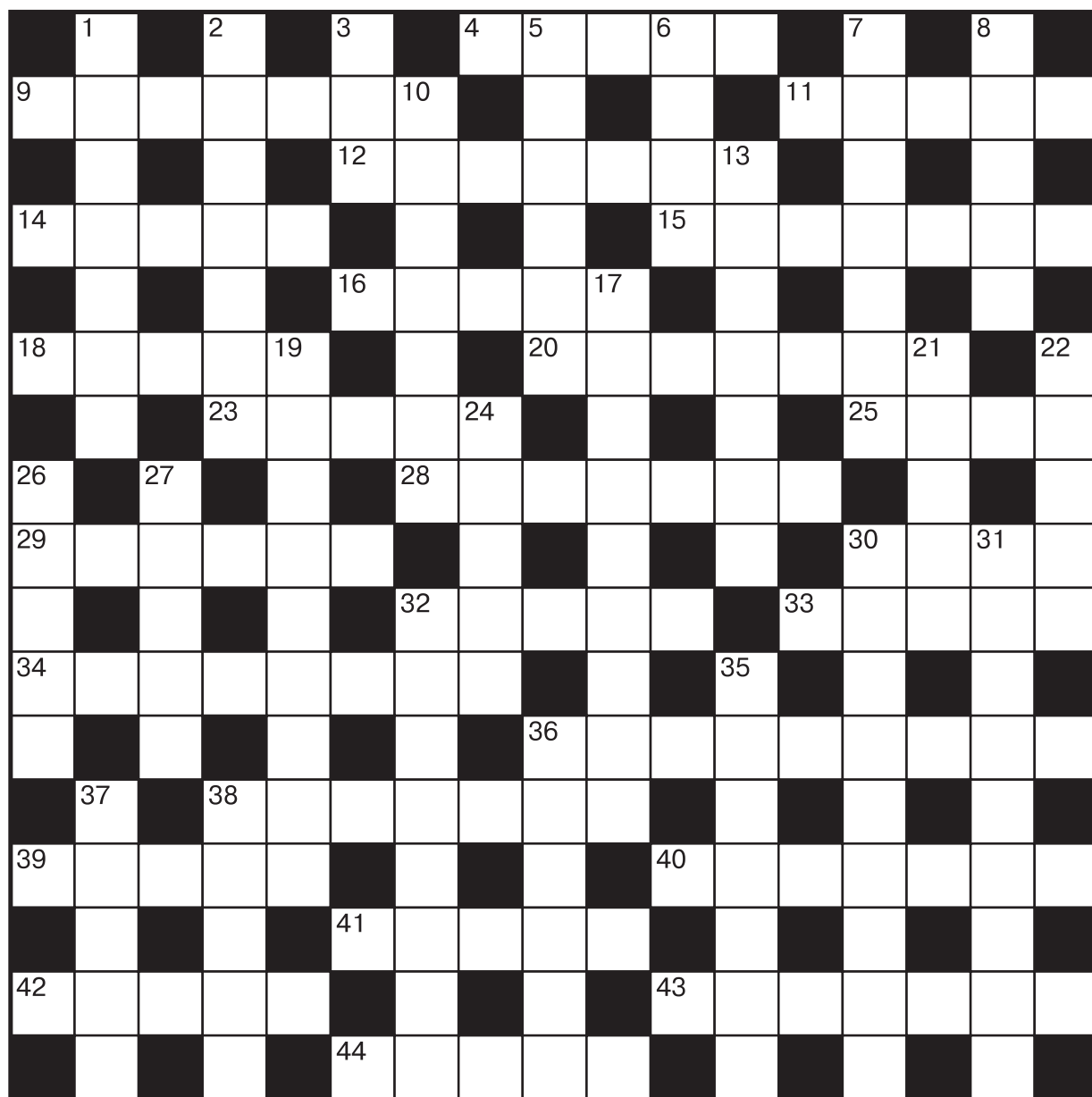
Шел — и представлял, как Изабель — излеченная, ставшая еще прекрасней, чем была, — приходит к ним в гости. А Надя напряженно сутулится, опасливо переводит взгляд с мулатки на него и тихо вздыхает, признавая превосходство соперницы.

Хотя, на самом деле, бояться верной Митрофановой больше нечего.

Он никогда не сможет не то, что полюбить Изабель, даже банальную интрижку с ней завести.

Слишком уж мерзким у красавицы оказалось хобби. □

КРОССВОРД

ПОГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Живописная материя. **9.** Ученые точно установили, что ... буквально убивает клетки мозга. **11.** «Входная открывашка». **12.** «Дружба — дружбой, а ... врозь». **14.** Самый фундаментальный материал. **15.** Исполнитель партии Утки в симфонической сказке «Петя и Волк» Сергея Прокофьева. **16.** Шекспи-

ровский вопрос: чем нас наделяют боги, чтобы сделать людьми? **18.** Соружение для состязаний по бобслею. **20.** «Неиссякаемый источник» умиления. **23.** Город с великими фарфоровыми домами Франции. **25.** Эстрадная дива ... Брайтман. **28.** Какой ученик «знания на измор берет»? **29.** Какой напиток фран-

цузские писатели окрестили «Зеленой феей»? **30.** Кто вместе с Владимиром Стекловым прошел подготовку для полета на космическую станцию «Мир»? **32.** «Подметное письмо» на современный лад. **33.** «В загробную жизнь я не верю, хотя и держу наготове смену нижнего белья» (культовый режиссер). **34.** Подлинная фамилия великого актера и режиссера Константина Станиславского. **36.** Звезда мирового кино, чья младшая дочь появилась на свет, когда ему исполнилось 70 лет! **38.** Посланец на конференцию. **39.** Копеечный трешник из старинной жизни. **40.** «Суверенное государство» внутри промышленности. **41.** «Паршивая овца все ... портит». **42.** Священный камень ацтеков. **43.** Какую траву добавляют в черное мороженое шведы? **44.** Хоббит, чья внешность в книге сильно отличается от имиджа Элайджи Вуда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** На гимнастической перекладине можно показать «... Ткачева». **2.** Единственный, запряженный по религиозному признаку, предмет в Османской импе-

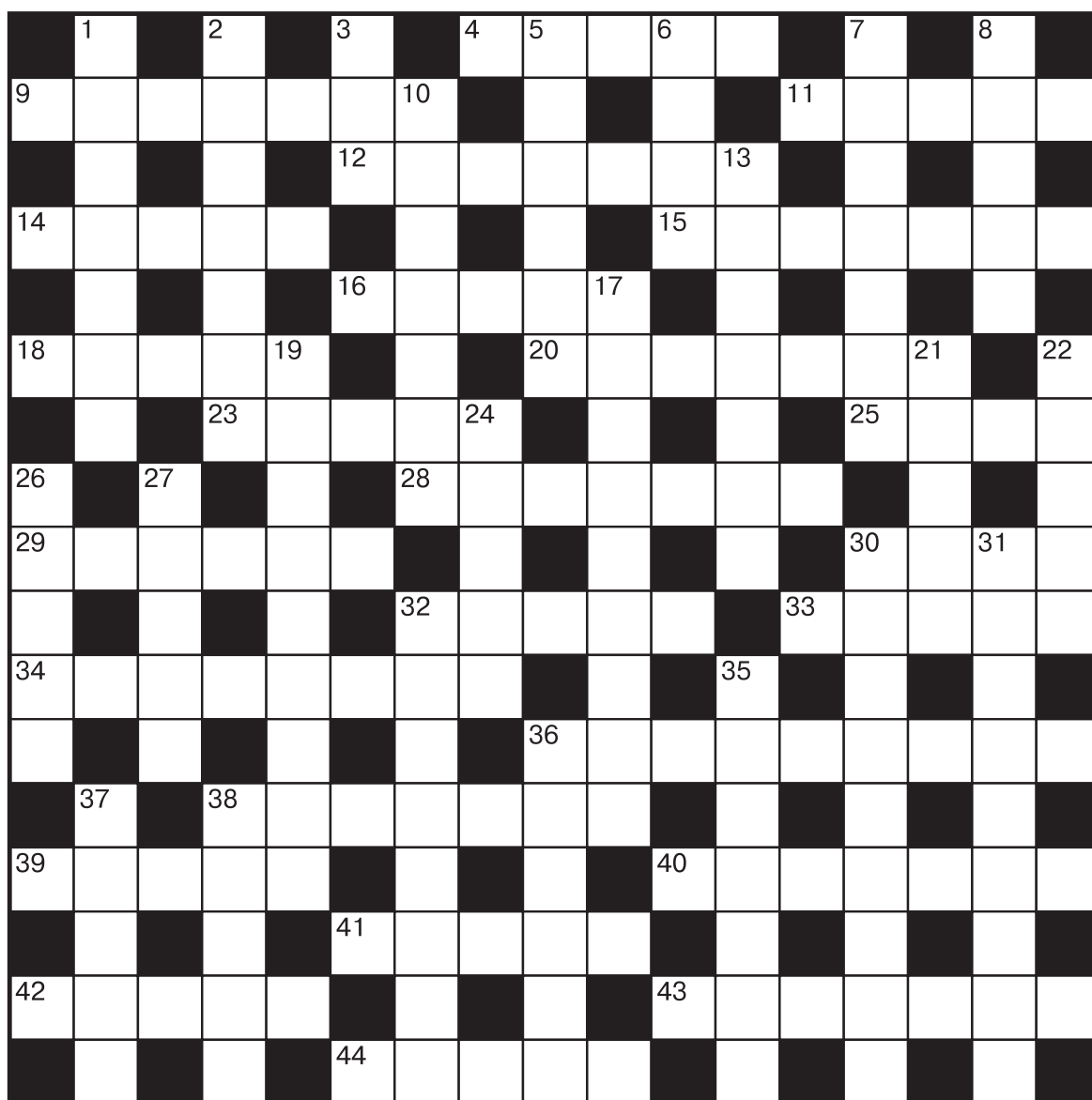
рии. **3.** Дело житейское. **5.** «Неприятный ... в душе». **6.** Певучая ступенька изношенности. **7.** «... был так переполнен, что некоторые мужчины даже стояли!» **8.** Что упало с аналоя во время венчания Александра Пушкина на Наталье Гончаровой? **10.** На чем улетают герои фильма «Небеса обетованные»? **13.** «Когда кипит морская гладь, ... в плачевном состоянии». **17.** Машина, у которой легко может «поехать крыша». **19.** Идеальный борец за денежные знаки. **21.** Стартовая энергия. **22.** Самый ходовой титул у цыган. **24.** Кто из чеховских героев адресовал свое письмо «на деревню дедушке»? **26.** Служитель плахи. **27.** Англичанин Бернард Шоу полагал, что истинно великого человека ... не портит. **30.** Последняя царица из династии Птолемеев. **31.** Сущий пустяк. **32.** Солдат, ушедший на нелегальное положение. **35.** В какой азиатской стране около сорока процентов жителей носят фамилию Нгуен? **36.** Какого города больше всего опасался Харун аль-Рашид? **37.** «Болванка» документа. **38.** Пустота разрушения.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Океан. **10.** Балетмейстер. **11.** Спидвей. **12.** Бронтозавр. **13.** Баррель. **16.** Рифма. **18.** Бег. **19.** Гость. **21.** Плен. **24.** Лицо. **25.** Целлулоид. **27.** Обет. **29.** Ругань. **30.** Германн. **34.** Гомиашвили. **35.** Генерал. **37.** Репертуар. **40.** Банка. **41.** Гипюр. **42.** Пилотаж. **43.** Шляпа. **44.** Аглая.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Капкан. **3.** Андерсен. **4.** Рай. **5.** Зебра. **6.** Смена. **7.** Айболит. **8.** Откармливание. **9.** Брера. **10.** Бейль. **14.** Боулинг. **15.** Стиль. **17.** Спрос. **18.** Берег. **20.** Горький. **22.** Фермуар. **23.** Пир. **26.** Дуршлаг. **28.** Телескоп. **31.** Номерок. **32.** Виртуал. **33.** Геракл. **36.** Ленин. **38.** Ринг. **39.** Дюма.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чья «бритва» не позволяет теории быть сложнее, чем это необходимо? **9.** Дед Одиссея, умевший быть невидимым. **11.** Мифический герой, с чьим именем связаны «состязания в поцелуях» среди жителей Мегары. **12.** Звонкий камень. **14.** Татарский тулуп мехом наружу. **15.** Захолустный городок из произведений Габриеля Мар-

кеса. **16.** Французский курорт из романа «Вечер в Византии» американца Ирвина Шоу. **18.** Дамская шляпка по французской моде XVIII века. **20.** Какая гадалка в точности предсказала смерть Михаилу Лермонтову? **23.** Церковная чаша. **25.** Балетный прыжок. **28.** Шведский шпиц. **29.** Латышский народный танец. **30.** Керамическая чаша для япон-

ской чайной церемонии. **32.** «Следующая реинкарнация» Далай-ламы. **33.** Пиво из творений Эхшила. **34.** Моряк, послуживший англичанину Даниэлю Дефо прототипом Робинзона Крузо. **36.** Доисторическая свинья. **38.** Долговременная завивка волос на «химической основе». **39.** Парижский хулиган. **40.** Какой напиток числят в «дедушках» джина? **41.** Индейский народ Мексики, чьи воины перешли на сторону испанских конкистадоров. **42.** Швейцарская мадам, придумавшая в конце XVIII века полынную настойку — абсент. **43.** Занавес для важнейших мистических сцен в театре ноо. **44.** Благодаря какой устрице получили первый искусственный жемчуг?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Царь Горох из польских народных сказок. **2.** Американский мафиозо, ставший прообразом Майкла Корлеоне из культового фильма «Крестный отец». **3.** Из-за какого недуга приступы сумасшествия сопровождали актрису Зинаиду Райх на протяжении почти всей

жизни? **5.** Самая высокая точка корабля. **6.** Казахский губернатор. **7.** Человек, в чьих интересах истина, даже если она совсем не в его интересах. **8.** «Наука веры» у мусульман. **10.** Мука грубого помола, напоминающая хлопья. **13.** Армянский куриный суп. **17.** Улучшение человеческого организма вживлением электронных деталей. **19.** Какой препарат изобрел герой Арнольда Шварценеггера из комедии «Джуниор»? **21.** Что делает штукатурку непроницаемой? **22.** Спаржевый салат у китайцев. **24.** Белый медведь для эскимосов. **26.** Австрийский трактор. **27.** Северная вяленка. **30.** Лягушка, чей самец вынашивает икринки во рту. **31.** Император Николай II лично запретил допускать Максима Горького в академию. Кто сразу же покинул ее в знак протеста? **32.** Англичанин, создавший первый паровоз для рельсового пути. **35.** Яблочный десерт из меню последнего ужина на «Титанике». **36.** Галл в сподвижниках у легендарного Спартака. **37.** Решающий акт корриды. **38.** Таинственный камень в стене Каабы.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Оккам. **10.** Палеокортекс. **11.** Стратег. **12.** Алабастрон. **13.** Абхьяса. **16.** Кринг. **18.** Ват. **19.** Дхоти. **21.** Креп. **24.** Буря. **25.** Клушанцев. **27.** Треф. **29.** Биплан. **30.** Цилиндр. **34.** Желтопузик. **35.** Змиулан. **37.** Нюрнберг. **40.** Пугио. **41.** Гагры. **42.** Разлюли. **43.** Хейро. **44.** Абаши.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Катиби. **3.** Акапьякап. **4.** Гаг. **5.** Жемле. **6.** Якоби. **7.** Брасеро. **8.** Бееренауслезе. **9.** Ясень. **10.** Перст. **14.** Бхишадж. **15.** Стена. **17.** Юката. **18.** Вещец. **20.** Вязники. **22.** Иллидан. **23.** Геб. **26.** Вимперг. **28.** Фидуциар. **31.** Ремесло. **32.** Стабуле. **33.** Амаузе. **36.** «Нюхач». **38.** Гайб. **39.** Трэш.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта основная подписка на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получают денежные премии!**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

